

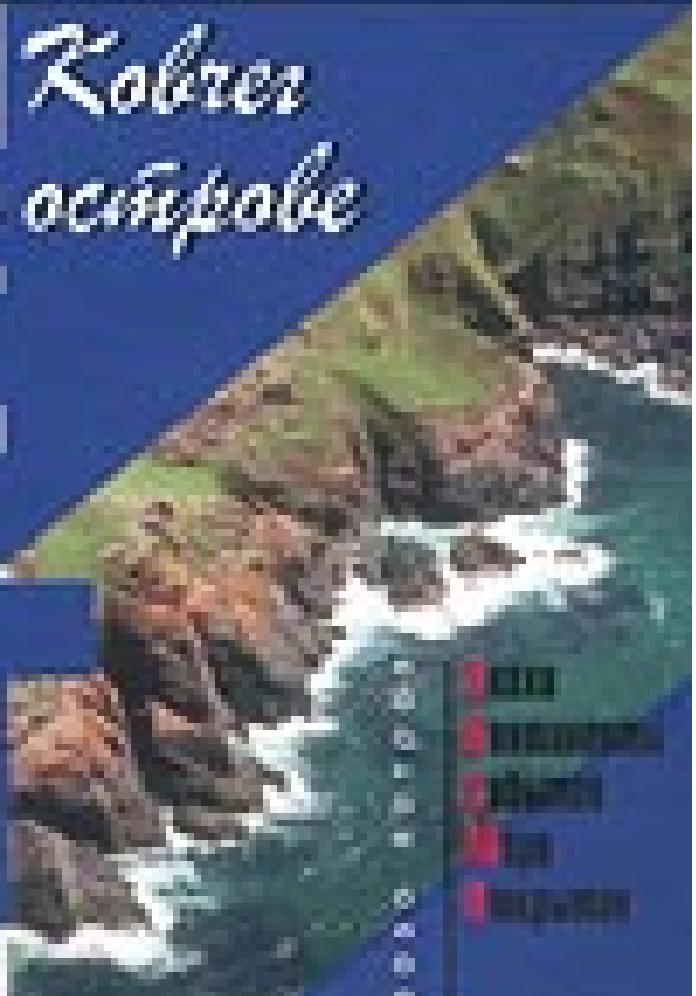
Джепджетт

THE
BIRD
BOOK

Манго зверу

*Кобрез
на острове*

111
1111111111
11111
111
1111111111

Даррелл Д. Только звери. Ковчег на острове: Авторский сборник //Эксмо-Пресс, М., 2001
ISBN: 5-04-008459-5
FB2: Black Jack, 2005-02-26, version 1.0
UUID: 039E3134-3FD2-46E1-BE6F-372520669FE5
PDF: fb2pdf-j.20160627, coollib.net converter, Jun 19, 2023

Джеральд Даррелл

Ковчег на острове

В предлагаемой книге Джеральд Даррелл описывает путешествие в чрезвычайно редко посещаемый район Латинской Америки. С присущим ему юмором и художественным мастерством рассказывает о занимательных происшествиях, связанных с ловлей и содержанием в неволе диких животных, сообщает массу интересных подробностей об их привычках и образе жизни.

Содержание

Введение	0005
Глава 1. Спуск на воду	0006
Глава 2 Позолоченная клетка	0015
Глава 3 Замысловатая задача	0033
Глава 4 Счастливые союзы	0044
Глава 5 Фантазии, факты и формуляры	0060
Глава 6 Пилюли, примочки и полумеры	0074
Глава 7 Ковчег на острове	0082
Сообщение от Фонда охраны дикой природы Джеральда Даррела	0091

**Джеральд Даррелл
Ковчег на острове**

Введение

Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над зверями, и над птицами небесными, и над всяким скотом, и над землею, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

Книга Бытия. 1, 28

И я ввел вас в землю плодоносную, чтобы вы питались плодами ее и добром ее; а вы вошли и осквернили землю мою, и достояние мое сделали мерзостью.

Книга Иеремии. 2, 7

Эта книга о зоопарках вообще и об одном зоопарке в частности: том самом, который я учредил на острове Джерси.

Возможно, люди, связанные с зоопарками, обвинят меня в чрезмерной прямоте. Но мне очень хочется, чтобы зоопарки здравствовали и процветали, чтобы они работали лучше и с большей пользой, а не чахли и исчезали из-за собственной инертности и общественного осуждения. Да что там, во многих вопросах, которые затронуты в этой книге, я скорее грешу снисходительностью.

Если все же кто-то сочтет, что я излишне суров, — прошу пожаловать на Джерси и указать на недостатки в нашей работе. Мы любим критику и (надеюсь) умеем извлекать из нее уроки.

И еще, с вашего позволения. Решив серьезно говорить о достаточно серьезном, на мой взгляд, деле я не преминул сдобрить свой рассказ историями, которые не только иллюстрируют мои мысли, но и показывают занимательную сторону моей работы. Если кто-то осудит меня за видимое легкомыслие, могу лишь возразить, что у меня не хватило бы сердца делать свое дело, если бы мои собственные причуды и художества моих собратьев по животному миру — от политиков до павлинов — не представлялись мне крайне потешными. Нынешнее положение вещей в биологическом мире настолько серьезно и будущее выглядит до того мрачно, что светлячки юмора просто необходимы, чтобы освещать нам путь.

Глава 1. Спуск на воду

В основе всех примеров в этой книге лежит одна мысль: продолжая губить природу, человек пилит сук, на котором сидит, ведь разумная охрана природы равнозначна охране человечества.

*Винценц Зисвилер. Вымершие и вымирающие животные
Коренной порок нашей технологической западной культуры в том, что ныне она располагает средствами, чтобы в мгновение ока совершенно истребить жизнь на огромных площадях, но не осознает вытекающих отсюда разнообразных побочных следствий.*

*Д-р С. Р. Эйр. Охрана природы и плодородие
Биология зоопарка все еще находится в пеленках, и руководители многих зоопарков даже не подозревают о существовании такой науки. Кое-где вовсе не задумываются над тем, какую роль играет или призван играть зоопарк в наши дни.*

*Хейни Хедигер. Человек и зверь в зоопарке
Попирающий малых сих сам же повержен будет.*

Апокрифы. Книга премудрости Соломона

Вся моя жизнь так или иначе связана с зоопарками. Уже в двухлетнем возрасте, когда наша семья жила в одном из городов Центральной Индии, который мог похвастаться неким подобием зоопарка, я заразился своего рода «зооманией». Дважды в день, когда моя многострадальная ая спрашивала, где мне хочется погулять, я тащил ее к рядам зловонных клеток с облезлыми живыми экспонатами. Любую попытку няни изменить этот ритуал я встречал яростными воплями, которые слышно было от Бомбея на юге страны до границы Непала на севере. Так что я нисколько не удивился, узнав от матери, что моим первым словом было «зоо».

С тех пор я непрестанно произношу его, когда с восторгом, когда с тоской.

Естественно, впечатления раннего детства вселили в мою душу желание обзавестись собственным зоопарком. И с двух до шести лет я усердно готовился к тому дню, когда стану обладателем зверинца, собирал всевозможную живность от пескарей до мокриц, которые в возрастающем числе населяли комнату, где я спал, и даже мою персону. Затем мы переселились в Грецию, там мне была предоставлена самая широкая свобода, и я мог без помех предаваться своей страсти и изучать диких тварей. Годилось все — от филина до скорпиона. Когда же мы вернулись в Англию, я понял: нечего и помышлять о своем зоопарке, пока не приобрел опыта работы с более крупными животными, такими, как львы, буйволы и жирафы, для содержания которых при всем моем энтузиазме ни сад, ни спальня, не говоря уже о моей собственной персоне, не очень-то подходили. И тут мне посчастливилось — меня приняли на работу в зоопарк Уипснейд в Бедфордшире, загородную базу Лондонского зоологического общества. Я числился смотрителем-практикантом — громкое звание; на самом же деле я был мальчишкой на побегушках, меня совали в ту секцию, где требовался подручный для черной работы. Такая практика была во многом идеальной: я усвоил хотя бы то, что работа с животными — дело, как правило, тяжелое, грязное и далеко не романтичное; зато я общался с множеством чудесных животных, от эму до слонов. После Уипснейда я десять лет занимался отловом зверей, финансировал и возглавлял десять серьезных экспедиций в разные концы света, добывая животных для зоопарков.

Уже работая в Уипснейде и потом в ходе моих первых четырех экспедиций я стал задумываться над назначением зоопарков. Не потому, что сомневался в их целесообразности вообще: я верил (и по-прежнему верю), что зоопарк — весьма нужное учреждение. Мои сомнения касались практической деятельности некоторых зоопарков и общей ориентации большинства из них. До прихода в Уипснейд мне, зооманьяку, казалось, что критиковать какой-либо зоопарк, хотя бы очень мягко, — святотатство, чреватое карой небесной. Однако впечатления от Уипснейда и от многих других коллекций, куда я поставлял животных, посеяли в моей душе растущее беспокойство. Накапливая опыт, я пришел к выводу, что многое в работе обычных зоопарков заслуживает критики, более того, критиковать необходимо, чтобы зоопарки вышли из застоя, который поразил подавляющее большинство этих столь важных, на мой взгляд, заведений или в котором они пребывали с самого начала. Да только невелика хитрость критиковать канатоходца, если вы сами ни разу не становились на подвешенный канат, и я более прежнего проникся решимостью учредить собственный зоопарк.

Делясь с другими своим замыслом, я смог убедиться по реакции собеседников, как низко зоопарки позволили себе пасть в глазах общественности. Скажи я, что собираюсь наладить производство пластиковых бутылок, сколотить поп-группу, открыть клуб со стриптизом или еще какое-нибудь заведение, приносящее столь очевидное благо человечеству, мои планы, конечно, были бы встречены сочувственно. Но *зоопарк*? Место, куда вы скрепя сердце отправляетесь с детьми, чтобы они покатались верхом на слоне и объелись мороженым? Место, где животных держат в заточении? Неужели я это замыслил всерьез? Почему, почему именно зоопарк?

В какой-то мере я понимал и даже разделял их точку зрения. Ответить на вопрос «почему?» было трудно, так как наши представления о зоопарке в корне расходились. Все дело в том, что прежде (да и теперь тоже) лишь очень немногие, будь то ученые или люди, к науке отношения не имеющие, верно осознавали значение хорошего зоопарка. По сей день зоопарки не считают серьезными научными учреждениями, не желают понять, что в них можно проводить огромную и важную исследовательскую, охранную и просветительную работу. В большой мере здесь повинны сами зоопарки — слишком уж часто они, явно пребывая в полном неведении о своих научных возможностях, дают повод всем и всякому смотреть на них исключительно как на увеселительное заведение. Стоит ли удивляться, что широкая публика и ученая братия видят в зоопарке развлекательное предприятие — не столь мобильное и легкое на подъем, как странствующий цирк, но примерно равное ему по научному значению. Обычно зоопарки даже поощряют такой взгляд, ведь слово «научный» для большинства людей стоит в одном ряду со словом «скучный», столь пагубно влияющим на сборы.

Между тем зоологический парк располагает возможностями, какими не может похвастаться ни одно сходное учреждение. Идеальный зоопарк — это комплексная лаборатория, учебный центр и звено в системе охраны природы. Мы знаем подчас поразительно мало о биологии даже самых обычных животных, и зоопарки могут сыграть неопценимую роль в накоплении таких данных. Совершенно очевидно, что это поможет в конечном счете охране животных в естественной среде; ведь нечего и думать об охране вида, если ты не

знаешь толком его особенностей. Правильно организованный зоопарк обеспечит вам возможность таких исследований.

Конечно, желательнее изучать зверей на воле, однако многие стороны их биологии более сподручно наблюдать в зоопарках, а некоторые проявления ее вообще поддаются изучению только в контролируемой обстановке. Попробуйте, например, точно определить сроки беременности у диких животных на воле, проследить за повседневным ростом и развитием детенышей и так далее. А в зоопарке это вполне возможно. Вот почему зоологический парк — правильно организованный зоологический парк — служит неисчерпаемым источником ценных сведений, если животных как следует изучают и должным образом фиксируют полученные данные.

Зоопарки призваны сыграть и чрезвычайно важную просветительную роль. Ныне, с изобретением мегаполиса, большого города, мы плодим в многоэтажных вертикальных сундуках новое поколение, которое растет, не зная пса, кота, золотой рыбки, попугайчика; поколение, для которого источник молока — бутылка, а корова и трава, как и объединяющий их сложный процесс, остаются книгой за семью печатями. Возможно, это поколение и его потомки только в зоопарках и смогут узнать, что не они одни населяют Землю, другие существа тоже пытаются это делать.

И наконец, зоопарки могут сыграть огромную роль в охране фауны. Прежде всего они должны стремиться к тому, чтобы максимум представленных в них особей плодились; это позволит уберечь от истощения дикие популяции. Но еще важнее создавать жизнеспособный плодовитый фонд видов, численность которых в природе упала до угрожающе низкого уровня. Не один зоопарк успешно выполнял и выполняет эту задачу.

Из доброй тысячи видов, которым грозит вымирание, многие представлены настолько малочисленными популяциями, что без программы разведения в неволе, наряду с обычными мерами охраны, просто нельзя обойтись. Много лет люди, с которыми я разговаривал (включая директоров зоопарков), явно довольствовались крайне смутным представлением о возможностях и важности, даже необходимости размножения животных в неволе как средстве охраны фауны. Однако в последние годы наиболее передовые зоопарки и благоразумные поборники охраны природы стали говорить о «зоологических резервах» для определенных видов, попавших в ряд исчезающих. Это значит: когда численность какого-то животного сократится до известного минимума, необходимо принять все меры для охраны его в дикой природе, но, кроме того, следует профилактически создать в зоопарке жизнеспособный плодовитый фонд, а еще лучше — учредить особый питомник. Тогда, что бы ни случилось с дикой популяцией, вид уцелеет. Более того, если вид вымрет на воле, вы, располагая плодовитым ядром, можете в будущем попытаться реинтродуцировать животное в безопасные для него районы прежнего ареала.

Размножение в неволе уже помогло таким животным, как олень Давида, зубр, бонтбок, гавайская казарка и другие, причем кое-кого из них спасло от полного вымирания. Но этим делом занимались немногие зоопарки, и помощь оказана лишь горстке видов. Между тем перечень животных, которые нуждались в ней, чтобы уцелеть, рос с угрожающей быстротой. Мне было ясно, что множество видов может исчезнуть, если этому способу охраны фауны не будет уделено больше внимания.

Я считал, что существующие зоопарки обязаны гораздо интенсивнее заниматься этой неотложнейшей задачей. И она должна стать одной из главных в работе каждого нового зоопарка. Ведь по-настоящему нужны не более обширные, а небольшие, специализированные зоопарки, способные сосредоточить усилия на одной задаче, посвятить все силы и время разведению в неволе видов, срочно нуждающихся в помощи. К тому же такие учреждения смогут прийти на помощь менее известным и малопривлекательным животным, которыми обычно пренебрегают, потому что они не пользуются успехом у посетителей; можно сделать упор на создание жизнеспособных размножающихся групп угрожаемых видов, доводя их до такой численности, чтобы угроза вымирания миновала, причем зоопарк будет играть роль не только убежища, но и научно-исследовательской лаборатории, а также, что еще важнее, учебного центра. Содержать и разводить животных, особенно редких и уязвимых животных, искусство, которому надлежит обучать и учиться. К сожалению, в прошлом (да и теперь во многих зоопарках) для ухода за животными нанимали людей, коим следовало бы искать применение своим мизерным талантам где-нибудь в другом месте.

Безотлагательная надобность в такого рода учреждениях казалась мне предельно очевидной, однако в те времена (отчасти и поныне) у моих планов были противники в лице, так сказать, старозаветных защитников фауны. Они никак не хотели взять в толк, что размножение в неволе — важная и нужная вторая линия обороны наряду с обычными способами охраны вроде создания заповедников, парков и подобных объектов. Много лет, стоило на каком-нибудь высоком форуме поборников охраны повести речь о разведении животных, и на вас глядели так, словно вы сторонник некрофилии как средства регулировать численность народонаселения в мире.

Отождествление зоопарков со зверинцами прошлого века укоренилось так прочно, что люди не хотели верить, что у зоопарка могут быть более серьезные цели. Главное возражение сводилось к тому, что все зоопарки скверно организованы и трудно назвать хотя бы один, который проявил бы способность или желание помочь в борьбе за охрану животных, разводя их в неволе. Наоборот, присущая зоопаркам высокомерная установка «этого добра там пруд пруди» делала их растратчиками природных ресурсов; они пополняли свои коллекции за счет диких популяций, когда какие-нибудь экспонаты погибали то ли по недосмотру, то ли по невезению, то ли по обеим причинам вместе. Слишком уж многие зоопарки, говорили поборники охраны фауны, на словах всей душой за охрану, а практически палец о палец не ударяют; слишком многие зоопарки видят в редких животных лишь источник доходов и рекламы, а не ценные особи, которые нужно беречь и размножать; слишком многие зоопарки кричат о своей «работе по охране животных», которая на деле от продуманной охраны так же далека, как рассада на подоконнике от программы лесовозобновления.

К сожалению, эта критика в большой мере была и остается справедливой. Мои слова о том, что теперь необходимо не множить число обычных зоопарков, а создавать специализированные, с тщательно разработанной программой охраны и разведения животных, ни до кого не доходили. В такой обстановке требовалась немалая решимость, чтобы затеять организацию еще одного зоопарка, даже если у вас было задумано нечто совсем отличное от боль-

шинства существующих учреждений этого рода. По всему было видно, что ждать поддержки от поборников охраны бесполезно. Оставалось только основать свой собственный специализированный зоопарк и посмотреть, что из этого получится.

Впрочем, я не настолько увлекся своей идеей, чтобы не отдавать себе отчета в одном существенном факте. Даже если я преуспею, мое творение будет всего лишь маленьким винтиком в большом и сложном механизме охраны природы. Правда, это винтик недостающий и, как мне представлялось, очень нужный. Что ни говорите, даже самые крохотные винтики играют важную роль. Вспомните, сколько планктона, этих малюсеньких, но вкусных рачков, требуется, чтобы мог жить синий кит.

Я быстро убедился, что роскошные планы — это замечательно, но без прочной основы они — дым. Основой в этом случае была звонкая монета. Вся сложность заключалась в том, что я задумал предприятие, которое не могло и не должно было давать прибыли. Для успеха всей затеи необходимо было каждое вырученное пенни тут же вкладывать в дело. Между тем одна мысль о том, чтобы одалживать деньги на предприятие, не сулящее прибыли, для представителей бухгалтерского племени, отнюдь не славящегося беспечностью и легкомыслием, была чревата глубоким нервным потрясением. Еще более пагубно действовала эта идея на управляющих банками. До тех пор я никогда не подозревал, что у хорошо вышколенного управляющего может быть такое скептическое лицо.

Впрочем, и в этой мгле пробился луч надежды. Банк обещал рассмотреть вопрос о ссуде, если я найду надежное обеспечение. При этом мне деликатно дали понять, что, по их глубокому убеждению, самое лучшее для меня — возвращаться домой, лечь в горячую ванну и вскрыть себе вены. Во всяком случае, такова была суть услышанного мной. Я пренебрег этим советом. Основная проблема заключалась в том, что предложить в качестве обеспечения. Оказалось, что это не такая уж неразрешимая проблема, ибо я располагал одним (только одним) предметом, который мог служить залогом: моим писательским пером. Разумеется, если за ним вообще признают какую-нибудь ценность. Но ведь я написал три книги, пользующиеся большим успехом, — так почему бы, простоудушно рассуждал я, не продолжить писательство? И почему бы не получить ссуду под еще не созданные шедевры? Окрыленный своим открытием (раньше я и не подозревал, что обладаю деловой сметкой), я помчался к своему издателю Руперту Харт-Девису и в длинной, яркой, хотя и несколько сбивчивой речи поведал о своих планах. Я так горячо отстаивал задуманное дело, что бедный Руперт, совершенно замороженный, пообещал выступить гарантом на сумму 25 тысяч фунтов — при условии, что я застрахую свою жизнь на такую же сумму: вдруг меня сожрет лев до того, как я смогу вернуть ссуду. К счастью, мне удалось застраховаться.

Итак, деньги появились. Теперь спрашивалось, где осуществлять задуманное. Идеальный вариант — закрытая для посетителей научно-исследовательская станция и питомник — исключался. Посетители нужны, и не только для покрытия текущих расходов: ведь мы должны вернуть ссуду, да еще с процентами. Стало быть, зоопарк надо разместить достаточно близко от крупных населенных пунктов или же в курортной местности с большим наплывом отдыхающих.

Первым делом я подумал о Борнмуте, который со всех точек зрения представлялся мне самым подходящим местом. В другой книге я уже рассказал, как пытался реализовать свою идею там и в соседнем городке Пуле. Не буду здесь повторять эту печальную историю. Достаточно сказать, что из-за близости и упрямства местных властей мне пришлось оставить попытки учредить специализированный зоопарк на южном побережье Англии. И вообще было похоже, что вся Англия находится под пятой местных органов, не видящих дальше своего носа и оградивших себя такими изошренными бюрократическими хитросплетениями, что ты оказываешься связанным по рукам и ногам, словно забрел в сети гигантского паука. Потеряв надежду добиться толку в собственно Англии, я расширил круг поисков. Сказал себе, что мне нужен небольшой административный округ со своими установлениями. Не такая уж дикая идея, как это может показаться; мне тотчас пришли на ум два самоуправляющихся района Соединенного Королевства — остров Мэн в Ирландском море и Нормандские острова в проливе Ла-Манш, расположенные ближе к Франции, чем к Англии. Изучив первый вариант, я отверг его, потому что Мэн находится слишком далеко на севере — климат для моей затеи неблагоприятный. Куда больше привлекал меня Джерси — главный из Нормандских островов. Вот только одна загвоздка: я не знал там никого.

Снова обратился я к моему многострадальному издателю, и снова Руперт меня выручил. Через него я познакомился с майором Фрейзером, который постоянно проживал на Джерси и доверчиво согласился помочь мне подыскать подходящее место. Вместе с моей женой Джеки я прилетел на Джерси; майор Фрейзер встретил нас, и мы проехали на его машине по острову, знакомясь с различными участками. Увы, каждому из них чего-то не хватало. Заметно приунывшие, мы взяли курс на владения самого Фрейзера, где нас ожидал завтрак. И вот перед нами поместье Огр — постройка из местного гранита цвета осенних листьев, огромный сад, обнесенный каменной стеной, внутренний двор с въездом через две великолепные арки шестнадцатого века, а кругом мягкими складками простиралось полтора десятка гектаров возделанных земель. С первого взгляда я понял: это то, что мне надо. Но годится ли посягать на родовое поместье человека, оказавшего тебе гостеприимство? В конце концов, призвав на помощь весь такт, на какой я вообще способен, я предал гласности свои мысли. И с удивлением услышал, что майор Фрейзер подумывает о том, чтобы перебраться в Англию — очень уж дорого частному лицу содержать такое поместье. Так что он охотно сдаст мне его в аренду с правом выкупить поместье позднее, когда мы поднимемся на ноги. Тут же мы отправились к надлежащим властям, и моя идея была принята с неподдельным восторгом. В итоге я в каких-нибудь три дня нашел подходящий участок, обзавелся всеми нужными разрешениями, чтобы основать зоопарк, и получил «добро» органов самоуправления Джерси. В три дня я достиг того, чего не смог добиться за год борьбы с тяжеловесной английской бюрократией. Что ни говорите, у небольших самоуправляющихся территорий есть свои достоинства.

На первых порах зоопарк производил далеко не солидное впечатление. Помещения для животных при всей их добротности не ласкали глаз, но что поделаешь, если денег не хватало. И мы надеялись исправить положение в ближайшем времени по мере того, как наше учреждение будет расти и преуспевать. Создавая зоопарк, я в то же время должен был и зарабатывать на жизнь,

и добывать средства на покрытие ссуды. Понятно, материал для книг я мог собрать только в новых экспедициях, но это меня вполне устраивало, ведь теперь я впервые точно знал, что ждет моих зверей (какие клетки и какой уход), когда я их привезу. С другой стороны, уезжая в экспедиции, я был вынужден оставлять новорожденного на попечение управителя. Очень скоро выяснилось, что это было роковой ошибкой. Вернувшись из очередной экспедиции, я обнаружил, что придется отложить дальнейшие поездки и взять бразды правления зоопарком в свои руки, пока дело не кончилось полным банкротством. Последовали два, мягко выражаясь, весьма утомительных года. Приходилось брать новые ссуды для борьбы со смертностью детенышей; в то же время я должен был писать, чтобы прокормиться и как-то покрывать долги, которые достигли угрожающих размеров.

Нам повезло, что с самого начала удалось создать коллектив из преданных делу, работающих сотрудников; без них вся моя затея, несомненно, захлахла бы на корню. Я рассказал им о своих финансовых затруднениях, подчеркнул, что наше предприятие висит на волоске, и заключил, что самое верное для них — искать себе другое место, где они могут рассчитывать на приличное жалование и более надежную перспективу. К их великой чести, все они решили остаться, и после многих лишений и испытаний, после черных дней, когда мы буквально не знали, протянем ли до конца недели, нам удалось вывести зоопарк из опасной зоны. Сперва медленно, затем все увереннее он начал расти и преуспевать. Три года упорного труда ушло на создание прочного фундамента.

Наконец критическая пора осталась позади. Доходов от входных билетов хватило бы на многие годы благополучного существования обыкновенного небольшого зоопарка. Но ведь не об этом я мечтал, когда закладывал основу своей коллекции. «Карманных» зверинцев, не приносящих никакой пользы, и без того было предостаточно. Чтобы наш зоопарк развился в задуманное мной учреждение, требовалась финансовая поддержка со стороны. Оставался единственный путь: превратить его в трест с научным уклоном.

В Америке, как я узнал потом, словом «трест» чаще всего обозначают кредитное учреждение. Но в Англии под трестом подразумеваются также клубы или ассоциации, которые, как правило, больше озабочены добыванием, а не распределением средств. Мой трест должен был представлять собой филантропическую научную ассоциацию некоммерческого типа; такая форма освобождает от подоходного налога и к тому же позволяет принимать пожертвования со ссылкой на то, что налоги внесены жертвователями.

Устав был разработан мудрейшим собранием юристов и бухгалтеров. Мы решили назвать ассоциацию Джерсийский трест охраны диких животных. В окончательной редакции цели треста были сформулированы так:

1. Поощрять интерес к охране диких животных во всем мире.
2. Создавать в неволе плодовые колонии различных видов фауны, которым угрожает истребление в дикой природе.
3. Снаряжать специальные экспедиции для спасения исчезающих видов.
4. Изучая биологию таких видов, накапливать и систематизировать данные, которые помогут охранять исчезающих животных в дикой природе.

Первые члены пришли в трест не совсем обычным путем. Разумеется, садясь писать книги, я с самого начала думал о создании зоопарка, на основе ко-

того будет организована ассоциация. А потому все письма с одобрительными отзывами я аккуратно хранил, полагая, что люди, которым понравились мои книги и которые взяли на себя труд написать об этом, по всей вероятности, согласятся стать членами-основателями нового треста. И как только трест был формально учрежден, я обратился к каждому из авторов писем с просьбой поддержать нас. К нашей радости, большинство ответило согласием. Так сложилось членское ядро нашего треста.

Однако, прежде чем передавать дела ассоциации, надо было решить еще одну проблему — покрыть первоначальный заем, истраченный на будущую штаб-квартиру треста. Мне было ясно: если новорожденная ассоциация получит на крестины в подарок долг в размере около 35 тысяч фунтов, у нее будет очень мало надежд вырасти в серьезное и преуспевающее научное учреждение. Оставался единственный выход: я принял весь долг на себя. В итоге, когда были завершены юридические процедуры и трест начал свое существование, я передал зоопарк со всем его имуществом доверенным лицам и совету без довеска в виде внушительной задолженности.

За двенадцать лет, прошедших с той поры, новорожденный вырос в юного крепыща. Говорю «юного», потому что впереди еще долгий путь, но основа заложена весьма прочная. За двенадцать лет мы кое-что сделали. Первоначальная коллекция — обычный смешанный набор — в значительной мере уступила место жизнеспособным колониям исчезающих животных; видов теперь стало меньше, а особей больше, как и было задумано. Мы добились похвальных по нашим масштабам результатов в размножении животных; некоторые виды впервые дали потомство в неволе — свидетельство того, что мы успешно осваиваем новые методы. Что еще важнее, получен приплод от многих редких и исчезающих видов. Важное значение приобрела наша научная картотека; основанный на ней «Ежегодный отчет», рассылаемый всем членам треста, стал весьма ценным научным документом. Более двух миллионов посетителей ознакомились с нашей коллекцией животных в штаб-квартире треста — поместье Огр; численность членов растет с каждым годом, и с каждым годом укрепляются наши научные и финансовые позиции.

Недавно я побывал в Америке, где участвовал в учреждении Международного треста охраны диких животных; эта родственная организация позволит расширить сферу нашей охранной работы. Уже теперь ее содействие приносит плоды не только на Джерси, но, что еще важнее, помогает нам распространять свою деятельность и на другие уголки мира. Наш трест вместе с американскими коллегами уже проделал существенную работу в разных странах. Мы предоставили финансовую помощь и консультации для таких начинаний, как разведение недавно обнаруженного вновь карликового кабана и исчезающего малого антильского попугая; проведены «спасательные» экспедиции в Сьерра-Леоне и в Мексику для отлова вымирающих животных (вулканического кролика и других), чтобы создать плодovитые колонии.

Для жителей Джерси мы, понятное дело, по-прежнему остаемся «зоопарком». Это в порядке вещей, да только зоопарк наш не совсем обычный. Мы преследуем совершенно четкие цели, ясно представляя себе роль современного зоопарка в охране животных и в научных исследованиях. В этом смысле наше заведение все еще единственное в своем роде: время, деньги и энергия целиком направлены на разведение животных в неволе во имя сохранения фау-

ны. Мы не ограничиваемся пропагандой таких мер, мы проводим их в жизнь. В этой книге я постараюсь показать, в чем мы преуспели, где потерпели неудачу и чего надеемся достичь в предстоящие годы.

Глава 2 Позолоченная клетка

Здесь достаточно повторить следующее основное положение: идеальное решение для зоопарков — не стремиться точно воспроизводить среду обитания, а с учетом биологических принципов транспортировать естественную среду в искусственную в условиях зоопарков.

Хейни Хедигер. Человек и зверь в зоопарке

Малый простор и малые помещения направляют ум на верный путь; в обширных помещениях ум рассеивается.

Леонардо да Винчи

Одно из наиболее распространенных заблуждений, с которым постоянно встречаешься в зоопарках, — это взгляд на животное как на узника. Взгляд такой же неверный и устарелый, как если бы в наши дни люди все еще верили, что внутри радиоприемников и телевизоров сидят маленькие человечки, которые там говорят, поют и танцуют.

Хейни Хедигер. Человек и зверь в зоопарке

Многие ньюйоркцы всю жизнь проводят в пределах территории, уступающей по размерам деревенскому поселку. Стоит им удалиться от собственного дома на два квартала, и они уже на чужбине, и чувствуют себя не в своей тарелке, пока не вернутся обратно.

Э. Б. Уайт

Всякий, кто соприкасался с зоопарками, должен волей-неволей признать, что архитектура этих заведений далека от искусства. Обычный архитектор ведет себя в зоопарке, словно ребенок, впервые получивший кубики. Дай ему волю, он нагромоздит постройки, проку от которых будет не больше, чем от домиков, сооруженных пятилетним дебилем.

Главная проблема зооархитектуры в прошлом (да и теперь дело обстоит немногим лучше) заключалась в том, что клетки и вольеры конструировались людьми с мыслью о людях. Как ни странно, но приходится подчеркивать, что при конструировании каких-то помещений для животных необходимо учитывать четыре момента (назову их по степени важности):

1) потребности животного, 2) потребности человека, ухаживающего за животным, 3) потребности публики, которая придет смотреть животное, и 4) эстетические воззрения архитектора и садовника при зоопарке.

В обычном зоопарке вы слишком часто увидите, что эта последовательность нарушена. Вашим глазам предстанет величественное сооружение — мечта архитектора, приводящее в восторг публику, но никак не пригодное для животных и обслуживающего персонала. Я называю это «антропоморфной архитектурой», а возникновение ее обусловлено двумя причинами.

Во-первых, архитектор хорошо знает, что нужно ему и публике, а именно нечто просторное и ласкающее глаз (чтобы успокоить совесть, страдающую от мыслей о воображаемых тяготах неволи). Однако он не знает, что нужно животному, а так как обычно между архитектором и лицом, ответственным за благо животного, нет ровным счетом никакого взаимодействия, на свет являются архитектурные монстры.

Конечно, ждать от каждого зооархитектора, чтобы он разбирался в зоологии, было бы так же нелепо, как ждать честности от каждого политика, и все же не вредно архитектору уметь различать жирафа и соню, как и политику полезно отличать правду от кривды. Судя по конечному продукту, в большин-

стве случаев архитектор после короткого инструктажа засучивает рукава и выдает наилучшее, на его взгляд, архитектурное решение, мало задумываясь над тем, что нужно животным и персоналу. В современных зоопарках, увы, слишком много клеток, вовсе не подходящих для своих обитателей, но публика, как ни странно, редко их критикует — были бы чистые и аккуратные. От того и получается, что многие зоопарки стремятся увеличивать размеры клеток, хотя животные в большинстве случаев используют лишь одну пятую предоставленного им пространства и, наверное, чувствовали бы себя куда надежнее в более тесной обители.

Помню, как я осматривал новехонький слоновник вместе с одним достаточно известным директором зоопарка из континентальной Европы, который полагал, что архитектор, работающий на зоопарк, должен почитать заказчиком зверей и прежде всего исходить из их пожеланий и нужд. Довольно долго мы молча созерцали новое чудовищное сооружение, наконец мой друг нарушил тишину.

— Это для чего же? — спросил он хриплым шепотом.

— Для слонов, — коротко ответил я.

— Для слонов? — Он вытаращил глаза. — Для слонов? А почему такой конструкции, для чего эти острые выступы поверху, они зачем?

— Если верить архитектору, — объяснил я, — вся постройка в целом призвана изображать стадо слонов на водопое.

Мой друг закрыл глаза и со страдальческим лицом пробормотал на малоизвестном балканском наречии страшное проклятие в адрес всех архитекторов. Собственно, только последнее слово я и разобрал, причем гость вложил в него столько яда, что ему позавидовала бы плюющая кобра.

Мы вошли внутрь помещения, напоминающего обезображенный собор. Мой друг обзрел предназначенное для животных ограниченное пространство и огромный лабиринт для публики, затем поднял взгляд вверх, туда, где, будь это и в самом деле собор, высоко-высоко висели бы колокола, передернул плечами и снова воззвал к некоему балканскому божееству.

— Зачем потолка высокий такой? — спросил он меня; не очень хорошо владея английским, гость под влиянием увиденного и вовсе стал запинаться. — Зачем потолка высокий такой, а? Или они думают, слон вдруг захочет полететь наверх и устроить там ночлег?

Познакомьтесь с зоопарками в разных концах света, и вы увидите сколько угодно таких архитектурных убожеств. Самый подход к тому, как строить клетки, загоны и дома для животных, годами был и во многом остается неправильным. Есть зоопарки, добившиеся серьезных успехов, но их, увы, так мало. Когда проектируют зоопарк, прежде всего интересуются не потребностями животных, а запросами публики. Между тем для надлежащей постановки дела нужно следующее:

1) клетка, образующая необходимую животному территорию, с убежищем, где ее обитатель может укрыться для отдыха;

2) устраивающие данное животное партнер или партнерши;

3) надлежащий корм: привлекательный на взгляд животного и питательный на ваш взгляд;

4) возможно меньше поводов для скуки; другими словами, клетка должна быть щедро «обставлена», желателен также один-два соседа, с которыми мож-

но в свое удовольствие поцапаться и повздорить без кровопролития.

Однако антропоморфная позиция посетителей ведет к тому, что для животных по-прежнему громоздят жуткие постройки, обожаемые зоопарками нашего столетия современные эквиваленты индуистских обезьяньих храмов; и сколько же несчастных и неблагодарных макак встретили свой конец, дрожа от холода в таких сооружениях.

Беспокойство публики за животных, содержащихся в неволе, похвально, однако чаще всего основано на заблуждениях. Люди редко, очень редко обсуждают в зоопарке то, что и впрямь заслуживает обсуждения, зато готовы поднимать страшный шум из-за вещей, которые не играют ровным счетом никакой роли для животного.

Говорят: не годится держать животное в клетке, не годится обрекать его на заточение, не годится лишать свободы. Мало кто критикует конструкцию клеток, огонь критики направлен против самой идеи клетки. Тот факт, что в природе территории разных животных отличаются по своему характеру и размерам, что они в зависимости от вида могут охватывать и несколько квадратных метров, и несколько квадратных километров, точно так же как у людей есть сады, поместья, графства и государства, открыт сравнительно недавно, и для исследователя тут еще непочатый край работы. Тем не менее именно этот факт нужно постоянно помнить, когда конструируешь клетку или вольер для животного. Поместить зверя в вольер еще не значит лишить его свободы, ведь территория есть своего рода природный вольер, и слово «свобода» означает для зверя не то же самое, что для воинствующего свободолюбца из рода гомо сапиенс, который может позволить себе роскошь тешиться абстрактными идеями. На самом деле вы отнимаете у животного то, что для него куда важнее, — *территорию*, участок обитания; вот и постарайтесь дать ему полноценную замену, иначе оно будет тосковать, хиреть, а то и вовсе умрет.

Чтобы клетка стала территорией, нужно подчас совсем немного, и не размеры тут главное. Форма клетки, количество веток или отсутствие их, маленький бассейн, куча песка, колода — любая деталь может сыграть решающую роль. Непосвященный посетитель зоопарка не придаст ей значения, тогда как для животного она превратит клетку в территорию, а не постылую обитель, где оно будет влачить жалкое существование. Повторяю, размеры — не главное. Как раз в этом пункте наши критики ошибаются, потому что обычно весьма смутно представляют себе насколько регламентирована жизнь большинства животных. Как правило, сутки дикого зверя до того монотонны, что перед ними будни лондонского клерка покажутся чем-то вроде первых пяти томов «Тысячи и одной ночи». Людям невдомек, сколь ограничена площадь, в пределах которой протекает все существование иных представителей фауны. Часто животные растут, размножаются и умирают на относительно маленькой территории, выходя за ее границы лишь в том случае, если им недостает какого-то важного компонента.

В дождевых лесах Западной Африки, на краю поляны, где я устроил свой лагерь, росли три десятиметровых дерева, сплошь покрытые лианами и эпифитами. Они стояли вплотную друг к другу и воплощали весь известный мир одной беличьей четы. На этом крохотном ареале две белки средних размеров располагали всем необходимым. Тут и корм — плоды, побеги, насекомые; тут и питье — роса и дождевая влага в кармашках, где сучья соединялись со ство-

лами. И наконец, что не менее важно, они располагали друг другом. Я провел на этой поляне четыре месяца. От зари до зари белки были у меня на виду, и ни разу я не наблюдал, чтобы они выходили за пределы своих трех деревьев, кроме тех случаев, когда требовалось отогнать незваных сородичей.

Три насущных фактора, которыми были обеспечены эти маленькие грызуны, судя по всему, одинаково управляют жизнью всех животных: возможность воспроизведения рода, доступ к пище и воде. Эти же факторы определяют требования к территории, являющей собой вид естественной клетки. Я не говорю, что противники содержания зверей в неволе не правы, хочу только сказать, что в своей критике они исходят из неверных посылок. Антропоморфный подход — вот что страшнее всего.

В зоологической экспедиции вы немало узнаете не только о территории, но и о критической дистанции. Речь идет о наименьшем расстоянии, на какое животное подпускает врага, прежде чем обратиться в бегство. Это расстояние неодинаково для разных видов, но само понятие действительно для всех животных, в том числе для человека. Если не верите, пойдите в поле, где пасется бык, и определите сами для себя критическую дистанцию. Когда вы налаживаете отношения с только что пойманным диким животным, самая трудная задача — убедить его сократить критическое расстояние (не забудьте, вы — враг, к тому же такой, который все время маячит перед глазами). Кроме того, вам надлежит обеспечить животное новой территорией взамен природной.

Возьмем, к примеру, ту же белку. Посадите только что пойманную белочку в забраный провололочной сеткой простой деревянный ящик (обычно выступающий в роли транспортной клетки), и пленница будет в страхе метаться и прыгать при каждом вашем приближении. Так может продолжаться месяцами, может продолжаться без конца — и все потому, что зверек разом лишился своей территории и возможности соблюдать критическую дистанцию. Ему некуда деться от вашей чудовищной руки, когда она вторгается в лилипутский мир зверька, чтобы навести порядок и накормить его.

А теперь поместите белку в тот же ящик, предварительно отгородив в одном конце спальню с узким входом, только-только пролезть зверьку. Тотчас вся картина переменится. У белки есть убежище, где она может укрыться, когда вы вторгаетесь на ее территорию. Сидя в тихой спальне, она может — пусть не безучастно, но, во всяком случае, без чрезмерной тревоги, — наблюдать, как вы чистите клетку, как забираете мисочки и, наполнив их водой и плодами, ставите на место. Разумеется, чтобы завоевать доверие животного, на спальню поначалу надо посягать возможно реже. А это подчас легче сказать, чем сделать, потому что некоторые животные, как и некоторые люди, — страшные скопидомы, они будут старательно прятать в своем убежище все, чего не в силах съесть, — со временем пригодится! Когда запах гниющих остатков становится невыносимым, поневоле вторгаешься в спальню и наводишь чистоту, но чем больше вы можете с этим повременить, тем лучше.

Освоившись полностью в новых условиях, животное даже будет предвкушать периодические вторжения в его убежище: ведь появятся свежие банановые листья или пучки травы, а с ними съедобные семена и мелкие насекомые, волнующие запахи из внешнего мира, и можно предаться увлекательнейшему занятию — приготовлению новой постели.

Мой опыт показал, что такая спальня — превосходное средство наладить

контакт с большинством мелких млекопитающих. Одна дикая белка освоилась быстро, что, когда через три дня возникла необходимость убрать в ее убежище, она забралась туда и начала устраивать постель, буквально вырывая у меня из рук свежие банановые листья. А один на редкость сварливый и воинственный карликовый мангуст уже через несколько часов твердо решил, что не только спальня, но и вся его клетка неприкосновенна. Незамедлительно признав ее собственной территорией, он яростно защищал свой участок обитания не хуже раненого тигра. Приходилось выдумывать всяческие уловки, заманивая зверька в один конец клетки, чтобы можно было поставить воду и корм в другом конце без риска, что мангуст устроит вам кровопускание.

Размеры обычных транспортных клеток определяются простым соображением: перевозить животное в маленькой клетке безопаснее, чем в большой, так как угроза травм для узника гораздо меньше. К сожалению, грузчики далеко не всегда бережно обращаются с клетками, они могут и повернуть их не так, и даже уронить. Однако, несмотря на скромные размеры транспортных клеток, вы сплошь и рядом видите, как животное, привыкнув за несколько месяцев к надежному убежищу, по прибытии в зоопарк отказывается сменить его на более просторную квартиру. Транспортная клетка вполне заменила естественную территорию, превратилась в знакомый и безопасный участок обитания, где животное было обеспечено кормом и водой.

Новая клетка, будь она хоть в пятьдесят раз просторнее, ничего этого на первый взгляд не сулит, разве что предоставляет больше свободы, которая так волнует людей. Но животное меньше всего помышляет о свободе, ему нужна безопасность, а ею оно уже было обеспечено в тесной транспортной клетке. Частенько ничего не остается, как вносить транспортную клетку в стационарную и оставлять ее там на много дней, а то и недель, пока осторожное и консервативное животное не признает большое помещение своей территорией. И даже освоившись на новом месте, оно чуть что стрелой умчится в маленькую клетку, которую привыкло считать своим домом.

В одной из экспедиций в Западную Африку нам принесли трех галаго Демидова. Принес охотник в самую последнюю минуту, когда мы уже направлялись к морю, чтобы поспеть к отходу нашего корабля. Все же я купил зверьков. Но куда поместить их? У нас оставалась лишь далеко не новая плетеная верша местного изготовления длиной полметра с лишком, шириной пятнадцать сантиметров; хорошо еще, что галаго Демидова — самые маленькие представители рода (величиной с выдерживающего строгую диету золотистого хомячка). Вся троица удобно разместилась в верше, куда я напихал сухих банановых листьев. Галаго Демидова особенно милы: большие черные глаза, нежные уши, мягкая зеленовато-серая шубка, а легкостью и быстротой движений они напоминают влекомые ветром пушинки.

Как только мы три дня спустя добрались до побережья, я первым делом смастерил настоящую клетку и перевел моих галаго в новую квартиру. Вершу я не выбросил, и слава Богу: в клетке зверьки сразу начали хиреть. Забились в спальню, отказывались от еды и глядели на меня огромными печальными глазами, словно три феи в изгнании. Не видя другого выхода, я вернул их в вершу; они тотчас воспрянули духом, стали есть и вести себя как положено. На пути в Англию верша, предназначенная совсем для других целей, начала разваливаться, приходилось то и дело чинить ее веревочками. Прибыв в зоо-

парк, галаго единодушно отвергли предложенную им клетку, раз в пятьдесят превосходившую размерами вершу. Ничто не могло заставить зверьков покинуть полюбившуюся им плетеную обитель. Пришлось повесить ее на стенке новой клетки, и минуло около года, прежде чем галаго осмелели и начали выходить на простор. Но большую часть времени они по-прежнему проводили в рассыпающейся верше, не пожелали променять ее даже на специально изготовленную более вместительную и гигиеничную корзину. Наконец через два года верша, которую зверьки в три дня признали своим домом, окончательно распалась, но за этот срок очаровательные маленькие упрямы привыкли к новой квартире.

Впервые меня заставила призадуматься над тем, что я назвал бы транспортной территорией, мешотчатая крыса; она же явила мне пример того, как хладнокровно некоторые животные мирятся с пленом. Мешотчатые крысы, крупные серые грызуны ростом с молодую кошку, в изобилии водятся в некоторых районах Западной Африки. По большей части это довольно флегматичные существа, но, как и у всяких животных, у них есть свои маленькие причуды и особенности. Сюда можно отнести полное отсутствие страха, ибо я еще не встречал ни одной мешотчатой крысы, которая не была бы готова хорошенько тяпнуть вас; притом делается это словно невзначай, как-то рассеянно, я бы сказал, походя.

Другая крайне досадная привычка (тогда я о ней еще не знал) — набивать огромные защечные мешки едой, которую не удастся одолеть в один присест, и уносить ее в спальню. Заполучив первую в жизни мешотчатую крысу — и первый укус данной особи, — я охотно согласился оставить ее спальню в покое; однако вскоре определил, что ей явно не хватает корма. Мисочка неизменно блистала чистотой, и из спальни на меня сквозь паутину дрожащих усиков глядели печальные глаза этакого Оливера Твиста, перевоплотившегося в грызуна.

Озадаченный, я без устали подбрасывал в клетку корм, пока в один прекрасный день не увидел, что крыса почему-то не заходит в свое убежище. В чем дело? Оказалось, спальня была до такой степени набита съестными припасами, что при всем желании туда не войти. Хотя я уже усвоил, что на спальню лучше не покушаться, по молодости и по неопытности мне было невдомек, что такое невмешательство чревато нежелательными последствиями в виде гниющей пищи. Пришлось урезать паек и раз в десять дней вторгаться в заветное убежище. При второй уборке я опять обнаружил большие запасы: было очевидно, что я по-прежнему перекармливаю свою мешотчатую крысу. Уменьшив порцию скоропортящегося сочного корма, вроде бананов и папайи, я зато прибавил батата и арахисов, не боящихся долгого хранения в спальне. Так была решена и эта проблема.

Но тут мой узник выкинул штуку, которая опять заставила меня крепко призадуматься. Затеяв однажды вечером уборку, я обнаружил, что спальня пуста, если не считать горки еды на постели из банановых листьев. В задней стенке зияло аккуратно прогрызенное отверстие, а «чертова скотина умотала в буш», как с несравненной меткостью выразился приставленный к животным африканец-служитель. Я попытался утешить себя избитым речением «на ошибках учатся» и мысленно постановил впредь обивать клетки мешотчатых крыс железом. Когда же утром я пришел за клеткой, чтобы отнести ее плотни-

ку во исполнение задуманного, то увидел в спальне свернувшегося калачиком беглеца.

Я не поверил своим глазам. Вопреки всему, что толкуют большинство несведущих любителей животных, зверек *вернулся* в ненавистное узилище. Неслыханно! Я оставил крысу в покое и стал наблюдать за ней. Каждый вечер она выходила из спальни, чтобы наесться, напиться и с важным видом унести недоеденное в свое убежище, причем от набитых защечных мешочков казалось, что у нее свинка. Припрятав остатки, она с большим старанием и шумом приготавливала постель. Подходила к прогрызенному отверстию в задней стенке, принюхивалась, завершала приготовление постели, выскользывала наружу и исчезала в ночи. Через два с половиной часа появлялась вновь, забиралась в спальню, закусывала и, свернувшись калачиком, мирно спала до утра.

Так продолжалось два месяца, после чего пришла пора перебираться в другой район, за двести с лишним километров от предыдущего. Как-то моя мешотчатая крыса отнесется к перемене территории? На время переезда я заделал дыру куском жести, но убрал его, как только был разбит новый лагерь. Зверек отнесся к перебазировке с невозмутимостью высокопоставленного деятеля, привыкшего к дальним перелетам, и продолжал устраивать постель, откладывать про запас еду и совершать ночные прогулки в лес. Он оставался верным этой привычке вплоть до нашего отъезда в Европу, когда мне поневоле пришлось обить клетку железом, ибо я подозревал, что капитан парохода при всей симпатии к нам вряд ли одобрит ночные странствия мешотчатой крысы. Сама же крыса явно уразумела, что настал конец этому этапу в ее жизни, отлично прижилась в клетке, и мне приятно сообщить, что она благополучно здравствовала еще десяток лет в зоопарке, куда была отправлена.

Через несколько лет я приехал в Парагвай, и надо же было случиться так, что моя экспедиция совпала во времени с государственным переворотом. В Парагвае, как и в некоторых других южноамериканских странах, перевороты — нечто вроде национального вида спорта. На сей раз поединок чрезмерно затянулся, ни одна из сторон не могла взять верх, и поскольку не было возможности вывезти приобретенных мной зверей, пришлось их отпустить. Большинство моих узников провело в неволе около трех месяцев и успело привыкнуть к опеке. Теперь они отказались уходить. Слонялись вокруг лагеря, ожидая кормежки, а несколько наиболее энергичных и толстоклювых попугаев продолбили себе путь обратно в клетки сквозь дерево и проволочную сетку. Естественно животные, пойманные позже, поспешили скрыться в делянках, но пристрастившихся к неволе пришлось отвезти подальше от лагеря — только тогда они поняли, что от них требуется.

Вот почему я так остро реагирую на выпады неосведомленных критиков. Они твердят, что не годится отнимать у животного «свободу». Добро бы знали что-нибудь о жизни животных, но ведь не знают. В их представлении поместить зверя в клетку — примерно то же, что лишить его возможности в дни отдыха совершить увеселительную поездку, посетить концертный зал, покататься на лыжах в горах. На животных эти доброжелатели смотрят как на косматых человечков: этакие дядюшка Фред и тетюшка Фреда в меховых шубах. Но ведь это вовсе не так, каждый зверь — индивидуальность со своими взглядами, своими симпатиями и антипатиями. А потому очень важно, особенно

когда берешься критиковать, попытаться взглянуть на вещи с точки зрения животного, а не своей собственной. Ведь вы вряд ли согласитесь стать супругом бегемотихи, хотя среди бегемотов найдется бездна желающих.

Из такого понимания неволи и возникла антропоморфная архитектура: не зная, в чем нуждается животное, люди *воображают*, будто им это известно, и приписывают ему *свои* запросы. Красивая большая клетка — вот лозунг. С большой клеткой они готовы мириться, пребывая в счастливом неведении о том, что данному наземному животному нужна площадь, а не высокая клетка, напоминая старинные стоячие часы, что древесный обитатель захирет в клетке высотой в полметра, как бы широка она ни была. Им невдомек, что красивая большая клетка при всей ее гигиеничности может быть предельно скучным бетонным квадратом, лишенным всего того, что наполняет жизнь зверя, которому надо лазить, прыгать, качаться, принимать демонстрационные позы и метить свою территорию.

Чаще всего клетки в зоопарках ругают за две вещи: малые размеры и решетки. Как мы уже убедились, размеры для клеток не главное. Теперь о решетках. Вопрос весьма непростой. Хотя в большинстве современных зоопарков решетки, придававшие столь неприглядный вид зверинцам прошлого века, уступили место более приятным для глаз и души материалам, у многих представление о зоопарке по-прежнему связано с решетками, а решетки — с тюрьмами. Попробуй растолкуй этим людям, что решетки *только для них* равнозначны заточению.

Так, в клетке приматов удачно размещенные решетки доставляют удовольствие животным: по ним можно лазить, на них можно висеть. Нередко в сконструированных на потребу публики цементных камерах человекообразных обезьян с устройствами для лазания дело обстоит так плохо, что обитатель клетки был бы только рад доброй старинной решетке. Для блага и радости таких активных древолазов, как орангутан или гиббон, решеток чем больше, тем лучше. Не могу забыть душераздирающую картину, которую я наблюдал в одном зоопарке на континенте. Великолепный взрослый орангутан был заточен в камере размером три на четыре с половиной метра без наружного отделения. Обитель бедняги освещалась маленьким и весьма грязным фонарем, укрепленным на потолке. На дворе стоял яркий, солнечный день, а в клетке царил такой сумрак, что надо было напрягаться, чтобы рассмотреть животное. И никакого оборудования: ни жердей, ни каната, ни качелей, ни полки. Забранный стеклом цементный ящик — вот и вся клетка. Орангутан сидел посреди пола, держа в руках лоскут мешковины, который он то надевал себе на голову, то снимал. Это было все, чем он мог занять свой чрезвычайно пытливый и острый ум. В такой клетке решетка была бы великим благом. Когда мы у себя конструировали наружные клетки для человекообразных, все это и многое другое было учтено.

Размеры наших клеток определялись длиной и высотой уже существовавшего здания (старинной каменной постройки для яблочного пресса), в остальном же мы могли действовать по своему усмотрению. Два основных соображения руководили нами: обезьяны должны видеть, но не касаться друг друга, и внутри клеток должны быть максимальные возможности для гимнастики. Видеть друг друга обезьянам важно по очень простой причине: чтобы внимание было чем-то занято. В любом зоопарке одно из главных зол для живот-

ных — скука, а когда речь идет о человекообразных обезьянах и других приматах, эта проблема приобретает особенно острый характер. Человекообразные чрезвычайно любопытны, им непременно надо знать, что происходит в соседней клетке. Так и хочется сравнить их с выглядывающими из-за тюлевых занавесок старыми девами.

Если клетки стоят в ряд, их обитатели могут следить за соседями только через решетчатые или проволочные перегородки. Нас такой вариант не устраивал по двум причинам. Во-первых, мы знали по горькому опыту: где сетки и решетки, там и укушенные пальцы. Во-вторых, стресс, вызванный постоянным тесным соседством с потенциальным соперником, способен испортить нрав любой человекообразной обезьяны и любого животного вообще. В конце концов наш архитектор нашел блестящее решение. Он придумал клеткам почти ромбовидную форму; они частично соприкасались, но не смыкались. При такой конструкции каждая обезьяна видела, во всяком случае, часть соседней и следующей клеток.

Дальше возник вопрос, как оформить передние стенки. В ту пору у нас было плохо с деньгами, не приходилось и помышлять о небьющемся стекле, которое мы потом применили для секции горилл. Оставались решетки — лишь они обладали достаточной прочностью, чтобы противостоять мускулам взрослой гориллы, орангутана или шимпанзе. Однако я был решительно против вертикальных прутьев, которые придавали такой жуткий вид зверинцам прошлого века, и в конце концов после долгих споров и экспериментов мы остановились на переплетах вроде тех, какие применяются при армировании бетона, с прямоугольными просветами высотой двенадцать и шириной двадцать сантиметров. Такая решетка не производила гнетущего впечатления, не мешала публике рассматривать животное и позволяла взрослым обезьянам лазать всласть. Да и для новорожденных получились отличные лестницы. Вообще мы явно угодили малышам: когда у них прорезаются зубы, они страсть как любят почесать десны о холодный железный прут.

В наше время зоопаркам пора бы уже подходить с гораздо большей ответственностью к конструированию клеток, тщательно учитывая биологию животных. Клетка должна позволять ее обитателю вести возможно более естественный образ жизни и в то же время облегчать работу тех, кто наблюдает и ухаживает за животным. Словом, каждая клетка должна быть своего рода экспериментальной лабораторией, а не дурно сконструированным ящиком для показа животного публике, как мы это видим теперь.

Боюсь, большинство клеток в зоопарках не отвечает биологическим особенностям своих обитателей. Во многих случаях сам зоопарк тут и не виноват; он вынужден использовать придуманное и построенное десятки лет назад, когда еще не знали того, что знаем мы о потребностях животного, когда только-только начинали изучать такие вещи, как территория, критическая дистанция, стрессовые факторы. Но и в наши дни рождаются на свет уродливые сооружения, как правило, стоящие огромных денег. Появление этих никудышных конструкций ничем не оправдано. Речь идет об антилопниках, смахивающих на третьеразрядную мужскую уборную; о птичьих вольерах, в которых даже птеродактилю было бы неудобно; об огромных павильонах, где замысловатым механизмам отведено в три раза больше места, чем животным; о постройках, где из-за стремления показать возможно больше разных видов под

одной крышей на каждого зверя приходится минимум пространства.

По всему миру я наблюдал в зоопарках ужасные картины. Видел клетку гиббонов, где для разминки обезьяны могли только висеть на проволочной сетке или прыгать по испещренным дырами бетонным плитам, глядя на которые казалось, что творец сего безобразия вознамерился (без особого успеха) превзойти наиболее абстрактные скульптуры Генри Мура. Дыры в поставленных на ребро серых плит призваны были служить убежищем в ненастную погоду. Видел слоновники с такими узкими проходами для обслуживающего персонала, что с тачкой не пройти, а надо ли говорить, что группа слонов, как ни милы эти животные, ежедневно производит достаточно экскрементов, чтобы требовалась тачка. Видел дом для мелких млекопитающих, где клетки разделял сорокасантиметровый просвет, что исключало возможность найма тучных служащих, давая тем самым не совсем обычный повод для вмешательства профсоюзов, борющихся с дискриминацией.

Недавно мне довелось созерцать изобретательно и роскошно оформленный дом для птиц, стоивший сумасшедших денег. На мой вопрос, как же в этих огромных клетках ловят заболевших особей, мне ответили, что это довольно сложная проблема. Мол, единственный выход — сбивать их струей теплой воды из шланга. Если уж дело дошло до таких сильных средств, подумал я, можно просто стрелять в птиц из ружья, конечный итог будет примерно одинаковым. Вся постройка могла служить типичным образцом антропоморфной архитектуры: она воплощала последнее слово техники *показа* птиц и для публики была верхом совершенства. Не совсем уверен, что птицы разделяли точку зрения публики, хотя конструкция вроде бы создавалась для них.

Мне показывали сделанный по новому проекту загон для верблюдов, где только полуметровая ступенька призвана была помешать животным смешаться с публикой и дать волю своей очаровательной привычке брыкаться и кусаться. Меня заверили, что этой меры вполне достаточно: дескать, верблюды не любят спускаться по ступенькам. Хотелось бы теперь услышать — сами-то верблюды были об этом осведомлены, когда их перевели в новую обитель?

Бетон — сравнительно дешевый строительный материал, поэтому никуда не денешься от того, что его широко применяют в зоопарках. Однако людям почему-то невдомек, что бетон легко замаскировать. И постройки для зверей вовсе не обязаны выглядеть так, словно они призваны устоять против атак вражеской армии. В умелых руках бетон хорош и полезен, но в зоопарках мира из этого немудрящего вещества сотворено больше безобразия, чем из какого-либо другого материала. Кажется, зачинщиком дурного поветрия был Любеткин, который в 1930-х годах создал для зоопарков ряд ужасающих по бесполезности и уродству конструкций. Похоже, с той поры слова «зоопарк» и «бетон» стали чуть ли не синонимами. В Австралии один директор зоопарка до того увлекся сим волшебным материалом, что только на него и налегал. Вскоре его заведение уподобилось унылому перенаселенному итальянскому кладбищу. Мой друг, обаятельный французский орнитолог, сказал об этом человеке: «Беда не в том, что у И. дурной вкус, а в том, что у него вообще нет никакого вкуса».

Один город на Западном побережье США опрометчиво поручил проектирование своего зоопарка архитектору, который столь же опрометчиво взялся за

это дело. Обожая цемент и его ближайшего родича, железобетон, и обладая художественными склонностями гуннского вождя Аттилы, сей деятель создал нечто умопомрачительное. Оторопь берет, когда видишь, как много бетона использовано на строительство такого числа никуда не годных клеток. Чувствуешь острое желание все снести и начать строить заново, но разве справишься с этими горами бетона? Это же все равно что сносить египетские пирамиды. Особенно меня потряс вольер в виде глубокой цементированной ямы с подобием бетонного острова посередине. Остров венчало нечто вроде эскимосского иглу из бетона. В целом конструкция напоминала наиболее суровые участки Хайберского прохода в горах Афганистана. Архитектор не позволил своим украшательским склонностям умалить совершенство этого шедевра; бетон предстал взгляду посетителей во всем своем величии, нигде не оскверненный росписью, барельефами, орнаментами или лепниной. Мне предложили угадать, для кого предназначена эта уродливая яма. Я, не задумываясь, принялся перечислять наиболее стойких от природы животных, способных жить среди таких мрачных круч. Павианы? Гривистые бараны?.. Я не угадал. Огромное голое бетонное биде, стоившее баснословных денег, было сооружено для орангутанов, которые больше других человекообразных обезьян привязаны к деревьям. Знаменитая тюрьма Синг-Синг — и та лучше: в ней есть пригодные для лазанья решетки.

Мало того что несчастные животные и обслуживающий персонал должны выносить глумление архитекторов — теперь размножаются, будто поганки, так называемые «консультанты по зоопаркам». Эти румяные херувимы, выходящие на охоту стаями, заверят вас, что готовы спроектировать целый зоопарк со всем, чего вы пожелаете, от слоновника до дельфинария. Одна минута — бульон готов, только не забудьте заправить звонкой монетой. Смысл, цель? Ну нет, это не по их части. И вообще зачем зоопарку цель, это же чисто престижное заведение. Без зоопарка ваш город не может тягаться с соседним городом. А если, не дай Бог, во всей стране нет зоопарка, вашу нацию могут посчитать неполноценной.

Большинство в этих своеобразных шайках составляют архитекторы. Разумеется, иногда (дабы вы не усомнились в честности их намерений) они берут в компанию двух-трех человек, способных при некотором старании отличить жирафа от оленя, может быть, даже носорога от бегемота, хотя я, унылый скептик, сомневаюсь, достаточно ли этого. Неужели этим людям будет позволено производить на свет новые выводы архитектурных недоносков, заколачивать новые гвозди в гроб идеи о зоопарке как о научном учреждении?

Само понятие *содержания* животных меняется на наших глазах, да что там, в корне изменилось за последние двадцать лет, но с клетками сдвиг только-только намечается. Лучшие зоопарки ориентируются теперь не на единичные особи и не на пары, а на группы животных. Гораздо больше внимания уделяется борьбе с главным изъяном неволи, о котором люди так редко задумываются, — скукой. Без угрозы со стороны хищников, располагая даровым кормом, водой и партнером, чем животному заниматься? Остается умирать со скуки наподобие какого-нибудь несчастного отпрыска богатых родителей. Зоопаркам будущего надо делать упор на меньшее разнообразие видов и большее число особей. Создавать самовозобновляющиеся группы, частично, а то и полностью устраняя необходимость расходования диких популяций. И пер-

вый шаг в этом направлении — правильная конструкция клеток и вольеров.

Хочу еще раз подчеркнуть: что хорошо для вас, необязательно благо для животных, и не всегда животному нравится то, что по вкусу вам. Ярким примером может служить наша колония африканских цивет. В 1965 году я впервые привез из Камеруна прекрасный экземпляр этих чудесных зверьков с черно-серой пятнистой шубкой; потом нам удалось раздобыть для него супругу из Уганды. Крайняя бедность вынудила нас тогда оборудовать логово для цивет в большом деревянном ящике из-под авиационного мотора. Пока ящик был новым, логово выглядело вполне пристойно; к тому же, заверяли мы себя, это временная мера, от ящика избавимся, как только появятся деньги на благоустроенную постоянную обитель. Но когда появлялись деньги, они, как это всегда бывает, уходили на более важные дела и на более важных животных. Логово цивет оставалось нетронутым, если не считать мелкие усовершенствования и текущий ремонт.

Как уже сказано, пока ящик был новым, нас он вполне устраивал, но по мере того, как он старел, мы начали глядеть на него с отвращением и, проходя мимо, смущенно отворачивали голову, как отворачиваются деятели англиканской церкви, проезжая мимо принадлежащих им трущоб. Правда, наши подопечные в отличие от обитателей трущоб отнюдь не радовались, они хорошо прижились и (при участии нескольких особей, приобретенных мной в Сьерра-Леоне для освежения крови) стали размножаться, да так, что мы заняли первое место в мире по разведению африканских цивет. На сегодняшний день получен приплод в количестве сорока девяти особей. Пары выращенных нами цивет разосланы в зоопарки по всему свету, и наблюдение над нашей колонией дало интереснейший материал о поведении, течке, копуляции, продолжительности жизни, численности помета, сроках беременности и так далее. И хотя африканская цивета пока не относится к редким животным, хотя нет неотложной необходимости разводить ее в неволе, тем не менее наш опыт очень даже пригодится, если в будущем мы сможем позволить себе организовать операцию по спасению других членов семейства виверровых (например, индийской циветы), да и вообще других мелких хищников вроде столь интересных обитателей Мадагаскара.

Итак, занимаясь размножением цивет, мы собрали бездну важных данных. Но особенно примечательно то, что животные размножались в далеко не гигиеничном, а теперь и вовсе дряхлом ящике из-под авиационного мотора. Мы его терпеть не можем, а циветам он явно по душе.

И все же постоянно следует думать о том, как совершенствовать условия содержания животных. До чего хорошо, когда есть возможность оборудовать серию клеток или загонов для какой-то одной группы животных! В прошлом в одном и том же обезьяннике держали и мармозеток величиной с крысу, и горилл весом до полутора килограммов. Да что там, в секциях мелких млекопитающих под одной крышей обитали муравьед и крыса, броненосец и валлаби. Надо ли говорить, что обеспечить идеальные условия для столь разных животных было невозможно; то ли дело — отдельные дома для горилл и для мармозеток. Конечно, разные виды мармозеток, и не только виды — группы, даже особи, отличаются друг от друга повадками. Но, построив помещение *лишь для этих* крохотных приматов, вы затем можете сосредоточиться на их потребностях, не разбрасываясь на сотню-другую совсем различных видов.

Мы надеялись, что в нашем комплексе для мармозеток и тамаринов решены если не все, то хотя бы некоторые проблемы. Еще в 1939 году я завел в качестве комнатного животного черноухую мармозетку, и это обаятельное существо прожило у нас восемь лет, что тогда считалось рекордом для этих мелких приматов. Мармозетка свободно гуляла по дому и саду в любую погоду; единственная скидка на нежность ее организма заключалась в том, что мы постоянно держали в гостиной включенной одну лампочку, у которой обезьянка могла погреться, когда становилось холодно. Постелью служил кусок старой шубы, и на ночь мы клали ей грелку. Казалось бы, не самые хорошие условия, однако мармозетка чувствовала себя отлично; на моих глазах она по часу играла на снегу, потом спешила к лампе, чтобы отогреть ноги.

Вот вам и нежное существо. Если взять обмен веществ, то хрупкие игрушечные ближе к птицам, чем к млекопитающим. Им привычна жаркая и влажная атмосфера тропического дождевого леса. А эта особь была рада обилию свежего холодного воздуха и редким порциям солнечного света, на которые так скуп прихотливый английский климат. Со здоровьем все было в порядке; густая шубка лоснилась. Все же, переиначивая известную испанскую поговорку, одна мармозетка не делает лета. Может быть, мне достался представитель данного вида на редкость спартанского склада. Поэтому, когда в Джерсийском зоопарке у нас появилась возможность экспериментировать с двумя молодыми краснорукими тамаринами, мы поместили их в большой вольер с обогреваемым укрытием, куда они могли войти в любое время. Результат был тот же, что и с моей черноухой мармозеткой. Они великолепно чувствовали себя, и выросла чудесная пара с густой, словно каракуль, шерстью.

Этот опыт вместе с множеством других наблюдений, накопленных за годы работы, был учтен, когда в 1970 году щедрое пожертвование позволило нам выстроить специальный комплекс для мармозеток и тамаринов. Наш заместитель по научной части Джереми Молинсон всегда был глубоко неравнодушен к игрушечным, поэтому ему была поручена, как он говорил, самая приятная в его жизни задача: конструировать новое здание.

Мы постановили, во-первых, что у каждой группы мармозеток будет своя клетка-вольер, обращенная на юг, чтобы предельно использовать хорошую погоду. Далее надо было решить ту же проблему, что и с человекообразными обезьянами, — разместить клетки так, чтобы их обитатели могли видеть друг друга и препираться, как бы обороняя свою территорию, но на безопасном расстоянии: не будет покусанных пальцев или хвостов, не будет стрессов. Мы поступили примерно так же, как в первом случае: фасад каждого бокса заканчивался клиновидным фонарем, и вот в этих-то соседствующих фонарях животные могли видеть друг друга, не соприкасаясь.

Ушли в заднюю часть вольера — и вовсе уединились от соседей. Внутренние секции были устроены намного сложнее, тут Джереми дал полную волю своему воображению.

Секции размером 122x91x152 сантиметра были собраны из матового пластика особой марки по специальному проекту, который предусматривал все необходимое для животных (спальный отсек, полка, устройства для лазания, инфракрасные лампы и так далее) и предельно облегчал обслуживание. Так, пластиковые полы сделали наклонными, чтобы упростить уборку. Спальные боксы запираются и вынимаются, животных можно переносить в другую

клетку с минимальным риском травмировать их психику. За годы существования зоопарка мы держали и разводили тринадцать видов мармозеток и тамиринов и накопили немалый опыт. Когда пишутся эти строки, мы располагаем лучшей и самой представительной в Европе коллекцией этих очаровательных исчезающих маленьких приматов и надеемся еще больше увеличить численность и видовое разнообразие наших колоний.

Когда строишь новые помещения для животных и пытаешься улучшить старые конструкции, все время приходится экспериментировать. И ошибки почти неминуемы. Как ни старайся предупредить их на чертежной доске, что-нибудь да упустишь. Проектируя для зоопарков, неизменно учишься на ошибках; остается лишь надеяться, что ошибки будут не очень серьезными. Взять, к примеру, использование стекла. На мой взгляд, это пусть дорогой, но все же один из лучших материалов для оборудования клеток. Он создает ощущение простора (свободы, если хотите), которое, уверен, одинаково ценится и животными, и публикой. Вы рассматриваете обитателей клетки без визуальных помех в виде решеток и проволочных сеток. Правда, у стекла есть серьезные минусы помимо дороговизны; самый главный из них заключается в том, что в минуты стресса животные склонны забывать о его присутствии.

Оборудуя новое внутреннее помещение для наших южноамериканских тапиров, мы в интересах публики вставили в стену две панели из зеркального стекла. Между панелями находилась дверь для обслуживающего персонала; верхняя часть двери была забрана армированным зеркальным стеклом толщиной три четверти дюйма. Несколько лет тапиры благополучно здравствовали в своей обители, сознавая, что стекло — преграда, хотя и незримая. Но однажды Юнона, одна из самок, чего-то вдруг испугалась (поди угадай — чего), а может быть, ей приснилось, что за нею гонится ягуар. Так или иначе, она, недолго думая, прыгнула — да не на большое видовое стекло, а на армированное стекло в двери. Просто диво, как она при этом не сломала себе шею. Еще большее диво, что Юнона не умерла от глубоких порезов, прежде чем ее наконец поймали почти за километр от клетки и усмирили транквилизатором. Однако главное чудо во всей этой истории, что она была тогда на шестом месяце беременности и не успели ее раны как следует зажить, как Юнона благополучно произвела на свет отпрыска, который и весом, и здоровьем превосходил всех своих предшественников в нашем зоопарке.

Конечно, еще один минус стекла — реакция стоящего перед ним гомо сапиенс. Встречаются среди публики люди, которые при виде стекла и животного за ним хватаются за кирпич. К счастью, у нас в Джерси таких случаев пока не было. Разве что какие-нибудь веселые повесы вырезали на стекле инициалы своих подружек, чтобы доказать им, что алмаз в кольце настоящий. Когда этот трюк проделывают на купленном за границей бронированном стекле стоимостью около 600 фунтов стерлингов за лист размером 1,2x1,8 метра, невольно начинаешь плохо думать о посетителях и в миллионный раз спрашиваешь себя, стоит ли вообще применять стекло, чтобы они лучше видели животных.

К числу наиболее сложных и дорогостоящих конструкций относится наш комплекс для горилл. Он пока что себя вполне оправдал, если не считать один маленький недостаток: комплекс недостаточно велик. Всякий раз, начиная строить клетку, ты говоришь себе, что она будет достаточно вместительной,

а закончил работу — либо у животных появился приплод, либо готовая конструкция далеко не так просторна, как представлялась на бумаге. Но откуда нам было знать, что наши гориллы, восхищенные новым жильем, начнут размножаться с такой скоростью и регулярностью, что никакой конвейер Форда с ними не сравнится.

История комплекса для горилл интересна еще и потому, что показывает, какую роль в успехах нашего треста сыграло везение. Сначала мы приобрели самку Н'Понго, ей тогда было всего два с половиной года. Уже в первые дни, пока готовилась клетка и мы держали Н'Понго в своем доме, обнаружилось, какое это очаровательное существо; она вела себя даже лучше, чем многие гостившие у нас представители рода человеческого. По мере того как Н'Понго взрослела, стало очевидно, что ей нужен супруг или хотя бы подруга — уж очень рьяно проявляла она свое расположение к мужчинам из обслуживающего персонала (хорошо еще, что ей было неизвестно постоянство). Если горилла весом около восьмидесяти килограммов проникнется нежными чувствами и не выпускает вас из клетки, вам остается лишь мириться с ее ухаживаниями. А посему, невзирая на нашу бедность, я приобрел еще одну самку, Ненди; она была помоложе, но крепкая и здоровая. Гориллы отлично поладили, и Н'Понго обожала Ненди, хотя не скрывала, что считает себя хозяйкой в клетке. Шли годы, наши холостячки благополучно здравствовали в своей квартире, однако было очевидно, что надо что-то предпринимать, и эта проблема серьезно меня беспокоила.

Нужен был партнер в том же возрасте или постарше наших девушек. Время от времени в продажу поступали самцы, но все они были слишком дорогими и слишком молодыми; пока они достигнут зрелости, наши самки уже состарятся. Приобрести молодого взрослого самца представлялось почти невозможным, а ведь нам еще приходилось считаться с тем, что самец, буде мы его все-таки получим, может невзлюбить самок или они невлюбят его. Да и где гарантии, что ему известно, как происходит размножение. Словом, мы могли оказаться обладателями обделенного любовью самца и двух тоскующих дев. В довершение всего мы сознавали, что нынешняя обитель годится для наших горилл только потому, что обе самки ручные и к ним можно входить, а пусти туда неуравновешенного молодца — еще неизвестно, чем это кончится. С финансами у нас, как всегда, было туго, и я знал, что на новую клетку денег взять негде. Казалось, мы зашли в тупик — и тут нам дважды привалило фантастическое счастье.

В зоопарк поступили новые животные, и местное телевидение, всегда уделяющее нам большое внимание, прислало, как обычно, свою группу, чтобы подготовить репортаж. Перед началом съемок я побеседовал с ведущим; новый человек на студии, он был поражен, каким обширным земельным участком располагает трест. Я заметил не без горечи, что от тридцати пяти акров не так уж и много радости, когда нет денег, чтобы их использовать. Ведущий предложил мне сказать это в ходе интервью. Я ответил, что говорил об этом множество раз и все без толку, но, если он настаивает, могу повторить.

Интервью было заснято, и вечером я увидел его на экране. Едва кончилась передача, как раздался телефонный звонок. Девушка с телефонной станции извинилась, что беспокоит нас, поскольку мы держим свой номер в секрете, но дело в том, что меня разыскивает один джентльмен, который хочет пред-

ложить мне денег. Я никогда не стеснялся брать деньги у незнакомых людей, а потому попросил соединить джентльмена со мной. Владелец приятного голоса назвался Брайеном Парком и сообщил, что сию минуту видел меня по телевизору. Верно ли, что мне нужны деньги?

— Нам всегда нужны деньги, — ответил я, мгновенно прикинув, что здесь можно рассчитывать по меньшей мере на полсотни соверенов.

И тут Брайен Парк сделал то, чего за все годы не удавалось совершить никому из моих родичей, друзей и врагов. Несколькими словами он заставил меня потерять дар речи.

— Что вы сделали бы, если бы я дал вам десять тысяч фунтов?

Это было настолько неожиданно, что я никак не мог смекнуть, куда можно вот так сразу применить десять тысяч фунтов. За ночь я, естественно, опомнился. У нас были сотни дыр, но важнее всего — новое помещение для горилл. К моему облегчению, Брайен не возражал. Так у нас появились средства на новую клетку, вот только самца по-прежнему не было.

И тут нам вторично повезло. Эрнст Ланг, директор Базельского зоопарка, первый человек, которому удалось в Европе добиться потомства от горилл в неволе, с большим участием следил за нашими делами и особенно за судьбой наших двух незамужних горилл. И вот я получаю от него письмо с предложением продать нам Джамбо, взрослого самца, рожденного и выращенного в его зоопарке. Более того, Джамбо уже доказал свои способности производителя, став отцом маленькой самочки. Приобрести взрослого самца, выращенного в неволе, — невероятно! Да еще и проверенного на деле производителя — невероятно вдвойне! Проблема с гориллами решилась чуть ли не одним махом. Засучив рукава, мы принялись проектировать комплекс, которому присвоили имя Брайена Парка.

Наши грандиозные замыслы в какой-то мере лимитировались особенностями рельефа: участок наклонно спускался к большому заливному лугу. Выбор именно этого участка определялся тем, что новое помещение, хотя и самостоятельное, явилось бы естественным продолжением прежнего обезьянника. Крутизна откоса осложняла дело, но в конце концов задача была решена.

Мы были вполне довольны результатом, и до сих пор комплекс нас только радует. В нем три сообщающиеся спальни с отоплением в полу; через задвижные двери из каждой спальни можно попасть на площадку размером 10x15 метров с бассейном и устройствами для лазания. Площадка необычная: над ней нет крыши. Высота стен — 3,5 метра; две из них как бы собраны в гармошку, и в каждой складке есть окно размером 1,2x1,8 метра. Изнутри стены совершенно гладкие, не зацепишься; в окна вставлен «бутерброд» полуторадюймовой толщины из прокатанного вместе пластика и стекла, который даже бульдозером вряд ли пробьешь. Все сооружение смотрит на юг, чтобы обезьянам доставался не только дождь, но и максимум солнца; спальня отсеки снабжены навесом, образующим своего рода веранду. Недавно мы прикрепили к этому навесу телекамеру, которая позволяет, когда надо, следить за обезьянами круглые сутки.

В такой постройке немалую роль играют детали. Нужно было верно рассчитать наклон нар, чтобы легче было мыть их струей из шланга, но и чтобы гориллы не чувствовали себя так, словно они живут на склонах Джомолунгмы. Перегородки между отсеками выполнены в виде переносных решеток. Их

можно убрать, и получается одно большое спальное помещение. Мы остановились на решетке по двум причинам. Во-первых, животные могут видеть друг друга, когда их почему-либо разводят; во-вторых, если понадобится выстрелить в гориллу иглой с наркотизатором или лекарством, мы можем это сделать без риска для себя из соседнего отсека.

Уступы в стенах образуют ниши, где гориллы могут уединиться; ведь животные, как бы хорошо они ни ладили, тоже иногда желают отдохнуть друг от друга, подобно супругам в человеческом обществе.

Мы тщательно продумали, в какие цвета красить комплекс. Большая конструкция занимает видное место на краю заливного луга; не угадаешь с краской, и получится что-нибудь столь же ненавязчивое и ласкающее глаз, как газгольдер. После долгих споров и экспериментов мы остановились на неяркой, оливково-зеленой краске для наружных стен. Она камуфлирует комплекс весной и летом, когда он сливается с окружающими деревьями. Изнутри применили светло-желтую краску. Получилось очень симпатично, и гориллы хорошо смотрелись на таком фоне, однако вскоре дали себя знать минусы. Краска оказалась слишком светлой, и, поскольку комплекс обращен на юг, желтые поверхности в солнечный день уподоблялись зеркалам или рефлекторам, яркий свет резал глаза. Теперь стены изнутри голубые, а пол песчаного цвета. Это гораздо лучше, но все же мы не совсем довольны.

На очереди у нас еще один большой проект: новый комплекс для разведения рептилий. По сложности он намного превзойдет все, что мы до сих пор строили. Рептилии, как правило, не пользуются особой симпатией, поэтому и в зоопарках, и в кругах борцов за охрану фауны ими как-то пренебрегали. Я всегда полагал, что на пожертвования от добрых людей для разведения рептилий нечего надеяться, это тебе не птицы и не млекопитающие. Однако нам, как это уже было с гориллами, опять сказочно повезло. В Джерси собралась Первая всемирная конференция по разведению исчезающих видов, и среди сотен участников оказались давние члены треста, супруги Гэрти из Канады. В ходе конференции они улучили минуту, чтобы подойти и сказать мне лестные слова о планировке зоопарка и состоянии животных.

— Одно только портит картину, — продолжал Джеффри Гэрти. — Понимаете, мы с женой увлекаемся герпетологией, сами держим и разводим всевозможных рептилий. Ваши особи выглядят прекрасно, а вот террариум, мягко выражаясь, плоховат.

Я признался, что и сам отлично вижу недостатки нашего террариума (он был оборудован в бывшем гараже), и хвастливо — впрочем, больше в шутку, чем всерьез, — заявил гостю, что охотно построю лучший террариум в мире, если он подбросит денег. Тут же мы разошлись, поскольку мне надо было вести очередное заседание, и снова я встретился с четой Гэрти лишь перед самым их отъездом.

— Послушайте, — сказал Джеффри Гэрти, — вы это серьезно говорили? Если я раздобуду денег, вы в самом деле построите лучший террариум в мире?

— Конечно, — ответил я. — Нас тормозит только отсутствие средств. А что?

— А то, — продолжал доктор Гэрти, — что я, помимо всего прочего, эксцентричный миллионер.

— Пройдемте в мой кабинет, — молвил я, испытывая легкое головокруже-

ние.

— У меня там лежат кое-какие предварительные наброски, которые были заготовлены на случай встречи с человеком вроде вас.

Так началось осуществление проекта, который, я надеюсь, выльется в уникальный центр по изучению и разведению удивительных и многократно оклеветанных созданий, именуемых рептилиями. Сразу скажу, что мы отнюдь не желаем стать обладателями столь типичных для зоопарков ужасных террариумов с широким набором совершенно различных видов, содержащихся день и ночь круглый год при одинаковой температуре. Мы сосредоточимся на ограниченном количестве исчезающих видов змей, ящериц и черепах. На строительство ушло три года, и сейчас, когда пишутся эти строки, мы готовимся завершить отделку. И, как всегда, со страхом спрашиваем себя, какие промахи были допущены нами на чертежной доске.

Наша конструкция необычна тем, что в отличие от большинства существующих террариумов мы главное место отвели не витринам, а скрытым от глаз публики отсекам для размножения. Ибо считаем, что разводить рептилий — наша первая задача, а демонстрировать их — вторая. Во многих случаях бывает трудно, а то и вовсе невозможно размножить рептилий в обычных террариумах, потому что условия среды не регулируются так, как надо. У нас внутренние отсеки состоят из специально сконструированных клеток, где приборы отмечают малейшие колебания влажности, освещения и температуры, позволяя обеспечить определенный суточный и сезонный ритм. Скажем, для животных с Калимантана мы постараемся воссоздать в миниатюре условия муссонного периода, когда он наступает в природе. Млекопитающие и пернатые — другое дело, они поддаются акклиматизации, и вы можете видеть, как тропические животные весело играют на снегу. Обмен веществ у рептилий исключает такие крайности. Они способны переносить малые колебания температуры, но для успешного содержания и размножения пресмыкающихся микроклимату надо уделять куда больше внимания, чем при уходе за другими животными.

Строительство зоопарков — увлекательнейшая задача, и в ее решении делаются только первые шаги. Сочетать удачную демонстрацию животных для публики с наилучшими условиями обитания для особей вполне возможно, но слишком мало зоопарков преуспело в этом. Как только предпочтение отдается показу, животные проигрывают. Притом мне кажется, что режим строгой экономии для директоров и архитекторов в этой области — не такая уж плохая вещь. Нам не раз удавалось доказывать, что эффективная постройка не обязательно должна быть дорогой. Конечно, изысканное оформление — это хорошо, но и при скромных денежных и материальных ресурсах можно добиться поразительных результатов. Как-никак только людям важна дорогостоящая эстетическая сторона. Животным нужна клетка, где они чувствовали бы себя дома; добейтесь этого, и вы будете вознаграждены.

Глава 3 Замысловатая задача

Затем внесли блюдо, на котором лежал огромнейший вепрь. Голову его венчал колпак вольноотпущенника; на каждой клыкe висело по корзине, они были выстланы пальмовыми листьями и наполнены одна сирийскими, другая фивскими финиками. Маленькие поросята из теста, испеченные в духовке, окружали вепря, словно искали соски... Вооружившись охотничьим ножом, раб вспорол брюхо вепря, и внезапно из отверстия в боку животного вылетели дрозды.

Петроний. Пир Тримальхиона

Греки называли эту птицу Упуна, потому что она обмазывает свое гнездо человеческим калом. Это мерзкое существо поедает зловонные экскременты. Оно кормится мертвецами... Если человек перед сном вымажется кровью этой птицы, ему приснится, что его душат бесы.

Паук — это воздушный червь, ведь он добывает корм из воздуха, длинной нитью притягивая добычу к своему маленькому тельцу.

Т. Г. Уайт. Книга о зверях

Знаменитому гурману Брийя-Саварену принадлежат слова: «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты». К сожалению, простое правило это неприменимо к животным. Не помогает и перестановка его членов. Зная, какое животное перед вами, вы можете лишь приблизительно отнести его к той или иной категории едоков, без учета индивидуальных симпатий и антипатий, если только вам вообще что-либо известно о его естественном рационе. К вам поступило животное, которое руководства характеризуют как «сугубо вегетарианца», — а оно обожает рыбу или мясо; вы получили «сугубо плотоядного» зверя, — а он истекает слюной при виде кисти винограда.

До недавних сравнительно пор в зоопарках не очень-то задумывались над рационами животных; значение этого вопроса явно недооценивалось. Преобладала точка зрения: что не годится в пищу человеку, то идеально для животного, — да и в наши дни слишком многие так рассуждают. Между тем в дикой природе животные, если исключить типичных падальщиков, едят самую свежую пищу, но этот элементарный факт не учитывался. Как часто видел я в зоопарках (даже в самых почтенных), что животным скармливали тухлое мясо и тухлую рыбу, гниющие овощи, переспелые фрукты с плесенью. Такая бережливость, доведенная до крайности, представляется мне ложной экономией. Если вы фермер и держите скотину впроголодь или даете ей неполноценный корм, то не можете требовать от нее ни высокого удоя, ни хорошего приплода. Так вправе ли директор зоопарка рассчитывать на крепкое здоровье своих подопечных и успешное размножение, если кормит их скверно? Сколько раз в прошлом животные попадали в разряд «трудных» только потому, что им давали не тот корм? Этот вопрос мог бы стать темой интересного, хотя и удручающего исследования для специалистов по истории зоопарка.

Мало того что обычный рацион в зоопарках нередко приносил больше вреда, чем пользы, так еще и посетители вносили свою пагубную лепту. Стало принятым ходить в зоопарк, чтобы «покормить зверей», и, что хуже всего, администрация с этим мирилась, потому что прямо или косвенно это упрощало финансовые проблемы. А тот факт, что посетители чаще всего давали животным неподходящий корм и в слишком большом количестве (отсюда болезни,

а то и гибель ценных экспонатов), воспринимался философски. Я знаю по горькому опыту, как трудно помешать публике кормить животных в зоопарке, но в ту пору никто даже не пробовал останавливать посетителей, скорее, их поощряли. Правда, делались робкие попытки побудить этих доброхотов давать животным то, что им полезно, но без заметного успеха. Люди предпочитали потчевать своих любимцев смертельно опасными для них земляными орехами, шоколадками, мороженым (все покупалось в киоске зоопарка), и животные, обжираясь, словно маленькие дети, этими лакомствами, погибали от заворота кишок, энтерита, тромбоза.

Ныне во всех наиболее передовых зоопарках повителям запрещено кормить животных, и хорошо, что запрещено. Но одно дело — запретить, другое дело — помешать. Рядовой посетитель зоопарка считает своим неотъемлемым правом беспрепятственно делать три вещи: щедрой рукой разбрасывать мусор; тыкать в зверей зонтиками и палками или бросать в них камни, чтобы пошевелились, если им вздумалось уснуть или просто стоять неподвижно; скармливать всем животным подряд все, что попало, будь то арахис или рафинад, губная помада или бритвенное лезвие. Да-да, я не присочиняю: наших животных потчевали и помадой, и лезвиями, а кроме того, аспирином, бутылочными осколками, кусочками пластика. Один раз подсунули даже набитую табаком и раскуренную трубку. Похоже, широкая публика еще меньше, чем многие директора зоопарков, смыслит, какая пища годится для диких зверей.

Интересно, что иные животные, в принципе весьма консервативные в своих гастрономических привычках, в зоопарке проникаются neodолимым влечением к пище, которая приносит им минимум пользы, а то и максимум вреда. Проявись у них эта черта сразу после поимки, насколько легче жилось бы зверолову: он знал бы, чем их соблазнить. Сколько испытаний приходится подчас на его долю, ведь задолго до передачи животного в зоопарк зверолов обязан приучить его к новому рациону. Незавидная задача, чреватая не меньшими проблемами и разочарованиями, чем поползновения внедрить французскую кухню в рядовом английском пансионе.

Но есть другие крайности — животные-монофаги, то есть признающие только один вид пищи. Им подавай такой однообразный рацион, что и средневековый святой осудил бы их за чрезмерное умерщвление плоти. Например, уроженцы Африки и Азии панголины прекрасно обходятся одними муравьями, в некоторых случаях совсем неудобоваримыми на вид черными древесными муравьями, от которых так разит муравьиной кислотой, что у вас слезятся глаза когда вы разоряете муравейник.

В прозрачных лесных речушках Западной Центральной Африки обитает примечательное существо со звучным латинским наименованием *Potomagale velox*, а проще — выдровая землеройка. Это насекомоядное, единственный представитель своего рода (правда, есть на Мадагаскаре отдаленный родич), достигает в длину более полуметра, шубка у него темная, как у крота, глазки крохотные, ключиц нет, мордочка вздутая, так что голова сбоку напоминает усатый молоток, хвост приплюснутый с боков, как у головастика. Любительница вод ведет ночной образ жизни и, во всяком случае в Камеруне, где я ловил выдровых землероек, кормится исключительно пресноводными крабами шоколадного цвета. Когда я поймал свою первую *Potomagale velox* и присмотрелся к ней, мне показалось, что такое сильное животное, похожее на выдру и

явно приспособленное для охоты за самой различной добычей, не может обходиться столь ограниченной диетой. Самый фанатичный любитель ракообразных, говорил я себе, не откажется пополнить свой стол свежей рыбой или лягушкой, а то и кусочком водяной змеи. Я стал экспериментировать, предлагал моей пленнице крупных жуков, чудную рыбу разных сортов, расцветок и размеров, тучных лягушек, коротких и длинных змей, птичьи яйца и птенцов. Пустые хлопоты. Землеройка с отвращением воспринимала все потуги разнообразить ее рацион, сохраняя верность хрустящим крабам. А что в них питательного, недоумевал я,

— почти один сплошной карапакс!

Передо мной, сами понимаете, стояла двойная проблема: во-первых, я не мог взять с собой на пароход достаточный запас пресноводных крабов (моя подопечная пожирала за ночь до трех с половиной десятков), во-вторых, ни один европейский зоопарк не в силах обеспечить столь изысканную диету. Увы, к услугам зоопарков нет знаменитых фирм, готовых поставить самое редкое кушанье. А потому моего гурмана надо было приучить к другой пище. Это было легче сказать, чем сделать, и мне пришлось пуститься на хитрость.

На местном рынке я закупил сушеных пресноводных креветок, которыми приправляют кэрри, арахисовое пюре и другие африканские кушанья. Измельчив креветок, я смешал их с мясным фаршем и сырыми яйцами. Весь расчет был на жадность, с какой землеройка набрасывалась на еду в часы кормления. Убив несколько крабов, я начинил карапаксы смесью, но сперва зверек получил обыкновенного краба, которого и схрупал в два счета. Усыпив бдительность землеройки, я бросил ей карапакс с начинкой. Она проглотила около половины, прежде чем заподозрила неладное. Выплюнула очередной кусок, внимательно рассмотрела его сквозь сетку из трепещущих усиков, а затем, к моей великой радости, доела. Через несколько недель землеройка уже ела с блюда смесь, посыпанную лишь для вида кусочками краба.

Другим трудным ребенком оказался большой муравьед, самый крупный представитель семейства муравьедов. Причудливый это зверь: длинная, похожая на сосульку голова, хвост — как вымпел, мощные, совсем медвежьи когти способны взломать твердый термитник для добычи пропитания. Первого муравьеда я поймал в горных областях Гайаны. Мы преследовали его верхом на конях, заарканили, потом, сторонясь когтей, затолкали шипящего, словно газовая труба, пленника в мешок и отвезли в лагерь. Здесь я привязал муравьеда к дереву и стал соображать, как приучить его к новой пище. Я знал, что для большого муравьеда придуман рацион, включающий сырые яйца, мясной фарш и молоко. Но каким способом убедить зверя есть столь неаппетитный на вид эрзац вместо его любимых муравьев? Об этом немногочисленные руководства по уходу за животными в зоопарках умалчивали.

Порой животные до того верны своим предрассудкам, что наотрез отказываются пробовать новую пищу, даже не подойдут, чтобы понюхать. Речь идет именно о предрассудках, в чем я убеждался, когда позднее то же самое животное с удовольствием уписывало корм, который в первый раз с ужасом отвергало. Иногда подозрительный корм даже становится самым любимым.

Мой муравьед был не такой уж консерватор, и все же на первую миску с молоком, сырым яйцом и фаршем он посмотрел с таким подозрением, словно завтрак ему приготовил какой-нибудь из наименее симпатичных членов се-

мейства Борджиа. Вдруг меня осенило. Взломав термитник, я набрал пригоршню его крупных и весьма непривлекательных на вид обитателей, высыпал их на широкий зеленый лист и пустил его плавать на поверхности молока. Почувяв любимое блюдо, муравьед развернул свой тридцатисантиметровый липкий язык и принялся слизывать термитов. Естественно, язык при этом попадал и в молоко; через несколько минут мой пленник лакал смесь так, будто всю жизнь не ел и не собирался есть другой пищи. В следующий раз мне не пришлось даже прибегать к маскировке. Муравьед чистенько вылизал миску, с ловкостью жонглера отправив в трубочку рта последние крошки фарша.

Как ни упрямы бывают животные сразу после поимки, обычно наступает минута, когда они вдруг совершают поворот кругом. Одной из целей моей экспедиции в Сьерра-Леоне было поймать черно-белых гверец. Основную пищу этих красивых обезьян составляют листья; задача состояла в том, чтобы приохотить их к таким листьям, каких они прежде не ели. Фактически надо было решить тройную задачу: сперва приучить обезьян к зелени с местного рынка, потом — к пище, которой мы могли их обеспечить на время плавания в Англию, и, наконец, — к тому корму, который мы могли добыть у себя на Джерси. С учетом этого я загрузил в корабельный холодильник ящики с латуком, капустой, морковью, шпинатом и прочими деликатесами, рассчитывая соблазнить ими гверец. Все это, понятно, делалось задолго до того, как я прибыл в Сьерра-Леоне, когда мы еще не знали, сумеем ли вообще поймать гверец и доставить их к морю. Так или иначе, нам удалось-таки добыть семь особей, они благополучно освоились в неволе и согласились есть различную зелень с местного рынка.

Завершив экспедицию, мы спустились к морю, погрузились на пароход, и тотчас гверецы взбунтовались. На лакомства, закупка и доставка которых обошлась нам в кругленькую сумму, — чудесную сочную капусту и шпинат, морковь и помидоры — они смотрели так, словно это был смертельно ядовитый паслен. Мы ломали голову над тем, как не дать обезьянам околеть. В итоге моей секретарше Энн Питерс было поручено заниматься только гверецами, а мы обслуживали остальных зверей в нашей коллекции. К счастью, в развернувшемся поединке характеров воля Энн взяла верх. Лаской и таской ей удавалось заставлять обезьян есть ровно столько, сколько было необходимо, чтобы они выжили. Я говорил себе, что на Джерси у нас будут листья дуба, вяза и липы и все образуется. Когда же мы прибыли на Джерси, гверецы, которые на пути в Англию едва не голодали, вдруг решили, что предлагавшиеся им ранее капуста, шпинат, морковь и помидоры — верх мечты, только успевай подавать.

Не может быть твердых и определенных правил, очень уж различаются между собой отдельные особи. Однажды во время экспедиции в Камерун (Западная Африка) мне удалось поймать трех ангвантибо. Эти своеобразные маленькие золотисто-коричневые представители подсемейства лориевых лему-ров, ведущие древесный образ жизни, напоминают глуповатых игрушечных мишек. До тех пор в Европу не привозили живых особей. Вообще я слышал только об одном человеке, которому удалось содержать в неволе ангвантибо, так что с информацией об их привычках обстояло плохо. Однако я знал, что, кроме плодов и листовых почек, они питаются маленькими птичками, а пото-

му три раза в неделю моим узникам наряду с другим кормом подавались упитанные ткачики. Все три ангвантибо были пойманы в радиусе менее десяти километров от лагеря, в однородной местности, и естественно было ожидать, что у них одинаковые гастрономические привычки. Однако, получив птичку, ангвантибо номер один уписывал ее целиком, оставляя лишь лапки и голову, номер два съедал только грудку, а номер три искусно вскрывал сверху черепную коробку и вылизывал мозг, отвергая все остальное.

Каждодневно, какие бы животные ни составляли коллекцию, вы убеждаетесь, обычно с удивлением, что вкусы их так же разнообразны, симпатии и антипатии так же прочны, как у постояльцев любого крупного отеля. Уже вскоре после нашего поселения на Джерси выяснилось, что два совершенно различных представителя фауны питают неодолимое пристрастие к самой обыкновенной сельди.

Речь шла о южноамериканских тапирах, которых считают чистыми вегетарианцами, и о львах. Конечно, львы — плотоядные, но вряд ли дикая природа снабжает их сельдью! Что до тапиров, ведущих отчасти водный образ жизни, то у нас родилось подозрение: уж не ловят ли они застрявшую в заводях рыбу в засушливое время года, когда пересыхают реки? Правда, я еще нигде не читал, чтобы тапиры в дикой природе были последователями Исаака Уолтона, автора столь популярных в Англии записок об ужении рыбы. Еще труднее представить себе, чтобы рацион льва в саванне сколько-нибудь регулярно включал рыбу, тем более селедку. И все же запах сырой сельди явно показался нашим львам настолько восхитительным, что они не устояли.

Так или иначе, в обоих случаях мы были только рады, потому что остро пахнущая сельдь — удобная облатка для лекарств, буде они понадобятся. В мясе или фруктах таблетка будет обнаружена, и ее с отвращением выплюнут, а вот в хорошо выдержанной сельди она замаскирована надежно, ее проглотят с блаженным видом. Перечень уловов, которые познаешь на практике, можно продолжать без конца. Например, некоторых птиц слабит от пауков, а для наших человекообразных обезьян роль слабительного играют свежие ананасы.

Всякие бывают причуды. Одна наша африканская цивета, получив бананы, неизменно «убивала» их (только бананы, другие плоды она не казнила), применяя способ, которым циветы в дикой природе, очевидно, расправляются со своими жертвами. Схватит банан и трясет, доводя его, как ей представлялось, до беспомысленности, потом несколько раз бьет плечом, пока не превратит в размазанное по земле месиво. Убедившись, что банан «убит», цивета с наслаждением уписывала его.

Разумеется, когда у животных намечается пристрастие к одной какой-то пище, вам надо быть начеку, потому что иногда они при этом отвергают все прочее. В содержании животных очень важно следить, чтобы им не наскучил рацион. И вы, борясь с однообразием, постоянно предлагаете что-нибудь новое по виду, по запаху, по вкусу. В винограде, например, питания всего-то что толика сахара в большом количестве воды, тем не менее он незаменим как лакомство, приятная добавка к основному рациону, вроде желе на детском празднике. Смотрите только, чтобы не перестараться, не привить животному «виноградной мании».

В Южной Америке была у нас дурукули. Это одна из самых обаятельных обезьян; ее называют также «совиной обезьяной» — очень меткое название,

если вы можете представить себе сову, покрытую шерстью, а не перьями. Еще она примечательна тем, что это единственная обезьяна, ведущая истинно ночной образ жизни. Попав к нам, очаровательное создание вскоре ни с того ни с сего потеряло аппетит. Здоровье было в полном порядке, однако на пищу она глядела совсем безучастно, ковыряя ее с унылым видом клиента в ресторане, похваляющемся своей интернациональной кухней. Было ясно, что необходимо какое-то средство, чтобы стимулировать аппетит нашей подопечной. Не без помощи магии, я уж не говорю о деньгах (в это время мы были в Мату-Гросу), моя жена ухитрилась раздобыть две банки... консервированных вишен! Правда, открыв банки, мы увидели нечто мало похожее на привычные нам вишни: словно кто-то не очень удачно пытался сделать елочные украшения из третьесортного бархата, притом такого ядовито-красного цвета, что даже Снегурочка не сразу решилась бы их принять. а вот наша дурукули с первого взгляда приравняла эти страшненькие ягоды к манне небесной. И до того к ним пристрастилась, что отвергала всякую иную пищу; нам стоило огромных усилий и времени, не говоря уже о деньгах, чтобы снова приучить обезьяну к более питательному, хотя и не такому яркому корму.

Когда вы извлекли животное из природной среды, одна из самых серьезных проблем — противоборствовать скуке. На воле большую часть времени животные проводят в поисках пищи, когда же вы устранили необходимость поиска и стимулирующий голод, легко наступает скука. Возьмите человека, который, проработав три с половиной десятка лет в учреждении или на заводе, уходит на пенсию и оказывается без дела. Во многих случаях он вскоре умирает, и причина его смерти — скука. Точно так же томятся животные, и вы ищите противоядие, в том числе вводя в рацион новые элементы, пусть даже не очень питательные, и расчетливо чередуя любимые вашим подопечным ценные виды корма. Конечно, в идеальных условиях каждое животное кормится отдельно, и вы точно знаете, сколько чего оно съедает. Но во многих случаях, когда положено групповое содержание, такой контроль затруднен, а то и вовсе неосуществим. У нас есть возможность кормить индивидуально человекообразных обезьян и некоторых других животных, и мы убедились, как важно на случай болезни знать с точностью до чайной ложки дневное потребление каждого из ваших подопечных.

Как уже говорилось, немалую часть своих будней животное занято поиском пищи. Пусть даже поиск не увенчался успехом, он сам по себе играет важнейшую роль. Вот мы установили, что очень полезно почаще класть мелким млекопитающим гниющие колоды. Смакование запахов, усилия, чтобы разломать колоду, поиски чего-нибудь съедобного в куче трухи и сгнившей коры — все это психотерапия для животного, даже если не добыто ничего особенно питательного. Конечно, было бы идеально давать корм животному десять-пятнадцать раз в день, но для этого потребовался бы такой штат, что, как ни желанно это решение, оно, увы, неэкономично. Все же опыт показал нам, что многих животных необходимо кормить два-три раза в день. Впрочем, чтобы занять чем-то группу особей, вовсе не требуется трижды в день подавать им обед из трех блюд. Бросьте горсть зерна или семечек на пол клетки с обезьянами или белками — еды немного, зато бездна занятия животным, пока они, беззлобно перебраниваясь, будут отыскивать зернышки.

Выше я отметил, что в прошлом зоопарки мало задумывались над рацио-

нами зверей, да и теперь во многих зоопарках не трудятся проявить изобретательность в разработке и приготовлении рациона. Пожалуй, наиболее серьезные достижения связаны с экспериментами в Филадельфийском зоопарке под руководством Рэдклиффа. Значение его открытий для содержания и разведения диких животных очень велико.

Работая в Филадельфии, Рэдклифф был озадачен тем, что животные попроще хотя и живут долго, но не размножаются. У других видов с более тонкой организацией, пусть даже они хорошо едят, высокая смертность. Тщательные исследования показали, что в самых полноценных на первый взгляд рационах недостает некоторых микроэлементов, солей и витаминов. После ряда опытов он составил пиллюлю, содержащую все необходимые прибавки. Пиллюли добавляли в обычный корм, и результат не заставил себя ждать: животные начали размножаться, заметно окрепли, стали дольше жить. Ланг и Ваккернагель в Базельском зоопарке в Швейцарии подхватили инициативу Рэдклиффа, дополнили и усовершенствовали его рецепт и добились новых успехов, в ряду которых не последнее место занимает получение — впервые в Европе — потомства от горилл.

Когда итоги опытов в Базеле были опубликованы, их встретили по-разному. Так, директор одного крупного английского зоопарка в разговоре со мной заявил, что это «дикая чушь, кормят животных одними пиллюлями». Другой директор, энергичный человек с широким кругозором, охарактеризовал эти опыты как «чистейший вздор: пичкают животных витаминами, вместо того чтобы кормить как положено». Большая часть моей жизни протекала на материке, поэтому я не столь подвержен самодовольной островной ограниченности, составляющей очаровательную особенность англичан. И невзирая на то, что новая процедура была придумана одной группой иностранцев (американцами), потом усовершенствована и развита другой (швейцарцами), я заключил, что дело это очень важное, заслуживает внимательного изучения, и отправился с визитом, так сказать, к первоисточнику — в Базельский зоопарк. Увиденное там и услышанное от Ланга и Ваккернагеля произвело на меня огромное впечатление, и я вернулся на Джерси, преисполненный решимости как можно скорее применить на деле новые принципы кормления.

Мы долго совещались с нашим мельником мистером Лемарканом, чем заменить некоторые ингредиенты, которые было трудно раздобыть; наконец он представил нам первый «пирожок». После многих споров, как оформить смесь — в виде батона, или галеты, или как-нибудь еще, мы остановились на базельском варианте: там делали нечто вроде пирожка и резали его на кусочки длиной около двух с половиной сантиметров и шириной в сантиметр. Ланг предупредил меня, что мои животные, если они хоть сколь-нибудь похожи на его подопечных, будут яростно противиться введению нового элемента в их рацион. По его словам, во многих случаях приходилось буквально морить животных голодом, прежде чем они соглашались отведать незнакомую пищу. Зато теперь все обожают ее.

Пророчество Ланга сбылось, омерзение и ужас наших животных можно сравнить с реакцией миссионера, которому предложили бы человеческое мясо в горшочке. Такое недовольство заставило нас призадуматься: может, наше тесто отличается по вкусу от «пирожка» Ланга? Не все ингредиенты совпадают, так, может быть, «первый блин» просто несъедобен? Устроили дегустацию

сами и сравнили свои отзывы. «Пирожки» нам понравились, в их вкусе было что-то от орехового печенья. Общее мнение: вполне съедобно. Однако наше одобрение ничего не меняло. Животным смесь никак не нравилась, хоть ты лопни. Оставался только один выход — добавить в нее еще что-нибудь для вкуса.

Одно вещество за другим отвергалось, так как испарилось бы при выпечке. Казалось, мы зашли в тупик, но тут я вспомнил про анисовое семя, испытанное средство, с помощью которого крадут собак и завлекают зверей в ловушки. Добавили его в тесто и с радостью убедились, что готовый «пирожок» сохраняет явственный аромат аниса. Стирая крошки с губ, все согласились, что продукт получился восхитительный. И животные, слава Богу, были согласны с нами. С каким удовольствием мы теперь смотрим, как горилла, когда ей подают полное блюдо различных лакомств, от винограда до сырых яиц, роется черным указательным пальцем, чтобы извлечь и в первую очередь съесть «пирожки», под аккомпанемент глухих, рокочущих звуков, которыми гориллы выражают блаженство.

Мы разработали также особый состав для хищников, таких, как львы и сервалы, которым sprыскиваем мясо и другой корм. Состав этот нам очень пригодился. На Джерси немалую часть новорожденных бычков забивают сразу или через несколько дней. До нашего прибытия на остров этот ценный источник протеина попросту закапывали в землю; на продажу везти — весу мало, к тому же из-за желтого жира их, вероятно, вообще никто не стал бы покупать. Для нас это было благом, ведь мы могли получать бесплатно мясо почти в неограниченном количестве. Скармливать животным свежайшее мясо вместе с костями, шкурой и внутренностями — лучшего и пожелать нельзя. Однако мы установили, что эта телятина лишена нужного количества солей и витаминов, содержащегося в мясе взрослого скота. Наша смесь возмещала столь важные отсутствующие ингредиенты.

Само собой понятно, что питание и здоровье неразрывно связаны между собой: предложите животному неправильный рацион, давайте корм без витаминов и солей — и вы распахнете дверь куче заболеваний. К их числу относится смертельный недуг, прозванный «клеточным параличом», хотя, как выяснилось на деле, клетки тут ни при чем.

Приматы Нового Света (иногда и Старого Света тоже) поражаются особой формой ползучего паралича, против которого не было никаких средств. «Клеточным» его назвали, допуская, что виноваты тесные клетки, не позволяющие животным двигаться в нужной мере. Полагали, что это ведет к атрофии мышц. Однако я заметил, что болезнь не щадит и обитательниц достаточно просторных клеток; было похоже, что дело в питании.

В те времена, когда я был профессиональным звероловом, это заболевание было, пожалуй, наиболее распространенным и в силу своей неизлечимости страшным бичом приматов, содержащихся в неволе. Начиналось оно постепенно, почти незаметно, поражая сперва бедра и задние конечности. Вместо того чтобы ходить нормально, обезьяна волочила ноги и вообще старалась поменьше двигаться. Мало-помалу задние конечности совсем отказывали, и паралич распространялся дальше. Однако животных обычно умертвляли, не дожидаясь полного паралича, так как лечить их, повторяю, не умели. В Южной Америке я сам столкнулся со случаями этой грозной болезни среди пойман-

ных мной обезьян и, вернувшись домой, обратился за советом к одному из немногих известных мне думающих ветеринаров. Просто квалифицированных ветеринаров можно найти без большого труда; думающие — такая же редкость, как единорог. Врач (это была женщина) предположила, что болезнь может быть вызвана недостатком фосфора в рационе. Мы проверили корм, который я давал обезьянам, и убедились, что фосфора вполне достаточно.

— А может, — сказала тогда врач, — они почему-то не усваивают этот фосфор.

И предложила делать обезьянам инъекции витамина D3, объяснив, что он помогает в таких случаях. Поскольку в тот момент ни одна из моих подопечных не страдала параличом, я просто поблагодарил за совет, а там и вовсе забыл про него.

Мы уже обосновались на Джерси, когда пришла пора вспомнить о нем. У нас была мартышка-гусар из Западной Африки, очаровательное рыже-черное существо с длинными конечностями, и вот она заболела и стала хиреть на глазах. Быстро развился полный паралич; мартышка совершенно не двигалась, только дышала, а чтобы кормить, приходилось поддерживать ей голову. Тут-то мне вспомнился совет ветеринара, и я поспешил раздобыть D3. Прецедентов не было, но, поскольку средство это считается безвредным, я вкатил обезьяне массированную дозу. Все равно ведь болезнь зашла так далеко, что вопрос стоял: либо — либо... К моему удивлению, через двое суток наметилось явное улучшение. Впрыснул еще одну дозу, чуть поменьше. К концу недели мартышка двигала конечностями, а через месяц носилась по клетке с такой энергией и прытью, что никто не признал бы в ней вялое, неподвижное существо, находившееся на грани смерти.

Особенно восприимчивы к этой коварной болезни мармозетки и тамарины, а организм у них нежный, сопротивляемости никакой. Прежде, как только они начинали волочить ноги, это было равносильно смертному приговору. Теперь немедленное применение D3 снимало все симптомы. Конечно, приходилось впрыскивать лошадиную дозу, и, естественно, мармозетки и тамарины не скрывали своего возмущения. Но ведь это делалось для их же блага. К счастью, найден способ давать D3 с пищей внутрь. Приятно сознавать, что «клеточный паралич» отошел в прошлое: нет ничего ужаснее, чем смотреть, как на здоровое во всех остальных отношениях животное наступает смерть, и быть не в силах чем-нибудь помочь.

Думается, роль упомянутых прибавок к обычному корму подтверждается нашими успехами в размножении животных. В любой коллекции, если вы стремитесь к хорошему приплоду, питание играет первостепенную роль, а у нас приплод, пожалуй, один из самых важных, если не важнейший параметр.

Здесь я попытался показать, что кормление животных — не такое уж простое и бесхитростное дело. Нам далеко еще не все известно о том, какой корм нужен животным в неволе. Неизвестно прежде всего потому, что мы плохо осведомлены, сколько и чего они едят на воле. Мы знаем, что в определенное время года некоторые животные идут на солончаки, ищут те или иные фрукты, ягоды или грибы, однако не знаем, какую именно роль это играет для их здоровья. Мы только-только начинаем постигать, что в даваемой нами пище — пусть достаточно разнообразной, чтобы животное не чахло и не болело, — может не хватать витаминов или микроэлементов, от которых, воз-

можно, как раз и зависит долголетие, крепкое здоровье и хорошее самочувствие, а также плодovitость наших подопечных.

Сознавая, какое огромное поле для исследований тут открывается, мы недавно использовали щедрое пожертвование одного американского фонда, чтобы организовать диетологическую лабораторию. Первым делом предстоит исследовать все наши нынешние рационы, чтобы точно знать, что в них содержится. Одновременно мы будем собирать максимум информации о питании животных в дикой природе с учетом сезонных вариаций. Накопив таким образом сравнительный материал, постараемся использовать его, чтобы совершенствовать питание наших животных, выяснить, каких витаминов или солей недостает, и — что особенно важно — найти лучший способ включить их в рацион. Для этого мы заведем экспериментальную плантацию, будем выращивать отдельные кустарники, овощи, фрукты и травы. Надо ли говорить, что при нехватке в корме какого-то витамина или солей куда полезнее предложить нравящийся животному плод или растение, чем хвататься за аптечный пузырек. Сверх того, могут обнаружиться новые травы, кустарники, овощи и фрукты, которые придутся по вкусу животным. И пусть даже питательность их равна нулю, они могут стать ценным дополнением, внося разнообразие в рацион, а при болезни сыграют роль аппетитных капель.

Необходимо также выяснить (и мы надеемся, что нам помогут в этом полевые исследования), в какое время года и почему потребляется данный вид корма. Потому ли, что он доступен лишь в эти дни, или его можно найти круглый год и есть какая-то особая причина? Поясню свою мысль на примере коалы. Рацион этого монофага ограничен листьями двух видов эвкалипта. В определенное время года коала переходит с одного эвкалипта на другой по той простой причине, что побеги и молодые листья первого вида в период роста содержат смертельную дозу синильной кислоты.

Расширять наши познания о питании животных в дикой природе чрезвычайно важно потому, что от одного-единственного ингредиента может зависеть успех или неудача. Без преувеличения можно сказать, что у диких животных бывают самые удивительные гастрономические причуды. Было, например, известно, что мармозетки и тамарины поедают мелких животных — древесных лягушек, ящериц, птенцов, — а также яйца, плоды и почки. И вот совсем недавно в этот ряд вошли еще два неожиданных ингредиента: живица и... летучие мыши. Живицу они добывают, выгрызая на коре веток желобки и слизывая выделяющийся древесный сок. Летучих мышей ловят, когда те днем спят в дуплах.

Если у нас появится возможность возвращать выращенных в неволе животных в естественную среду, то ли чтобы возродить вымершую популяцию, то ли чтобы поддержать ослабленный вид, корм приобретет еще более важное значение. Рассмотрим крайний, отчасти даже смехотворный, но в принципе вероятный случай: сова из седьмого поколения, выращенного в неволе, привыкшая есть белых мышей, может умереть с голоду в местности, где водятся только коричневые мыши. И еще одно обстоятельство, о котором не следует забывать: дикая природа, как правило, предоставляет своим детям куда меньше пищи, чем получают баловни в неволе. Не исключено, что животных, прежде чем выпускать на волю, придется сажать на подготовительную диету, вроде того как это делают со спортсменами перед Олимпиадой. Все это про-

блемы будущего, но в охране природы у будущего наблюдается склонность с ужасающей быстротой становиться прошлым. Вот почему мы уже теперь начинаем исследования в этой области.

Экономия на корме — лжеэкономия. Конечно, где-то можно и проявить бережливость. Установив, что морковь приносит больше пользы, чем тепличный виноград, вы делаете упор на более дешевую морковь. Однако совсем исключать виноград нельзя. Он тоже нужен, хотя бы как стимулятор аппетита.

Всякий, кому доводилось лежать в больнице, согласится, что разумно составленной, питательной, богатой витаминами диете может недоставать того эпикурейского штриха, который, образно говоря, воодушевляет вкусовые соочки. Работая с коллекцией диких животных, постоянно помните о необходимости угождать этим сосочкам.

Глава 4 Счастливые союзы

Ласка... Некоторые говорят, что у этих животных зачатие происходит через ухо, а рождение через рот, другие утверждают обратное.

Т. Г. Уайт. Книга о зверях

Есть обширная литература о том, как обращаться с домашними животными, подробно освещающая всевозможные детали. Кормление, размножение, передача наследственных признаков, родословная, распределение, продажная стоимость, болезни, натаска и так далее — все это давно и тщательно исследуется и образует специализированные отрасли внушительной науки. А такая область, как содержание диких животных в зоопарках, еле-еле затронута, вам предложат лишь довольно случайный набор советов и фактов.

Хейни Хедигер. Человек и зверь в зоопарке

Куропатки... Частые совокупления истощают их. Самцы сражаются друг с другом из-за супруги, и говорят, что побежденный самец становится жертвой похоти как самка. Вождеделение у самок достигает такой силы, что они беременеют от одного запаха, если ветер подул на них со стороны самца.

Т. Г. Уайт. Книга о зверях

Изучая в дикой природе горных горилл области Кабара. Дж. Б. Шаллер (1963) установил, что в первые шесть лет жизни смертность у них достигает 40-50 процентов, она особенно высока на первом году.

Здесь стоит напомнить, что у гориллы очень мало врагов, если не считать человека.

Хейни Хедигер. Человек и зверь в зоопарке

Из свадебного путешествия Этель и Бернар вернулись с сыном и — наследником, чудным пухлым младенцем по имени Игнациус Бернард.

Дэзи Ашфорд. Молодые гости

Казалось бы, само собой разумеется: раздобыть и свести друг с другом совместимую пару — первая предпосылка для успешного размножения животных. А вот многим представляется, что достаточно заточить в одной клетке самца и самку. На самом деле все неизмеримо сложнее; подготовка брака наталкивается подчас на большие трудности, и, когда речь идет об исчезающих животных, кровные линии изучают не менее тщательно, чем при подборе супругов в королевских семьях. Ценой огромных денег и хлопот достанешь своему подопечному партнеру, а они с первого взгляда проникаются взаимной ненавистью или — что, пожалуй, еще хуже — терпят друг друга и ведут унылое бездетное сосуществование. При мгновенно возникшей антипатии вам хоть все ясно, если же дело не идет дальше дружбы, вы оказываетесь в затруднительном положении. Перейдет ли приятельство во что-нибудь более серьезное? Будет ли счастливый конец в этой комбинации? Эти вопросы волнуют вас не менее глубоко, чем издателя женского журнала, которому предложили новый роман с продолжением.

Бывает, увы, что единственная имеющаяся у вас пара оказывается явно несовместимой. Как хочешь, так и выкручивайся. Примером могут служить наши белые ушастые фазаны. Мы купили две пары этих красивых и чрезвычайно редких пернатых через одного голландского торговца, связанного с Пекинским зоопарком. Положение белых ушастых фазанов в дикой природе неясно; они никогда не были широко распространены, а в наше время почти

или совсем истреблены в пределах своего исконного ареала. Последний раз представителей этого вида вывозили из Китая в 1936 году. Когда мы получили белых ушастых фазанов, в неволе их насчитывалось всего полтора десятка, причем большинство не были способны к воспроизведению, кто из-за преклонного возраста, кто по какой-либо другой причине. Тем важнее было добиться потомства от наших двух пар и создать плодовитый фонд этих прекрасных птиц.

Один из полученных нами петушков сразу же насторожил нас подозрительно смирным, даже апатичным поведением. Через сутки он скончался. Вскрытие выявило аспергиллез, грибковое заболевание легких, от которого пока не найдено средств. Остался у нас один петушок при двух курочках, причем петушок проявлял внимание только к одной из курочек. Разумеется, по закону мирового свинства, курочка никак не могла снести свое первое яйцо и, сколько мы ни старались ее спасти, погибла. Остались мы с единственной парой и к тому же несовместимой. Казалось, наши шансы создать колонию белых ушастых фазанов в неволе предельно близки к нулю.

А тут еще новая катастрофа, которую мы сочли уже окончательной: ночью петушок чего-то испугался, зацепился когтем за проволоку и сильно повредил ногу. Он еле ходил, и мы с грустью заключили, что теперь он не сможет топтать курочку, даже если она вдруг покорит его сердце. Как же мы удивились, когда он, проникшись к ней внезапным расположением, совершил прямо-таки немислимый акробатический трюк. Плодом счастливого события явились девятнадцать яиц, и нам удалось вывести тринадцать цыпляток, подложив яйца бентамке, которую напичкали всевозможными антибиотиками, чтобы она не передала своим приемышам какой-нибудь хвори. Мало-помалу наша стая росла. Первым делом, чтобы обеспечить сохранность вида в неволе, мы одолжили плодовитые пары зоопаркам Вашингтона, Антверпена, Западного Берлина. Фазаньему тресту и зоопарку Клер. На сегодняшний день нами выведено 112 белых ушастых фазанов, и мы можем позволить себе продавать пары избранным зоопаркам и птицеводам. Выручка идет всецело на приобретение редких животных для коллекции нашего треста или на оборудование помещений для таких животных. Так что белые ушастые фазаны теперь помогают другим видам, оказавшимся, как и они, под угрозой.

Для животных (человек не в счет) бракосочетание и детопроизводство — чрезвычайно сложная проблема. Не говоря уже о личных симпатиях и антипатиях сторон, надо учитывать кучу других вещей. Ведут ли данные животные в дикой природе одиночный образ жизни, соединяясь только в период размножения? Если да, перед вами возникают дополнительные трудности. Возьмем наших западноафриканских цивет, для которых характерно сказанное выше: мы следим, когда у самки начинается течка, и лишь затем пускаем к ней самца. При совокуплении самец циветы, как это заведено и у тигров, кусает самку в загривок, и только по метинам от его зубов мы можем судить, состоялся ли акт. После чего живо убираем самца, пока дело не дошло до настоящей потасовки.

Когда вполне совместимая пара благополучно сосуществует и не размножается, мы спрашиваем себя, в чем наша промашка; ведь если у животных нет физических изъянов, значит, виноваты мы — или корм не тот, или помещение не годится. В прошлом очень уж часто зверей спешили отнести к ка-

тегории «трудных» или «не размножающихся в неволе», как будто виноваты были они сами, а не люди, на чьем попечении они находились. Было время, когда считалось невозможным получить приплод, скажем, от носорогов и бегемотов; но в конце концов додумались, в чем фокус, и теперь их размножение не составляет большой трудности. На случай, если кому-то слово «фокус» покажется несолидным, объясню, что я подразумеваю. Я всегда говорил: когда решены основные проблемы — помещение и корм (а их можно решить, разве что вам предложили голубого кита), нет такого вида фауны, которого нельзя разводить в неволе, если вы сумели дознаться, в чем фокус. Тут могут быть и стержневые моменты вроде подбора подходящего партнера, оборудования надлежащей площадки для родов, полноценного рациона и более питательного корма для беременной самки, а могут быть и мелочи вроде оснащения клетки нужным количеством веревок для лазания. Решение есть во всех случаях; найти его зависит от вашей смекалки, потому что на помощи самого животного, как правило, рассчитывать не приходится.

И как же хорошо на душе, когда секрет наконец раскрыт, вы все сделали правильно и видите, как ваши усилия венчаются удачей. С двумя совсем различными животными мы достигли успеха так быстро, что сами были поражены и отнесли эти случаи в ряд наших самых громких побед. Речь идет о краснощеком ибисе и о ямайской хутии — маленьком грызуне, исконном обитателе Вест-Индских островов. Над обоими нависла угроза полного истребления, поэтому было очень важно создать плодовые колонии в неволе.

Будущее краснощекого ибиса в дикой природе выглядит, мягко выражаясь, мрачно; шансов выжить у него чрезвычайно мало. Не самый крупный представитель семейства ибисов, он обладает длинным изогнутым клювом; траурно-черное оперение отликает на свету зеленью и пурпуром; кожа вокруг клюва голая, красноватого цвета; на голове сзади свисает причудливый длинный хохол, как будто у птицы сдвинулся на затылок парик из перьев, обнажив лысину впереди. Краснощекие ибисы гнездятся колониями на скальных уступах, где и выращивают свое потомство. Некогда они были распространены от Ближнего Востока до Северной Африки и даже в Европе, вплоть до Швейцарии.

Разорение гнезд (птенцы считались изысканным кушаньем), а затем отравление взрослых птиц и их потомства ДДТ и другими пестицидами сильно сократили ареал и численность краснощеких ибисов, так что их теперь насчитывают всего около 500 пар. Известно лишь два гнездовья. Одно в Северной Африке; здесь число птиц быстро уменьшается, вероятно, из-за пестицидов, да и само гнездовье находится под угрозой в связи со строительством плотины. Второе, на беду для его обитателей, расположилось посреди городка Биреджик на берегу Евфрата.

Прежде птицы здесь как-то охранялись, их прилет на гнездовье отмечался пышным праздником. Но по мере роста Биреджика жители его становились более «цивилизованными» и «просвещенными», праздничный ритуал был забыт, и краснощекие ибисы из источника радости одним махом превратились во вредителей: невоспитанные птицы роняли помет на горожан, когда те спали на крышах своих домов. Мальчишки забивали камнями птенцов на каменных нишах, к тому же земля на окружающих полях (где взрослые птицы поедали личинок насекомых, принося людям благо) густо посыпается инсекти-

цидами. И хотя Международный союз охраны природы вместе со Всемирным фондом дикой фауны пытаются убедить местных жителей снова взять под свою защиту краснощеких ибисов, надежд на выживание этой наиболее многочисленной колонии (в ней 250 пар) очень мало. Только размножение в неволе может сохранить этих птиц для будущего, с возможной последующей реинтродукцией в части прежнего ареала — допустим, в Швейцарии или Северной Африке.

В 1972 году мы приобрели в Базельском зоопарке две пары краснощеких ибисов. Птицы были молодые, но, достигнув зрелости, они тотчас сделали попытку обзавестись потомством. Попытка вышла неудачная: и гнездо они смастерили не лучшим образом, и яйца оказались бесплодными. Вскоре после этого, когда стало известно о бедственном положении краснощеких ибисов в дикой природе, мы решили приступить к их разведению и наметили себе программу из двух пунктов: сперва постараемся создать плодovitую колонию в неволе, а затем, в более отдаленном будущем, попробуем осуществить реинтродукцию. Для этих целей мы в 1975 году раздобыли через Тель-Авивский университет еще две пары.

Довольно быстро выяснилось, что вольер, где содержались краснощекие ибисы, чем-то их не устраивает. Мы заключили, что для успеха нашей затеи надо сделать две вещи: увеличить высоту вольера и соорудить подобие скальных полок для гнезд. Денег у нас не было, но мы обратились к нашим американским коллегам и получили щедрую субсидию. Первым делом мы написали во все зоопарки мира, которые когда-либо держали краснощеких ибисов, чтобы узнать, удавалось ли там получить потомство от этих птиц и в каких вольерах они обитали. Ответы по большей части были противоречивыми и мало что нам дали, поскольку условия содержания краснощеких ибисов везде были разными. В некоторых случаях птицы дали потомство в неблагоприятной, казалось бы, обстановке; другие ибисы отказывались гнездиться, хотя их помещения выглядели более благоустроенными. Нам оставалось только исходить из собственных представлений о том, какая обитель лучше годится для ибисов, и надеяться, что птицы одобряют наше решение.

В готовом виде гнездовье представляло собой вольер высотой 3,5 метра, длиной 12 и глубиной 6 метров. В проволочную сетку были вделаны стекла размером 0,9x1,8 метра; задняя стенка выложена из необработанных гранитных глыб, имитирующих скалу. Тут и там на этой скале были площадки для гнезд. Поскольку в других зоопарках размеры площадок сильно отличались друг от друга, мы решили испытать побольше разных вариантов. Где-то сделали подобие естественных полочек с наклоном назад, чтобы яйца и птенцы не сваливались вниз, где-то вставили в гранит деревянные ящики без крышки и передней стенки.

Когда весь комплекс с большим бассейном и достаточным простором для летания был готов, нам он показался идеальным. Оставалось выяснить, разделяют ли ибисы наше мнение. Судя по тому, как они летали туда и обратно, садились на скалу и изучали гнездовые площадки, бормоча что-то друг другу на своем странном горловом наречии, конструкция им вроде бы понравилась. И не успели ибисы толком изучить все уголки новой обители, как уже начали таскать в деревянные ящики материал для гнезд. Затаив дыхание, мы следили, как возникают два гнезда и в них появляются семь яиц. Яйца были снесе-

ны молодыми птицами, и мы считали, что будет замечательно, если хотя бы из двух вылупятся птенцы. Когда же вылупились все семь и родители благополучно вырастили шестерых (седьмой был очень хлипкий и быстро зачах), мы были так счастливы, что пером не описать. Одним махом численность нашей колонии чуть ли не удвоилась, и возможность реинтродукции казалась уже вполне реальной.

В случае с ямайской хутией нам тоже повезло; и здесь мы добились успеха, открыв секрет правильной организации помещения. Хутии были приобретены нами не совсем обычным, окольным путем. Каждый стоящий директор зоопарка переписывается с самыми различными людьми в самых отдаленных уголках земного шара, надеясь, что в один прекрасный день они смогут найти для него какого-нибудь достопримечательного редкого зверя. Что до меня, то, поскольку люди читают мои книги и шлют мне письма, охват моей переписки очень широк — от Пекина до Пернамбуку. И вот однажды я получил письмо от миссис Нелл Бэрк с чудесного острова Ямайки. Она сообщила, что с большим удовольствием читает мои книги, и — весьма опрометчиво — добавила, что будет рада помочь мне раздобыть любое ямайское животное, которое меня заинтересует. Предложение миссис Бэрк было продиктовано самыми добрыми чувствами, и я не сомневаюсь, что бедная женщина сильно поколебалась в своем расположении ко мне, получив ответное письмо с вопросом, нельзя ли приобрести ямайскую хутию. Но взялся за гуж, не говори, что не дюж, и вместе со своей подругой Мери Макфэрлейн миссис Бэрк приступила к охоте на хутию.

Первым делом, естественно, надо было получить разрешение властей, ведь хутия — один из немногих уцелевших исконных представителей млекопитающих Ямайки и строго охраняется законом, что не мешает местным жителям охотиться на нее ради мяса; к сожалению, подобные явления происходят не только на Ямайке. Далее подруги обратились к охотнику с несколько неожиданным, но весьма благозвучным по своим аллитерациям именем Фердинанд Фратор. Всем на удивление (включая самого Фердинанда Фратора) ему в конце концов удалось поймать живьем три особи: самку, самца и их отпрыска. Я загодя снабдил миссис Бэрк пространными наставлениями на тот (маловероятный, как мне казалось) случай, если охота увенчается успехом; были там и подробные чертежи транспортных клеток, сильно смахивающие на план ракетной установки. Попадись эти чертежи на глаза постороннему, миссис Бэрк, несомненно, была бы арестована. Преодолев кучу трудностей и препятствий, хутий заточили в клетку и отправили мне самолетом. Я получил телеграмму такого содержания: «Хутии прибывают Лондонский аэропорт рейсом (следовал номер рейса). Молитесь. Нелл».

К нашей радости, все три хутии прибыли в отличном состоянии; долгий перелет их явно не напугал. Они напоминали крупных зеленовато-коричневых морских свинок и очень мило ковыляли, широко расставив ноги, словно только что намочили штанишки. Определяя их пол, мы установили, что отпрыск, увы, — самец. Итак, два самца и одна самка. Сообщая Нелл Бэрк об их благополучном прибытии, я подчеркнул в письме, что, конечно, дареным хутиям в зубы не смотрят, но все же такое соотношение не обеспечивает сколько-нибудь надежной основы для серьезной программы разведения этих зверьков. Не может ли она, деликатно справлялся я, снова мобилизовать доблестного мистера

Фратора и попытаться добыть еще одну-две четы? Честь и хвала миссис Бэрк: несмотря на все тревобления, пережитые ею в первый раз, она взялась выполнить и эту просьбу. К нашей радости и к нашему изумлению, ей это удалось, так что в сравнительно короткий срок мы получили в общей сложности четыре пары желанных зверьков.

Опыт работы с первым трио уже показал, что братья всерьез за разведение ямайских хутий можно, только располагая новым, усовершенствованным помещением. Наши коллеги в США опять выручили нас, и на полученную от них субсидию мы смастерили в доме млекопитающих несколько забранных стеклом просторных клеток; в каждой были деревянные туннели и спальни, лежали большие колоды. Красные лампочки позволяли наблюдать за животными, когда, по их понятиям, царил полная темнота. Мы изменили суточный цикл хутий, включая ночью обычный свет, а днем только красный. Очень скоро мы добились того, что они мирно спали во время искусственного дня и активно вели себя во время искусственной ночи, так что посетители могли видеть их в действии.

Подобно ибисам, хутии не замедлили одобрить новую обстановку, и через три месяца у первой пары родилась двойня. Детеныши величиной чуть больше золотистого хомячка сразу после рождения повели себя активно; через сутки они уже ели твердую пищу. Одна за другой и две остальные четы хутий воздали должное новым клеткам, производя на свет соответственно двойню и тройню. Мы не могли наглядеться на три четы с их отпрысками. Бойкие малыши с громким писком носились туда-сюда и подпрыгивали, будто резиновые мячики, играя в прятки в соломе и у колод. А то подбегут к своим долготерпеливым и многострадальным родителям, присядут на толстенные ягодички и давай дубасить кулачками по скулам папу или маму. Когда эта забава надоедала старшим, они переворачивали проказников на спину и тихонько кусали за живот, а те брыкались и извивались, громко хихикая, то бишь повизгивая от удовольствия. Смотреть, с каким упоением эти толстячки играют с родителями, было очень приятно, однако трезвый внутренний голос напоминал мне, что замечательный успех дался нам ценой трехлетних усилий, считая с того дня, когда я впервые написал Нелл Бэрк и попросил добыть хутий.

Разумеется, бывает и так, что вы все делаете правильно, но данному виду нужно время, чтобы освоиться и признать новую обитель своей территорией. Наша коллекция лемурув, насчитывающая шесть видов, доставила нам бездну хлопот, и только теперь появились признаки того, что мы действуем верно и продвигаемся в нужном направлении. А все дело в том, по-моему, что животным понадобилось очень много времени, чтобы прижиться.

Перспективы мадагаскарской фауны вообще и лемурув в частности выглядят весьма мрачно. Рост населения, влекущий за собой, как и всюду, неосмотрительное сведение лесов путем расчистки земель под уголья и чрезмерного выпаса, привел к тому, что над огромным, чрезвычайно интересным в зоологическом смысле островом (Мадагаскар по-своему не менее интересен, чем Австралия) нависла серьезная биологическая опасность. Некоторые виды еще могут выдержать натиск превосходящих сил человека, беспощадное уничтожение среды обитания и вторжение домашних животных, но другие, и в их числе лемуры, вероятно, исчезнут в ближайшие полсотни лет.

Наши особи, размещенные по территории зоопарка без всякой системы, благополучно здравствовали. Однако приплода не давали. Очевидно, надо было обеспечить лемуру новым жильем, только после этого могли мы всерьез помышлять о том, чтобы создать плодovitую колонию.

В завершенном виде новый лемурий ряд состоял из шести секций. Под крышей, разделенные коридором для публики, находились обогреваемые внутренние помещения размером 1,5x2,4 метра при высоте 2,7 метра. К спальням примыкали наружные отсеки длиной 6, шириной 2,4 и высотой 3 метра. Каждый отсек и каждая спальня с одной стороны забраны большим стеклом, которое позволяет лемурам без помех любоваться публикой, а публике — лемурами.

С первой минуты лемуры — рыжий, майоттский, мангустовый и кошачий — одобрили свою новую обитель. Клетки обращены на юго-запад, в них вдоволь солнечного света и свежего воздуха, достаточный простор для движения. Рацион лемуру был тщательно разработан на основе наших собственных наблюдений и с учетом опыта десяти коллекций лемурувых в разных концах света. Оставалось только преспокойно сидеть и ждать, когда посыпятся детеныши.

К нашей досаде и удивлению, детенышей все не было и не было. Казалось бы, неудачи с кучей других видов фауны должны закалить тебя, и все же как не огорчиться, когда лезешь из кожи вон, чтобы обеспечить благополучие животным, а получается, что ты делал не то. Лемуры ели за милую душу, круглые сутки звучали их веселые голоса, и любви они предавались с бесшабашностью участников римских оргий, а толку чуть.

Первыми утешили нас кошачьи лемуры. Полли, младшая среди самок, произвела на свет очаровательное дитя мужского пола; к несчастью, малыш был мертв, когда мы обнаружили его на полу клетки. Рентген выявил, что в легких не было воздуха, — стало быть, детеныш мертворожденный, а не погиб от пренебрежения. Вскрытие показало, что все внутренние органы в порядке. Бывают такие необъяснимые случаи, и неожиданными их не назовешь, поскольку мы не раз отмечали, что большинству животных не везет с первенцами. Как будто организм и материнский инстинкт молодой самки еще недостаточно развиты и первые роды — своего рода тренировка. Так или иначе этот случай убедил нас, что Полли способна к деторождению и не лишена материнского инстинкта: малыш был аккуратно вылизан, пуповина отделена, послед съеден. Со вторым детенышем, который появился через год, все было в полном порядке, и мамаша благополучно вырастила его. Мы надеемся, что впредь у нее не будет никаких осложнений.

Следом за Полли и остальные лемуры начали обзаводиться потомством. Первыми подхватили эстафету майоттские коричневые лемуры; этот вид принадлежит к наиболее редким. Правда, первенец и тут не выжил, но с тех пор трижды последовали удачные роды.

Если учесть, что после ввода в строй новых клеток до первых родов прошло три года, можно понять, сколько времени и труда требует создание разумной и плодотворной программы разведения животных. Об этом особенно важно помнить, когда речь идет о виде, численность которого в дикой природе катастрофически сокращается.

Похоже, что в такого рода программах чем дальше в лес, тем больше дров.

Вы добыли подходящего самца, выяснили, когда пускать его к самке (если особи этого вида ведут одиночный образ жизни), как зазечь его, вводя в комбинацию других самок или соперников (если — проблема посложнее — вы ими располагаете). Но вот самка забеременела. Новая загвоздка: оставлять ли с ней самца? Это может обернуться бедой, если отец совершит детоубийство или его присутствие побудит мать умертвить детеныша. А может быть, наоборот, отец нужен для блага отпрыска.

Два случая с нашими приматами дают некоторое представление о том, какие трудности подстерегают животных в семейной жизни. Среди южноамериканских мармозеток и тамаринов давным-давно без крика и шума весьма успешно утвердился женская эмансипация. Произведя на свет детенышей (почти всегда двойню), самка тотчас передает их отцу, чтобы он вылизал свое потомство и надзирал за ним. С этой минуты самец играет важную роль в воспитании, поочередно с самкой носит прибавляющих в весе отпрысков на бедрах, уподобляясь вьючному ослу, или на спине, где они напоминают этикетки косматые котомки.

Замыслив уточнить роль отца в выращивании потомства, мы проследили за передвижениями двойни красноруких тамаринов. Удивительно интересно было наблюдать, как распределяется физический труд по переноске детенышей. Это очень важный момент: ведь малыши растут и становятся тяжелее, но, хотя начинают уже передвигаться самостоятельно, по-прежнему, когда их что-то тревожит или хочется внимания, льнут к родителям. В данном случае отец внезапно умер, когда детенышам было всего три дня, и пришлось матери растить их в одиночку. Она успешно справлялась с этой задачей; правда, под конец, когда детеныши достигли половины маминого роста и все еще иногда требовали, чтобы она их поносила, ей это давалось явно нелегко. Но мамаша честно выполняла свой долг и вырастила двух крепких взрослых тамаринов.

Особенно примечательно здесь то, что, несмотря на трудности, выпавшие на долю самки, впервые были выращены в неволе детеныши краснорукого тамарина. Заодно мы выяснили, что у тамаринов и мармозеток самец играет чрезвычайно важную роль, хотя самка, оказавшись она хорошей, терпеливой матерью, может воспитать потомство одна. Вывод: в этой комбинации самца надо оставлять вместе с самкой, не отделять его, когда она родила.

Однажды нас посетил видный представитель руководства очень известного зоопарка, который, любуясь детенышами наших мармозеток, признался, что его сотрудникам не везет с этими животными. Рожать-то они рожают, да только детеныши не выживают. Но в следующий раз, продолжал он, обнаруживая плохое знание мармозеток, они надеются на успех, так как решили отделить самца.

Вопрос «Отделять самца или нет?» вызывает среди работников зоопарков такие же ярые споры, какие в свое время у церковников вызывал вопрос, был ли у Адама и Евы пупок или нет, — и такие же безрезультатные. Разумеется, тут надо учитывать особенности не только вида, но и особей. Но как бы хорошо вы, на ваш взгляд, ни знали самца, как бы ни были уверены, что биологически оправдано оставлять его с детенышами, все равно это может пагубно отразиться на них. Естественно, чем более редок вид, тем больше и риск, тем труднее принять решение.

Орангутаны, пожалуй, самые редкие среди человекообразных, для них осо-

бенно велика угроза полного истребления в дикой природе. Подсчитано, что без строжайшей охраны популяций на Калимантане и Суматре эти обаятельные рыжие приматы совсем исчезнут в ближайшие двадцать лет. Если прогноз верен (увы, похоже, что это так), зоопарки просто обязаны создать плодотворные колонии орангутанов, чтобы не было нужды сокращать отловом численность диких популяций и чтобы обеспечить возможность сохранения вида хотя бы в неволе. Нам посчастливилось приобрести особи обоих подвидов и получить от них приплод.

Когда забеременела калимантанская самка Бали, мы отделили ее супруга Оскара, единодушно считая, что, как ни хорош собой этот молодец, очень уж у него буйный нрав, наперед не угадаешь, как он воспримет детеныша. Пришлось ему жить холостяком, пока супруга ходила на сносях. Бали родила чудесную здоровую самочку, которую мы назвали Сурабая.

Бали была такая кроткая, тихая и недалекая, что мы склонны были считать ее придурковатой. Наше недоверие к ее умственным способностям оправдалось: как ни гордилась мамаша своей дочкой, как ни обожала ее, она не знала толком, что с ней делать. Общепринято мнение, что детеныши человекообразных обезьян постигают основы половой жизни, наблюдая взрослых. Молодой самец учится спариванию на примере отца; молодая самочка учится у матери уходу за детенышем. Мы, люди, применяем для этого целлулоидных кукол; обезьяны обучаются на живых младенцах. Но если человекообразная обезьяна попала в неволю в очень юном возрасте, ей не представился случай пройти такую школу, и это может серьезно затруднить размножение.

Бали поступила к нам в двухлетнем возрасте; казалось бы, могла уже посмотреть на воле какие-то приемы ухода за младенцем. Может быть, и посмотрела, да успела все забыть — как я уже говорил, это доброе создание не было наделено большим умом. Так или иначе, Бали восхищалась дочерью, следила за ее чистотой и крепко обнимала, полагая, что этим материнская забота исчерпывается. Бедное дитя, болтаясь то на бедре, то на спине, то на голове родительницы, лихорадочно и тщетно искало сосок, чтобы утолить жажду, а мамаша знай себе сидела с благодушной улыбкой на физиономии.

Пришлось нам войти в клетку и показывать Бали, как положено держать дочурку, чтобы она могла сосать. Обучение длилось несколько дней, но в конце концов мамаша уразумела, что к чему, и столь новаторский способ ухода за младенцем ей явно понравился. К сожалению, пока Бали растила Сурабаю, Оскар умер; об этом прискорбном случае я еще скажу позже. Когда пришло время отделять Сурабаю от матери, мы пустили к Бали молодого самца по имени Жиль. Хотя он был намного моложе ее, они отлично поладили, и мы надеялись, что у них вскоре будет потомство.

Но беда в том, что Жиль — жутко коварный тип, он обожает ставить нам палки в колеса. Всякий раз, когда мы хотели взять у Бали мочу для лабораторного исследования, чтобы определить беременность, Жиль изо всех сил мешал нам. Конечно, мы не сдавались, однако нашу бдительность усыплял тот факт, что Бали не выглядела беременной. У орангутанов вообще довольно большое пузо, так что поди разбери, но если при первой беременности у Бали было огромное брюхо, то теперь она лишь слегка раздалась в поясе. Какая уж тут беременность! И вот, пока мы воевали с Жилем, пытаясь взять мочу у Бали, она вдруг возьми да роди. Случилось это рано утром, и к тому времени, ко-

гда сотрудники пришли на дневное дежурство, Жиль уже успел стащить детеныша у Бали и умертвить его. Оставалось утешаться тем, что теперь мы точно знали: Жилия необходимо отделить, когда Бали в следующий раз соберется рожать. Урок дался нам дорогой ценой и на целый год затормозил программу разведения орангутанов.

С нашими суматранскими орангутанами Гамбаром и Джиной вышло иначе. У Джини был довольно желчный и неуравновешенный нрав, зато Гамбар — один из самых умных представителей человекообразных обезьян, каких я когда-либо знал. С первого раза, увидев его живые и пытливые глаза, вы ощущали, что за этим взглядом кроется незаурядный интеллект. Нам его одолжило Лондонское зоологическое общество после того, как он доказал свои способности производителя, причем роды происходили при нем и он не проявил склонностей к убийству. Тем не менее, учитывая бьющую через край энергию этого силача (он уделял лазанию больше времени, чем все наши остальные орангутаны, вместе взятые), мы опасались, что он способен, носясь по клетке, нечаянно покалечить или зашибить насмерть хрупкого младенца. Спальни Гамбара и Джини мы разделили, как и спальни горилл, переносной решеткой. Лучше уж Гамбару быть по одну сторону перегородки, а Джине с малышом — по другую. Отец сможет видеть и даже с разрешения супруги трогать своего отпрыска без риска, что, увлекшись своими цирковыми трюками, нечаянно усядется на него.

В то воскресное утро, когда, по нашим наблюдениям, Джине подошла пора рожать, Филип Кофи, заведующий секцией человекообразных, увидел, что она пытается смастерить из опилок гнездо и беспокойно ходит по клетке. Джине дали охапку соломы; она тотчас устроила гнездо и легла на спину, широко раздвинув ноги. Вскоре на свет явился без всяких осложнений крепенький детеныш мужского пола. Гамбар получил возможность следить за ними через решетку и проявил заметный интерес к супруге и младенцу.

Через три с половиной месяца, когда детеныш, получивший имя Тунку, подрос и набрался сил, Джина смело играла с ним. Поднимет вверх на руках и ногах, и он барахтается в таком положении. Часто она отпускала его, разрешая полазить по перегородке. Тут к игре подключался Гамбар. Нас поражало, до чего ласков этот могучий непоседа. Сядет на корточки, просунет через решетку обе руки и качает Тунку вверх-вниз на ладонях. Упражнение это явно доставляло огромное удовольствие и отцу и сыну. Как только детеныш стал достаточно сильным и подвижным, Гамбара вновь пустили к Джине. Он вел себя безупречно. Тунку нравилось лазить по отцу, и тот терпеливо позволял сыну изучать отцовскую анатомию: отпрыск тыкал ему пальцами в глаза, дергал за волосы, даже вытаскивал у него изо рта еду, а он все безропотно сносил.

Большинство человекообразных могут ходить выпрямившись, как человек, правда, недолго, и колени у них при этом согнуты. А вот Гамбар ходил на прямых ногах, опираясь на всю ступню: шагает тяжело, развалисто — ни дать ни взять отставной бригадный генерал прогуливается по набережной морского курорта. И ведь он мог ходить так подолгу, круг за кругом описывал в клетке с воинственным выражением лица, словно инспектировал почетный караул. Этот ритуал всегда забавно наблюдать, когда же Гамбар шествовал по кругу, бережно неся на могучих руках наследника, зрелище было донельзя потешное.

До чего сложно добиться успеха в бракосочетании животных, видно на примере наших горилл. Кажется, нет тех трудностей, которых мы не испытали, пытаясь создать плодовитую группу этих животных. Как говорилось выше, мы приобрели самку Н'Понго в возрасте около двух с половиной лет. Затем у нас появилась другая самка, чуть помоложе, по имени Ненди. Н'Понго с самого начала произвела на нас впечатление обаятельного, чрезвычайно веселого и общительного, но и достаточно самоуверенного существа. Она встретила Ненди с явной симпатией, однако недвусмысленно дала новенькой понять, что это *ее*, Н'Понго, зоопарк, что сотрудники зоопарка — *ее* друзья и Ненди не следует об этом забывать. Добродушный нрав Н'Понго не позволял ей превратиться в злую задиру, как это бывает со многими животными в сходных обстоятельствах; она относилась к Ненди с искренним расположением, но поблажек не допускала. Пять лет жизнь их проходила под знаком обоюдной привязанности и уважения, причем Н'Понго во многих случаях играла роль лидера-самца. В женском учебном заведении их взаимоотношения могли бы даже посчитать предосудительными.

Тем временем мы лезли вон из кожи, стараясь раздобыть самца. Дело шло к тому, что Н'Понго и Ненди до конца своих дней останутся старыми девами; естественно, мы никак не желали с этим мириться. И вот тут Эрнст Ланг предложил нам Джамбо. Великая удача, притом во многих отношениях! Ланг первым в Европе добился от горилл приплода и вырастил знаменитого Гуму; после этого выдающегося достижения (раньше горилл относили к «трудным зверям», которых будто бы невозможно разводить в неволе) его колония продолжала расти. Джамбо принадлежал к тому же семейству. Мало того что он родился и вырос в зоопарке, он и сам стал отцом юного самца (матерью была сестра Джамбо). Словом, это был не зеленый юнец, чьи извращенные понятия о сексе почерпнуты тайком из соответствующих журнальчиков, а вполне квалифицированный производитель, что очень важно, поскольку в мире человекообразных наглядный пример играет большую роль в обучении (это касается и копуляции).

Обезьяна, выросшая вне стаи, плохо представляет себе акт и подчас терпит полную неудачу только потому, что никогда не видела, как это делается. Джамбо не только наблюдал пример своего богатыря-отца Ахиллы, но и успел доказать, что был внимательным учеником. Наконец, он и по возрасту подходил в мужья Н'Понго и Ненди. Ланг всячески превозносил его достоинства, и, совсем как при заключении монарших браков в прошлом, состоялся обмен фотографическими портретами. В письмах Ланга утверждалось, что Джамбо наделен могучей силой и чрезвычайно хорош собой, даже мил, несмотря на черную окраску, и в лице его проглядывает юмор. Мы пришли к выводу, что лучшего и пожелать нельзя. Оставалось проверить, разделяют ли самки наше мнение.

Знакомишь животных, а у самого сердце замирает. Вдруг они набросятся друг на друга? И помогут ли в таком случае ведра с водой, шланги и вилы? А может, они проявят полное обоюдное безразличие? Или так будет только вначале, а потом, усыпив нашу бдительность, они схватятся между собой? А если все-таки безразличие, можно ли надеяться, что со временем они поладят, или все наши труды и траты впустую? Тому, кто тешит себя иллюзией, будто все особи одного вида должны вести себя одинаково в сходных обстоятельствах,

было бы полезно посмотреть, как проходило знакомство Джамбо с Н'Понго и Ненди. Сцена была классической в полном смысле слова.

Самки находились в крайнем из трех спальных отсеков, оттуда через перегородки они могли видеть третий отсек, в который мы намеревались пустить Джамбо. Таким образом, самок и самца разделяли две решетки и пустой отсек — буферная территория на время, пока мы составим себе примерное представление, как троица горилл воспримет нашу затею. По царившей суматохе Н'Понго и Ненди чувствовали, что происходит нечто необычное, но что именно, не знали, поскольку Джамбо все еще находился в транспортной клетке.

Но вот поднята задвижка, отворена дверь спальни, и Джамбо — могучий, чернущий, источающий чесночный запах пота, — сутуля плечи, словно борец-тяжеловес, ввалился в клетку. Зорким взглядом мгновенно охватил все окружающее, заметил самок, но не подал виду. Присев на корточки, царственно повел глазами вправо, влево, потом не торопясь двинулся в обход спальни, внимательно изучая каждый уголок и по-прежнему пренебрегая самками. Эффект от его появления был бесподобный. Заслышав лязг задвижки, обе подошли к перегородке; когда же черный красавец возник в их поле зрения, каждая реагировала по-своему и совершенно неожиданно для нас.

Нам представлялось: если уж кто проявит немедленный интерес, так это будет общительная, дружелюбная Н'Понго. У Ненди нрав был более недоверчивый и замкнутый. На деле вышло так, что Н'Понго смерила Джамбо взглядом, отвернулась и побрела прочь, причем ее широкая спина выражала абсолютное пренебрежение. Дескать, плевать мне на противоположный пол вообще и на Джамбо в частности. Совсем иначе повела себя нелюдимая Ненди; это была картина забавная и трогательная. В момент появления Джамбо она сидела на корточках поблизости от перегородки. При виде косматого богатыря Ненди реагировала так, как реагировала бы пятнадцатилетняя девчонка, войди вдруг к ней в спальню ее эстрадный кумир, одетый только в гитару. Лицо ее выражало изумление и благоговение. Она была совершенно не подготовлена жизнью к такому чуду. Никто не говорил ей, что на свете существует такое диво, как красавец самец. Это была любовь с первого взгляда, любовь навсегда.

Простите меня за ненаучное и антропоморфное изображение, но в сухом и педантичном жаргоне биологов нет слов, чтобы описать происходившее. Не отрывая глаз от чудного видения, Ненди прошаркала к решетке, вцепилась в нее с каким-то отчаянием и замерла. Широко раскрытые глаза ее пожирали явно безучастного Джамбо; она, словно в трансе, впивала взглядом каждое его движение. Продолжая исследовать клетку, он на минуту скрылся за выступом. Несчастливая Ненди засуетилась, заметалась взад-вперед, силясь высмотреть, куда он делся. Решив наконец, что он вышел из спальни в наружный отсек, тотчас подбежала к выходу из своей спальни и нагнулась, пытаясь заглянуть под дверь. Слава богу, тревога длилась недолго, Джамбо показался вновь; небрежно посасывая дольку апельсина, он не обращал никакого внимания на выражения необузданной страсти со стороны Ненди. С облегчением заняла она прежнюю позицию у перегородки и опять устремила на него взор, полный обожания и благоговения. Что до Н'Понго, то она, поев орехов и поглядев на нас через окно, преспокойно улеглась на своей полке, словно появление самца в непосредственной близости ее ничуть не тронуло.

Когда мы наконец соединили всех троих, реакция самок в основном осталась прежней. Н'Понго, много лет чувствовавшая себя королевой всего обозримого пространства, относилась к новичку с явной ревностью и подозрительностью, к которой добавилась известная осторожность. Она решила и впредь вести себя так, будто 120-килограммового Джамбо просто не существует. Зато Ненди, получив возможность тесно общаться с предметом своей страсти, окончательно потеряла голову. Присядет на корточки в полуметре от Джамбо и таращится на него с восторгом и обожанием. Когда же он, простершись на солнышке, позволял ей расчесывать ему волосы, ликование Ненди не было границ. Она прижималась к его могучей туше, и опьяненное гордостью лицо ее до смешного смахивало на человеческое. Н'Понго не больно-то одобряла этот союз. Правда, она сохраняла свою власть над Ненди, однако ее взаимоотношения с Джамбо складывались не очень удачно.

Джамбо, при всей его опытности, был еще очень молод и полон, так сказать, юношеского задора в сочетании с грубым юмором. Сознание того, что Н'Понго его недолюбливает, пробуждало в нем этакое чертика. Он был мастер на всевозможные проказы, знакомые нам по школьной поре и способные, как известно, хоть кого вывести из себя. То вдруг бросится на нее из-за угла, когда она этого меньше всего ожидает, то, лениво шагая следом за ней, внезапно подскочит и дернет за волосы. Н'Понго в ответ бросается на него, а он спасается бегством. И продолжает дразнить ее, доводя до белого каления. Разъяренная Н'Понго гонится за ним с яростными криками, и Ненди без особого энтузиазма присоединяется к подруге, хотя всякому ясно, что реакция Н'Понго ее несколько озадачивает, сама Ненди была бы счастлива и горда, выпавши ей такие знаки внимания со стороны Джамбо.

Само собой, Джамбо, как и все любители розыгрышей, не знал меры. Он никогда не причинял Н'Понго настоящей боли, разве что слегка куснет или цапнет (а это не в счет в играх горилл), но дразнил немилосердно, стоило ему заметить, что она завелась и вот-вот сорвется. Н'Понго ходила с мрачным видом, присущим жене профессионального юмориста, но еще хуже то, что хандра отразилась на ее здоровье. Волей-неволей пришлось обособить Джамбо и выпускать их в наружный отсек поочередно, поделив время Ненди между ними с таким расчетом, чтобы и Джамбо не заскучал, и Н'Понго не слишком ревновала.

А затем у Н'Понго началась течка, и ее вдруг осенило, для чего существует горилла мужского пола, пусть даже любитель грубых розыгрышей. Отбросив всякий стыд, она заигрывала с ним через разделяющую спальни решетку, и, как только они оказывались вместе, почти сразу происходила копуляция. Все время, пока длилась течка, Н'Понго признавала Джамбо. Она не делала из него кумира, как Ненди, однако с великой охотой предавалась плотским наслаждениям. А едва кончилась течка, как возобновились прежние взаимоотношения, пришлось опять развести их по разным секциям. Со временем Н'Понго стала терпимее относиться к Джамбо, но все же по-настоящему признавала его лишь во время течки. Насколько легче было бы нам, будь их союз гармоничным, однако спасибо и на том, что брак вообще состоялся, это было всего важнее. Ненди тоже во время течки удостоилась внимания Джамбо; оставалось только ждать и надеяться, что обе самки окажутся плодовитыми, благополучно родят и, главное, окажутся хорошими мамашами.

Раз за разом отправляли мы в лабораторию мочу на анализ, и наконец пришел желанный ответ: обе беременны. Первой родила Ненди. Это были вообще первые роды у наших горилл, событие поистине незабываемое и тем более важное, что приплод от горилл в неволе стали получать только в шестидесятых годах и лишь сорок семь новорожденных выращены благополучно. Мы надеялись, что у Ненди не будет осложнений с первенцем. Установленная в спальне телевизионная аппаратура позволяла вести круглосуточные наблюдения; благодаря этому однажды вечером, в восемь часов, мы обнаружили, что у Ненди начинаются схватки. Тотчас вступила в действие операция «Горилла».

Пока у Ненди и Н'Понго из месяца в месяц округлялись животы, мы тщательно готовились, стараясь ничего не упустить. У нас не было гарантии, что обе окажутся хорошими мамами, и никто не мог поручиться, что роды пройдут легко, без осложнений, а потому надо было продумать и подготовить все: от вероятности кесарева сечения до необходимости забрать детенышей и самим их выкармливать.

Скорее всего, представлялось нам, придется взять на себя заботу об отпрыске Ненди. Для этого одну комнату в главном здании заблаговременно оборудовали под детскую. Здесь был встроенный вытяжной шкаф, умывальник, еще шкафы; стояли два бокса с искусственным микроклиматом и подачей кислорода для новорожденных, а для подрастающих детенышей — большие бельевые корзины, играющие роль кроваток, и детский манеж. Комната обогревалась батареей с термостатическим прибором, поддерживающим температуру в рамках 21-24 градуса. Кроме того, мы установили стиральную машину для пеленок и бельевую сушилку. Разумеется, мы припасли также разные предметы ухода, от вазелинового масла, детских кремов и пеленок до бутылочек, термометров и пластиковых штанишек. Хотя на все это ушли немалые деньги, мы надеялись, что детская комната не понадобится.

Словом, к тому вечеру, когда у Ненди начались схватки, нами было сделано все от нас зависящее. Теперь дело было за ней, мы могли только следить и быть наготове, чтобы оказать помощь, если понадобится.

Нам пришлось основательно понервничать. С восьми вечера, когда мы отметили первые схватки, до того момента, когда Ненди взяла в руки младенца, прошло девять часов и двадцать четыре минуты — срок необычно долгий, если судить по данным о родах в других зоопарках. Детеныш родился лицом вниз, а не вверх; оттого-то роды так и затянулись. Одно время (когда Ненди уже побила все известные нам рекорды длительности родов) мы начали все-таки подумывать о кесаревом сечении, но все же воздержались, поскольку роженица, хоть ей и было тяжело, находилась в хорошем физическом состоянии. Кесарево сечение — операция, к которой прибегают в самом крайнем случае, и мы решили подождать еще. К счастью, малыш появился на свет раньше крайнего, назначенного нами срока.

Каждое движение Ненди от начала схваток до завершения родов регистрировалось, итого было сделано 260 наблюдений: мало кто собирал столь полные научные данные о родах горилл. Ненди очень аккуратно вычистила младенца, съела послед и все пленки. Она нежно обнимала дитя, и мы рассчитывали, что все будет в порядке. Но тут возникла уже знакомая нам загвоздка. Ненди не приходило в голову, что детеныша надо кормить. Через четыре часа

после родов малыш (он был мужского пола) сделал попытку сосать, однако Ненди отодвинула его от соска.

По нашим данным, самый большой срок, на какой детеныша гориллы оставляли с матерью, прежде чем забрать его для искусственного кормления, составлял тридцать два часа. Но наш малыш выглядел крепышом и так жадно искал соски, что мы выждали сорок часов. Увы, Ненди упорно не давала ему сосать. Пришлось обездвижить ее иглой из специального пистолета и отнять детеныша. Его отнесли в детскую (щедро украшенную изображениями диснеевских персонажей, чтобы младенцу было на чем фокусировать взгляд) и поместили в бокс с микроклиматом. Первые порции еды, которую он жадно проглотил, состояли из разведенной водой глюкозы; потом ему предложили декстрозу, и он стал быстро прибавлять в весе. Окрестили его Ассумбо по названию одной из областей Камеруна — самой западной части Африки, где водятся низменные гориллы. Детеныш был просто чудесный.

Через три месяца подошла очередь Н'Понго. К сожалению, нам не удалось подметить никаких признаков, говорящих о приближении счастливого события, а так как насчет даты родов строились разные предположения, мы были застигнуты врасплох, узнали о случившемся только после того, как наш заведующий отделом млекопитающих Квентин Блокам, заступив в восемь утра на дежурство, обнаружил, что Н'Понго сидит на полке, не обращая никакого внимания на своего отпрыска, который лежал на полу и скулил, махая ручонками. Послед был съеден, малыш вычищен, но Н'Понго решила, что на этом ее обязанности по продолжению рода горилл исчерпаны, и предоставила его самому себе. Когда Квентин открыл дверь, соединяющую спальню с наружным отсеком, Н'Понго, не глядя, прошагала мимо плачущего детеныша. Она явно полагала, что остальное — наша забота. Квентин вынес младенца и поместил в соседний с Ассумбо бокс. Этот детеныш тоже был мужского пола, и мы нарекли его Мамфе — так называется селение в Камеруне, где находился мой базовый лагерь, когда я приезжал за животными в Западную Африку.

Малыши росли не по дням, а по часам; в положенный срок они переходили из боксов в корзины и манеж, а затем (когда становились очень уж непосредственными) в клетку в доме млекопитающих. Здесь благодаря солнцу и свежему воздуху они росли еще быстрее, лупили свои игрушки и колотили себя в грудь, словцо взрослые гориллы, демонстрируя нам силу и свирепость. Да только какая там свирепость у очаровательных мохнатых карапузов с веселой искоркой в глазах!

Не успели они освоиться в новой обители, как в детской опять появились жильцы: Ненди и Н'Понго с разрывом в несколько недель родили по второму разу. К сожалению, нам снова пришлось забрать у них малышей. Ненди родила дочку, чему мы несказанно обрадовались, ибо у горилл в неволе рождаются преимущественно самцы. Самочку назвали Заирой, а второго отпрыска Н'Понго нарекли Тату — он вылитый отец и, пожалуй, самый красивый из малышей, родившихся пока в нашем зоопарке. Когда пишутся эти строки, Ненди беременна в третий раз, и я не сомневаюсь, что Н'Понго от нее не отстанет. Если они и теперь благополучно разрешатся от бремени, это будет означать прирост нашей коллекции за три года на шесть горилл. Не так уж плохо, учитывая, что впервые приплод от горилл получен в 1956 году и в последующие семнадцать лет зарегистрировано всего сорок семь удачных родов. Будем наде-

яться, что нам удастся сохранить хотя бы тройку из этих или последующих отпрысков и создать плодовитую группу к тому времени, когда Джамбо, Н'Понго и Ненди выйдут из брачного возраста. Вся суть в том, чтобы наша группа стала самовоспроизводящейся, тогда не надо будет повторно ловить горилл в дикой природе, более того, мы сможем из нашего фонда снабжать другие зоопарки.

Глава 5 Фантазии, факты и формуляры

У этого зверя находится в глазу камень, также именуемый Иена, и есть поверье, будто человек может предсказывать будущее, положив камень этот себе под язык. Известно, что, если зверь Иена трижды обойдет вокруг какого-нибудь животного, это животное теряет способность двигаться. Вот почему утверждают, что он наделен некоей волшебной силой. В некоторых частях Эфиопии зверь сей сочетается с львицами, и от этого рождается чудовище под названием Кро-тоте. А оно способно издавать человеческие голоса. Рассказывают, будто оно не может оглянуться назад из-за слишком жесткого позвоночника, а должно повернуться кругом, если хочет что-нибудь увидеть. И во рту у него совсем нет десен, а только сплошная твердая зубная кость, которая захлопывается наподобие корбочки, предохраняясь от стирания.
Т.Г.Уайт. Книга о зверях

Во многих исследованиях дикие животные поставляют материал для зоологической науки, вот почему так важно их дальнейшее существование. Нам еще предстоит много узнать о нашей собственной эволюции, нашем поведении, болезнях и, главное, наших взаимоотношениях с природной средой. Человек обладает возможностью до известной степени управлять природой, но он в то же время частица природы, и, чтобы вполне познать себя самого, ему необходимо учитывать весь контекст, включающий природу и диких животных.
Каролайн Джарвис. Роль зоопарков для науки и охраны природы

Пифагор говорит: «Змеи сотворены из спинного мозга трупов»... Если так, это вполне логично: коль скоро первым виновником смертности Человека была Змея, то и явление на свет змеи должно быть следствием смерти человека.
Т.Г.Уайт. Книга о зверях

Совершенно очевидно, что род человеческий все еще пребывает в прискорбном неведении по поводу того, как работает мир. Во многих частях планеты мы занимаемся уничтожением в столь безжалостном темпе, что не успеваем даже поименовать или дать научное описание того, что уничтожаем, не говоря уже о том, чтобы оценить биологическое значение уничтожаемого. Не стоит забывать: истребляя тот или иной вид, мы одновременно ставим под угрозу или губим бездну зависимых от него существ. Вы срубили дерево — при этом погибло не только оно, вы погубили нечто вроде огромного густонаселенного города, ведь дерево давало жизнь множеству различных организмов. У всего, что мы делаем, могут быть далеко идущие последствия, пусть незаметные на первый взгляд, но могущие пагубно отразиться на судьбах человечества. Люди утешаются старой поговоркой: гони природу вилами в дверь, она влезет в окно. Обращаю ваше внимание на слово «вилами». Когда вилы были самым совершенным оружием человека против природы, эта поговорка, конечно, годилась; теперь же вы гоните природу пестицидами, бульдозерами, электропилами, загрязнением и наводнениями, в которых сами повинны, гоните безжалостно, основательно и прытко, чтобы не могла вернуться.

Честное слово, я устаю отвечать людям, которые допытываются, какая

польза от спасаемых мной животных. Какая польза от какого-то ничем не примечательного зверя тропического пояса жителю Сиднея, Чикаго, Волгограда, Пекина?

Ответ будет состоять из двух пунктов. Во-первых, у нас нет ни малейшего морального основания истреблять вид, на эволюцию которого ушли миллионы лет и у которого столько же прав жить на этой планете, сколько и у нас. Да у него теперь даже больше прав на существование, ведь он не пытался выйти за пределы отведенного ему места в природе и, значит, в большинстве случаев приносит пользу среде обитания. Чего нельзя сказать о так называемом цивилизованном человечестве, как бы положительно мы ни смотрели на свой собственный вид. Во-вторых, если, становясь в надменную позу, приравнять себя к Богу и допускать существование только того, что полезно человеку (во многом тут повинна известная глава Книги Бытия), то ответить на вопрос «Какая от них польза?» проще простого: мы пока даже отдаленно не представляем себе, что именно служит благу человечества, а что нет.

Можно привести тысячи примеров, убедительно свидетельствующих, что прежде всего мы должны уяснить себе, как работает мир, а потом уже воздействовать на него в своих целях, при этом избегая что-либо разрушать, и тысячи примеров показывают, что самые невзрачные и, казалось бы, ничтожные существа могут быть чрезвычайно полезными для нас. Приведу только три.

В Англии графство Суссекс славилось своим белым клевером, и, надо сказать, от него зависело существование множества людей. Внезапно урожаи клевера невесть почему стали падать, и никакие старания фермеров не помогали. В отчаянии они как последнее средство сделали то, с чего следовало начинать: призвали на помощь биолога. Случаю было угодно, чтобы этим биологом оказался некий Чарлз Дарвин. Изучив проблему, Дарвин сообщил встревоженным фермерам, что им надлежит развести побольше кошек, после чего дюжие сыны природы решили, что старина слегка помешался.

А дело было в том, что только один вид шмелей обладал достаточно длинным хоботком, чтобы опылять довольно сложные цветки клевера. Этот шмель устраивал свои гнезда в земле вдоль живых изгородей. Здесь же обитал один вид полевок: эти сластены выкапывали гнезда шмелей и поедали мед и молодь. Выяснилось, что у полевок произошел популяционный взрыв, а число естественных врагов не прибавилось в достаточном количестве, чтобы умерить их численность. Грызуны так нещадно истребляли шмелиные гнезда, что это отразилось на урожаях клевера.

В Бразилии было решено, что нелепо мириться с такими порядками, когда столь важное и полезное дерево, как бразильский орех, бессистемно растет в лесах по прихоти природы. Куда разумнее выращивать его стройными рядами на плантациях, подобно другим сельскохозяйственным культурам. Сказано — сделано. Деревья отменно принялись и цвели, вот только орехов почему-то не было. Запоздалое исследование выявило ситуацию вроде той, какую мы наблюдали в случае с клевером и шмелями. Очевидно, цветок бразильского ореха устроен так, что может опыляться лишь одним видом пчел, достаточно сильных, чтобы приподнять своего рода дверцу и проникнуть внутрь. Но в перерывах между цветением орехового дерева пчела не находила на плантациях нектара; не удивительно, что она игнорировала искусственные посадки, предпочитая леса, где круглый год была вполне обеспечена питанием.

И наконец, возьмем случай скромного броненосца, весьма невзрачного зверя, от которого людям вроде бы никакого проку, разве что мясо в пищу годится да шкуры (в Парагвае) идут на гитары. Так вот — похоже, что это смиренное четвероногое способно принести огромную пользу человечеству. Эксперименты доказали, что броненосец может содействовать искоренению проказы. Это единственный представитель фауны, в тканях которого благодаря чрезвычайно низкой температуре тела бактерия лепры размножается в достаточном количестве для разработки противопроказной вакцины. К тому же специалисты по раку считают, что изучение больных проказой позволит установить, почему организм раковых больных не отторгает опухоли.

Думается, приведенные примеры ярко говорят, насколько важно не мешкая уяснить себе, как функционирует наш мир.

Спросите рядового человека, для чего, на его взгляд, существуют зоопарки. Большинство ответят — «для развлечения», и мало кто скажет — «для изучения животных». Зоопарки приобрели славу развлекательных учреждений вроде игорных домов или ипподромов, и только по своей собственной вине: слишком большой упор делался на балаган и слишком мало времени уделялось изучению животных и систематизации наблюдений. Право же, обращайтесь музеи так же безответственно и расточительно с доверенным им материалом, как это делали зоопарки, они закрылись бы давным-давно.

Содержание любой коллекции диких животных в неволе должно преследовать три цели: во-первых, проводить возможно более полные биологические исследования каждого вида, особенно тех сторон, которые чересчур трудно или дорого изучать в дикой природе и которые могут способствовать сохранению вида в его естественной среде обитания; во-вторых, поддерживать вымирающие виды, создавая в идеальных условиях надежно охраняемые плодотворные колонии с прицелом на реинтродукцию, чтобы обеспечить выживание вида; в-третьих, показывать и объяснять смысл этой работы широкой публике, чтобы убедить людей, как важны неотложные меры по всесторонней охране природы.

Названное первым тщательное и широкое изучение коллекции животных позволит собрать ценнейшие данные для охраны фауны, включая и программы размножения, и охрану в дикой природе; оно даст также множество сведений, нужных для биологической науки и для просветительских целей. Вот почему всестороннее научное изучение своих подопечных должно быть первоочередной задачей каждого зоопарка и любой другой коллекции диких животных. При этом важно, чтобы данные охватывали самый широкий спектр и были возможно более подробными; далее их необходимо обрабатывать, оценивать и результаты публиковать, чтобы и другие организации могли извлечь пользу из ваших наблюдений и выводов. Только так можно оправдать содержание коллекции диких животных; если же зоопарк не придерживается названных выше принципов, он остается всего лишь жалким, бесполезным архаичным заведением типа зверинцев прошлого века или ярмарочных балаганов.

Казалось бы, речь идет о не нуждающихся в разъяснении элементарных истинах, но ведь никуда не денешься от того, что в прошлом слишком многие зоопарки пренебрегали (да и сейчас пренебрегают) тем, что должно составлять смысл их существования. Слишком часто учет наблюдений либо вовсе не

ведется, либо примечателен лишь скудостью и примитивностью информации. А ведь яснее ясного: от ярмарки, цирка или другого зоологического аттракциона никто не ожидает научных результатов, но какой-то минимум науки обязан присутствовать в работе всякого уважающего себя зоопарка, в любой коллекции диких животных, которая не равняет себя с балаганом.

Надо ли подчеркивать, что в разумно организованном зоопарке биологические исследования дадут больше, чем в самом лучшем музее, хотя бы потому, что живые звери обеспечивают куда более широкое поле деятельности, чем мертвые останки тех же животных. Тем не менее налицо прискорбный факт, что только горстка зоопарков по-настоящему включилась в научное исследование.

В 1963 году, когда возник трест, я твердо решил, что мы с самого начала будем создавать научную картотеку, и рассчитывал, что ее объем и значение будут расти по мере расширения деятельности треста. Не один год я переписывался с зоопарками во всех концах света, собирая сведения о картотеках, подчас лично знакомился с ними. Как правило, эти картотеки (в тех редких случаях, когда они вообще существовали) никуда не годились. Так что нам пришлось начинать, можно сказать, на голом месте, и, пожалуй, это даже к лучшему.

Когда замышляешь такого рода картотеку, сразу же сталкиваешься с трудностями. То, что на первый взгляд представляется совсем простым и бесхитростным, внезапно оборачивается гордиевым узлом, который завязал пьяный осьминог. Все же мы в конце концов, пройдя путь, отмеченный и колкостями, и колебаниями, разработали принципиальную схему. Над ней основательно потрудились и поломали голову как руководящие, так и рядовые сотрудники зоопарка, коим, собственно, как раз и предстояло создавать и пополнять картотеку. Стремясь избежать волчьих ям излишнего упрощения, мы в то же время старались обойти пучины чрезмерного усложнения. Чересчур сложная и громоздкая картотека бесполезна, какие бы жемчужины информации ни хранились в ее лабиринтах. Картотека должна быть общедоступным орудием труда.

Мы пытались также предусмотреть рост наших потребностей. Одна всеобъемлющая картотека казалась нам предпочтительнее, чем десяток специализированных, хотя мы смиренно сознавали, что от первого почина со временем все равно отпочкуется десяток амев. В какой-то степени так и вышло. Например, мы решили предусмотреть на карточках поведения графу для ссылок на фотографический материал и звуковую запись, сознавая, что в конце концов из них сложится отдельная документация. Трест только-только родился, и с деньгами было так плохо, что упомянутые ссылки выглядели ненужной затеей, больше того, выражением мании величия. Однако недавно нам все же удалось основать фототеку, и мы также надеемся, что звукозаписи (для разработки практически нетронутой области голосов зверей), как только на них будут средства, из пустой графы превратятся в реальность. Предусмотрев такую возможность тогда, когда она еще рисовалась нам только в воображении, мы все же включили нужные графы и тем самым избавились от необходимости перепечатывать всю карточку, чтобы внести дополнение.

С самого начала мы завели на каждую особь по три основные карточки: одна из них играла роль анкеты, другая — медицинской карты, третья содержа-

ла данные о поведении. Размер карточек 8,75 на 11,5 дюйма; они разного цвета, чтобы легче было найти нужную: анкета — белая, медицинская карта — розовая, поведение — голубая. Для упрощения работы шапка на всех трех карточках одинаковая, в ней основные сведения: возраст, дата поступления, физическое состояние, необходимый для ссылок индекс и так далее.

В анкете записаны собранные нами характеристики поступившей особи и все, что известно о ее повадках в дикой природе; эта карточка служит руководством для ухаживающего за животным сотрудника (если он или она не знакомы с данным видом), а также для новых сотрудников или практикантов.

В медицинской карте подробно отражены все случаи ветеринарной помощи, оказанной животному за время его пребывания в коллекции; есть графа для данных о вскрытии, если до этого дойдет.

Карточку с данными о поведении, пожалуй, было бы вернее называть этологической карточкой. В нее заносятся все наблюдения о поведении животного — от ухаживания до сроков беременности и развития потомства.

Некоторые сведения неизбежно повторяются на разных карточках. Так, через несколько лет мы убедились, что для млекопитающих нужна еще отдельная карточка с данными о размножении, иначе приходилось заносить детали либо в медицинскую карту, либо в этологическую карточку, а это было чревато путаницей. Вместе с тем данные об ухаживании, сроках беременности и ветеринарном уходе за беременной самкой не мешает повторить соответственно на голубой или розовой карточках. В работе с птицами нам очень помогают карточки с данными о кладке яиц. В конце брачного периода мы по этим карточкам определяем процент удачных кладок. Как раз благодаря им мы задумались над полноценностью рациона некоторых птиц; этот вопрос сейчас изучается.

В задней части картотечных ящиков по разделам млекопитающих и птиц стоят розовые карточки-приложения. На них, чтобы долго не искать, собраны сведения об анестезирующих средствах, питании, сроках беременности и сроках искусственного выкармливания детенышей. В передней части ящиков, опять же для быстрого получения справок, — четыре карточки большого формата с подробными данными о поступлениях, продаже, утратах и размножении особей. Кроме того, для млекопитающих и для птиц есть алфавитный указатель: на маленьких карточках (размером 10x12,5 сантиметра) — краткое резюме по каждой особи, данные о прохождении, индекс. Взял такую карточку — быстро получил общее представление, а по индексу можно затем найти большую карточку с нужными подробностями. Указатель мы сделали потому, что большие карточки расставлены в той последовательности, в какой прибыли или родились у нас те или иные животные; эта последовательность отражена в индексах. А в указателе карточки, чтобы ускорить поиск, стоят в алфавитном порядке.

Совсем недавно мы завели еще четыре карточки. Первая — библиографическая. Она содержит перекрестные ссылки на авторов и предмет, а также изложение всех статей, написанных сотрудниками зоопарка как для нашего годовичного отчета, так и для другой научной периодики. Появилась картотека по вопросам питания; в ней собраны данные о рационе животного в дикой природе и показано, чем мы кормим его в зоопарке. Мы надеемся значительно расширить эту картотеку по мере того, как будут развиваться наши диетоло-

гические исследования. Несложная картотека содержит перекрестные ссылки на виды и заболевания, чтобы можно было тотчас установить, какой вид чем болел. Наконец — алфавитная фототека по видам.

В моем изложении вся эта система кажется невероятно громоздкой, а на самом деле ею очень просто пользоваться. Секретарю достаточно одного часа в день, чтобы пополнить все карточки свежими данными.

Материал для картотеки предоставляет наш основополагающий источник — «Дневник», который хранится в кабинете заместителя по научной части Джереми Молинсона. В «Дневнике» сотрудники каждый день записывают все, что касается ухода за животными: черты поведения, откладывание яиц, сроки беременности и так далее. Затем секретарь впечатывает эти данные в соответствующие карточки.

Естественно, по мере роста коллекции неизбежно появятся и другие картотеки; пока же наша система, пусть не самая совершенная, представляется нам эффективной. Мы двенадцать лет собираем данные, и нам уже удалось извлечь из них кое-какую ценную информацию, как это видно по нашему «Ежегодному отчету».

Наш принцип гласит: в накоплении данных лучше перебор, чем недобор. И мы записываем все на свете, в том числе, возможно, изрядное количество ненужных сведений, которые в конечном счете отсеиваются, когда пишется статья. В нашей работе с животными никогда не знаешь наперед, какие наблюдения окажутся ценными. А потому лучше их все фиксировать и потом, на свободе, оценивать и сортировать, чем наткаться на пробелы, так как не регистрировались факты, казавшиеся в тот момент маловажными.

Насколько тщательно мы стараемся фиксировать даже простейшие вещи, хорошо видно по картам, описывающим перевод наших двух самок гориллы примерно на сто метров из старой клетки в новое помещение. Казалось бы, всего-то дела: обездвигить двух животных и перенести их в бессознательном состоянии из пункта А в пункт Б. Но ведь речь шла не только о транспортировке. Немалый риск связан уже с тем, что одна и та же доза анестетика одну гориллу может обездвигить, а другую — убить, пусть даже животные одинакового возраста и веса. Пока они находились без сознания, нам представлялся идеальный случай проверить зубы, взять кровь для анализа, измерить и взвесить наших подопечных, проделать еще кучу исследований, обычно невозможных, несмотря на то что обе гориллы были сравнительно ручные. Причем всю операцию надлежало провести быстро, гладко и эффективно, чтобы животные не очнулись в разгар обследования. Нельзя было также допустить, чтобы действие анестетика излишне затянулось и чтобы гориллы простудились. Анестетики часто вызывают осложнение в виде воспаления легких, а оно может оказаться фатальным.

Прежде всего мы составили перечень необходимого снаряжения, расписали всю процедуру, кто в ней участвует.

ПЕРЕВОД РАВНИННЫХ ГОРИЛЛ ИЗ СТАРОГО ПОМЕЩЕНИЯ В НОВОЕ 29 февраля 1972 г. Н'Понго М. 1+ Ненди М. 2+

Подготовительные меры и снаряжение для перевода 1. Двое специальных носилок (предоставлены «Скорой помощью»).

2. Два одеяла.

3. 10 метров веревки.

4. Весы (предоставлены «Приютом для животных»).
 5. Кислородный баллон.
 6. Тонкая стружка (в новой клетке для обеих постелей сделана подстилка из стружки).
 7. Мерная лента.
 8. Спальный отсек новой клетки проверен, все в порядке. Температура в отсеке 18-20 °С. Обе полки теплые на ощупь. Раздвижные двери действуют исправно.
- Участвуют член Королевской корпорации ветеринаров мистер Т. Б. Бегг и один практикующий терапевт.
- Провести общий медосмотр обеих особей, включая проверку зубов.
- Взять кровь на анализ у обеих особей.
- Взвесить и измерить каждую особь.
- Сержант полиции Малинтон и эксперт по отпечаткам пальцев снимают три комплекта пальцевых отпечатков с правой руки каждой особи. Эта информация пересылается во Франкфурт составителям Международной родословной книги горилл, а также используется для сравнительных исследований.
- Составляется полная письменная и фотодокументация процедуры перевода.
- 14.20. Нижний дом млекопитающих закрывается для посетителей.
- Перевод особей Как только будет установлено, что обе гориллы достаточно обездвижены, чтобы можно было выносить их из старой клетки, осуществляется следующая процедура:
1. Каждую особь выносят вручную на носилках в коридор дома млекопитающих.
 2. Уложенную на носилки гориллу укрывают одеялом до подбородка, затем ее привязывают веревкой к носилкам.
 3. Каждую особь взвешивают в доме млекопитающих.
 4. Н'Понго доставляют в спальню No 1 (северная сторона), Ненди — в спальню No 2 (южная сторона).
 5. Взятие крови для анализа, снятие пальцевых отпечатков, измерения и общий медосмотр производятся в новом помещении, поскольку главное — возможно быстрее завершить перевод.
 6. Гориллы остаются изолированными и не получают возможности встретиться в среднем отсеке, пока полностью не придут в себя. Участвуют Дж. Молинсон, Дж. Мэлит, К. М. Блоксем, П. Кофи, Д. Райорден, Дж. Эшер-Смит.
- 14.30. Каждой особи вводится через рот 300 мг сернилана (фенициклидина)

— по 100 мг на 1 мл. Вес горилл определен приблизительно в 75 кг. Упомянутые дозы разведены в смеси молока, меда и витамина B12. Дальнейшая информация — на отдельной карте для каждой особи.

Н'Понго — лист 4, М. 1. Ненди — лист 4, М. 2.

Затем животные были обездвижены. По записям видно, что на наркотик они реагировали неодинаково. Конечно, точный и суховатый язык наблюдений не передает того факта, что у нас (выражаясь ненаучно) сердце уходило в пятки, хотя мы всячески старались изображать людей, которые только тем и занимаются, что переводят горилл из одного помещения в другое. Дело в том, что речь шла не просто о животных, а о наших личных друзьях и мы не хотели их потерять.

29 февраля 1972 г.

ПЕРЕВОД В НОВОЕ ПОМЕЩЕНИЕ Н'Понго. Зоо Инд. М. 1. Лист. 4.

14.30. Прием сернилана. 14.31. Обе особи сильно возбуждены, не получив корма. 14.45. Особи заметно успокаиваются. 14.46. Н'Понго забирается на полку, затратив несколько больше усилий, чем обычно. 14.52. Глаза у Н'Понго мутные. 14.55. Н'Понго качается на перекладине. 14.55.30. Н'Понго из положения стоя на четвереньках салится, свесив голову на грудь.

14.56. Покачивается. 14.58. Н'Понго валится на пол, снова садится. качается. 15.01. Лежит на полу. 15.02. Бессильно лежит ничком, слегка поджав ноги. 15.03. Ненди, пробегая мимо, хлопает ее по спине. Н'Понго реагирует слабым движением.

15.05. Ненди снова ударяет Н'Понго. Никакой реакции. После 15.05 Н'Понго больше не реагирует и не двигается. Н'Понго = 35 минут.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРЕВОДА Ненди М. 2 14.30. Прием сернилана. 14.31. Обе особи сильно возбуждены, не получив корма. 14.45. Особи, судя по всему, в полном сознании. 14.50. Глаза Ненди мутнеют, веки слипаются.

14.55.30. Ненди сильно возбуждена, подбегает к двери и колотит в нее. 14.56. Ненди принимает угрожающую позу, по-прежнему сильно возбуждена, продолжает подбегать к двери и колотить в нее. 14.57. Усиливается слюноотделение. 14.59. Ненди продолжает принимать угрожающую позу, сильно возбуждена. 15.03. Пробегая мимо Н'Понго, хлопает ее по спине.

15.05. Ненди снова ударяет Н'Понго, та никак не реагирует. 15.06. Ненди не совсем твердо держится на ногах, но производит впечатление крепкой и бдительной. 15.07. Ненди менее возбуждена и активна. 15.07.30. Ненди зевает; стоит на четвереньках, опираясь ягодицами о стену. 15.08. Голова поникла, корпус качается. 15.09. Ненди садится. 15.10. Ненди закрывает глаза. 15.11. Ненди с трудом делает несколько шагов и валится в той же позе, что и Н'Понго. 15.12. Ненди поднимает голову и снова ее опускает. После 15.12 никаких реакций и движений. Ненди = 42 минуты.

Как только обе гориллы были усыплены, мы приступили к действиям. Внесли в клетку носилки, привязали к ним животных. Вынесли в коридор дома млекопитающих, взвесили и измерили; были взяты мазки, кровь для анализа и отпечатки пальцев, осмотрены зубы. Хотя мы понимали, что это необходимо, вряд ли кому-нибудь из нас было приятно видеть, как хорошо знакомые животные (всегда такие веселые и живые, такие яркие личности) лежат без сознания, а им открывают рот, берут мазки, кровь из вены. Точно мы вторгались в их личную жизнь, покушаясь на их достоинство; одно утешение — сами они потом ничего об этом не будут знать. Словом, наши чувства отдавали антропоморфизмом; научной трезвостью и не пахло.

Горилл завернули в одеяла, и мы вышли из дома млекопитающих, бережно неся драгоценный груз. Наверное, мы при этом смахивали на группу встревоженных спасателей, выносящих единственных уцелевших после какой-нибудь страшной катастрофы. Уложив горилл на мягкую постель, для которой не пожалели соломы (в разных секциях, но достаточно близко, чтобы они, очнувшись, увидели друг друга), мы окружили клетку, приготовившись следить, как они будут приходить в сознание. Пожалуй, это были самые тревожные минуты — ведь нам предстояло убедиться, как гориллы перенесли анестетик, не будет ли осложнений.

И опять эти клинические наблюдения ничего не говорят о том, что творилось у нас в душе. Мы курили, мы пили кофе чашку за чашкой, пускались в рассуждения о нынешнем мировом кризисе, но разговор протекал вяло, а то и вовсе замолкал, и слышалось только тяжелое, прерывистое дыхание наших пациентов. Мы вспоминали, как в зоопарке появилась Н'Понго: черная как уголь маленькая толстушка, губы вечно изогнуты в улыбке, отражающей твердую веру в дружеское расположение всех людей. А вот в душе у Ненди поначалу коренились глубокая антипатия и недоверие к людям, и большой шрам через всю макушку — след от удара секачом — вполне объяснял причину ее нелюдимости; понадобился не один год терпеливых усилий, чтобы завоевать ее доверие. Мы знали обеих еще детенышами, где же тут настроиться на бесстрастный, холодный научный лад.

Наблюдения за Н'Понго. В 16 часов Н'Понго начала реагировать — повернула голову и пожевала губами.

16.48. Н'Понго зашевелилась, на ногах не стоит, только перекачивается.

18.00. От решетки доползла на животе до середины клетки. 18.30. Лежа на животе и опираясь на локти, сонно озирается. Села на корточках, опираясь о решетку, упала, поползла к радиатору. 19.00. Пододвинулась ближе к радиатору, вяло шевелит руками. Лежит на животе на сене. 19.30. Поза без изменений. 20.00. Намного бодрее, сидя в полусогнутом положении, поднимает вертикально голову, реагирует на свое имя. 20.08. Снова у решетки в прежней позе. 21.30. Ходит по полу на четвереньках, конечности с трудом удерживают ее вес. 22.15. Лежит на животе, на звуки не реагирует. 22.50. Садится, вокруг рта следы рвоты, взгляд фокусируется, но все еще затуманенный, по телу пробегает мелкая дрожь. 24.00. Без особых изменений; свет выключается.

Наблюдения за Ненди. Ненди после выноса из старой клетки кашляла, зевала, моргала, наблюдалось выделение слюны.

18.00. Ненди лежит посередине пола ничком. 18.30. Немного двигалась, к голове и плечам пристали стружки и сено. 19.10. Лежит на сене, зарывшись головой, не двигается, дышит легко. 19.30. Передвигается кругом на четвереньках, но очень неуверенно реагирует на свое имя. Обнюхивает краску, стучит костяшками по полу. Сидит на корточках, дыхание несколько напряженное. 19.55. Проявляет интерес к пище, кусает апельсин, активно передвигается, иногда падает, но продолжает двигаться, даже после падения плашмя — тотчас выпрямляется. Выделения из носа. 20.00. Ненди влезла на решетку, висела на ней три с половиной минуты. 20.10. Позывы к рвоте, слюноотделение. 20.15. Рвота. 20.19. Новые позывы к рвоте. 20.20. Опять позывы к рвоте. 20.27. Ненди пьет теплое молоко с 10-процентным раствором глюкозы, координация плохая, при питье вытягивает верхнюю губу. 20.34. Стоя ухает и колотит себя в грудь. 20.33. Опять стоя колотит себя в грудь и ухает, затем садится и продолжает протяжно ухать. 20.35. Снова пьет молоко. 21.50. Ненди на полке, ведет себя спокойнее, координация немного лучше. 22.15. То сидит, то ходит по полке. 22.45. Как будто уснула. 23.30. На полке в позе отдыха-сна, но не спит. 24.00. На полке, отдыхает, вроде бы спокойна, свет выключается.

Нехитрая операция по переводу позволила нам точно взвесить и измерить обеих обезьян, сделать анализ крови, получить полную бактериологическую картину по мазкам из носа, горла и влагалища, довольно много узнать о действии транквилизаторов и анестетиков. По сути дела, мы провели всесторон-

нее медицинское обследование, которое иначе было бы неосуществимо даже с такими относительно ручными особями. Все данные были занесены на карточки для будущих нужд.

Наука наукой, а когда все было кончено, я откупорил шампанское, полагая, что нам не мешает взбодриться.

Разумеется, последовательные и подробные наблюдения чрезвычайно ценны для ветеринарных и паразитологических исследований. Ярким примером того, как тесно подчас паразитология связана с ветеринарной наукой, может служить наша скорбная серия карточек с данными о вулканическом кролике тепоринго. Скорбная, поскольку она покоится в картотеке потерь, ожидая воскрешения, когда нам удастся добыть еще экземпляры этих интереснейших маленьких зверьков.

Крохотный, чрезмерно редкий кролик тепоринго обитает только на склонах потухших вулканов Попокатепетль и Истаксиатль под Мехико. Хотя он строго охраняется законом, это, как и во многих других случаях, охрана лишь на бумаге. На кроликов охотятся, невзирая на охранное законодательство, их убивают даже там, где, казалось бы, они могли рассчитывать на убежище, в национальном парке Попокатепетль. Местные лесники сами говорили мне, что едят их мясо. Учитывая все это, а также ограниченность ареала редкостного зверька, я считал, что тепоринго нуждаются в помощи нашего треста. А потому в 1968 году я финансировал и возглавил экспедицию в Мексику с основной целью

— приобрести плодovitую колонию вулканических кроликов.

Мексиканские власти встретили меня очень любезно и оказали всяческое содействие, и через три месяца я вернулся на Джерси с победой. Мы приобрели шесть кроликов, они благополучно перенесли путешествие и прекрасно освоились на новом месте. Нам удалось даже получить приплод — большое достижение, ведь это был первый случай, когда тепоринго обзавелись потомством в неволе. Но дальше дело пошло плохо: единственный самец погиб, и вскрытие выявило у него одну из форм кокцидиоза. Прошло несколько тревожных недель, нам удалось заполучить из Мексики второго самца, но, прежде чем мы смогли пустить его к самкам, он тоже умер. Вскрытие дало такой же ответ, причем результат был интересен тем, что этот кролик был поражен новым видом кокцидий.

Тот факт, что мы распознали врага вулканических кроликов и выяснили, как с ним бороться, нас ни капли не утешал, поскольку я не располагал в Мексике надежным контактом, который снабдил бы меня особями для повторной попытки создать плодovitую колонию. Все же я не теряю надежды когда-нибудь снова попасть в Мексику и приобрести еще тепоринго, чтобы мы могли разводить в неволе этих чудесных, уникальных зверьков.

Странно, что многие люди не учитывают одно существенное обстоятельство: чтобы охранять и сохранять животное в дикой природе, надо знать не только его физические данные, но и характер его взаимоотношений с множеством других видов. Попросту говоря, нет никакого смысла выделять под охранную зону для львов 10 тысяч квадратных километров саванны, если там не водятся антилопы. Если вы не установили наблюдениями (в дикой природе или в неволе), что лев — плотоядное животное, ваши охранные мероприятия обречены на провал. Всякому очевидно, что для этого животных надо изучать

в естественной среде обитания, однако столь же очевидно, что некоторые вещи легче наблюдать в неволе, а иногда это и вовсе единственная возможность.

Два примера. Начнем с наших карточек о размножении тенреков. Эти своеобразные зверьки, напоминающие ежей, обитают на Мадагаскаре. К числу их многочисленных милых черт относится такая: при поимке зверек собирает в складки кожу на лбу, принимая сердитый, недовольный вид. Мы благополучно размножали этих маленьких насекомоядных, получили пять поколений, и потомство разослано по всему свету. Наши записи содержат бездну наблюдений над поведением, числом детенышей в помете, родами и так далее; в дикой природе сбор такой информации потребовал бы немало времени и средств, а кое-что и вовсе осталось бы неизвестным.

Из того, что зафиксировано у нас, многое может пригодиться для охраны других видов тенрековых. Всего описано двадцать пять видов (некоторые из них чрезвычайно редки), и мы надеемся, что наш опыт работы с двумя сравнительно распространенными видами (ежовый и малый тенреки) поможет нам в будущем создать размножающиеся колонии исчезающих видов.

В частности, мы обнаружили, что можем изменением температуры влиять на поведение ежового тенрека. Обычная температура для содержания этих зверьков 27-29°; при имитации условий спячки 21— 24°. Регулируя температуру и влажность, мы научились поддерживать ежовых тенреков круглый год в активном состоянии, способными к размножению. Самки у нас становились способными к зачатию каждые два месяца; прежде считалось правилом размножение на второй сезон. Таким образом, самка без особых затруднений может приносить в год два-три помета. Если такие методы можно применить к исчезающим видам, это сыграет неоценимую роль в создании крупных размножающихся колоний и в сохранении вида. Вот вам один пример того, какой материал может дать разумно организованная коллекция животных и какое употребление он может найти.

Второй пример полезных данных возьму из карточек по нашей колонии африканских цивет. Начав с одной пары, мы к нынешнему дню вырастили срок девять особей; двенадцать вывезены в четыре зоологические коллекции в разных концах света. Наблюдения, зафиксированные на карточках в разделе «Размножение», позволили нам установить сроки беременности, примерную продолжительность жизни, нормальное число детенышей в выводке и этапы их развития, в частности рост и прибавку в весе; есть также данные о спаривании, родах и так далее. По существу, мы располагаем полной картиной нормального брачного поведения африканской циветы, и речь идет о материале, который было бы трудно, а то и вовсе невозможно собрать только в полевых условиях.

Недавно по Европе и Соединенным Штатам прокатилась волна выступлений против зоопарков. Критики из научных кругов осуждают их за отсутствие научных исследований. Упрек этот, увы, вполне справедлив по отношению ко многим, слишком многим зоологическим коллекциям. В некоторых случаях, если и делаются попытки регистрировать наблюдения, результаты настолько жалкие, что ни один уважающий себя биолог не может принимать их всерьез. Так, в нашей картотеке хранится присланная из хорошо известного зоопарка карточка с данными о лечении жирафа. Что же в ней сказано? А

вот что: после того, как ветеринар извлек из чрева самки мертвого детеныша, ей «впрыснули антибиотики». И все. Ни слова о том, сколько и какого антибиотика было впрыснуто, и сама запись сделана от руки, так что не всякий, кто обратится к карточке за информацией, разберет почерк. Из другой коллекции получены карточки, по которым можно узнать, что животное поступило и что оно скончалось, после чего идет подробное патологоанатомическое заключение. О поведении — ни слова; получается, что с момента поступления до своей кончины животное ровным счетом ничего не делало. Не зоопарк, а прямо-таки приемная патологоанатома...

В 1968 году, через четыре года после того, как мы учредили наш трест и разработали картотеку, в Сан-Диего состоялась обширная конференция, посвященная роли зоопарков в охране дикой фауны. На мой взгляд, самым прямолинейным, умным и дельным было выступление тогдашнего редактора «Международного зоопарковского ежегодника» Каролайн Джервис (ныне леди Медуэй). Касаясь нависшей над множеством видов угрозы уничтожения и охранной роли зоопарков, она говорила:

«В этой ситуации зоопарки призваны сыграть чрезвычайно важную роль, хотя они редко отдают себе в этом отчет. По самым последним данным „Международного зоопарковского ежегодника“, в полутысяче зоопарков и аквариумов содержится около полумиллиона позвоночных, представляющих дику фауну. За этой огромной цифрой кроется двоякий смысл: она показывает, какое количество диких животных охвачено зоопарками, а также что зоопарки связаны с дикими животными ближе, чем любые другие учреждения. Здесь и спектр животных шире, и контакт теснее. Больше возможностей регистрировать определенные данные и познания, чем у любого университета, исследовательского института или охотоведческого управления. Вот почему зоопарки особенно важны как для охранной работы, так и для зоологической науки. Охрана нуждается в фактических данных, нуждается в них и зоологическая наука, а таких никем не учтенных данных в зоопарках непочатый край. Природу называют сокровищницей сведений, и зоопарки — хранители немалой части этой сокровищницы, да только слишком часто они не отдают себе отчета в ответственности этой роли, а то и вовсе не осознают себя хранителями».

Касаясь роли зоопарков в тщательном сборе информации, мисс Джервис продолжила:

«Помимо просветительской работы, зоопарк может внести еще два чрезвычайно ценных вклада в борьбу за спасение животного мира от гибели. Во-первых, фиксировать данные о дикой фауне, во-вторых, размножать в неволе исчезающие виды. В охране диких животных одна из главных трудностей — недостаток сведений об основных нуждах тех самых существ, которых мы пытаемся защитить. Поразительно, как мало известно о биологии и поведении большинства видов дикой фауны, ведь истинно глубоких исследований, вроде получивших заслуженную известность работ Шаллера о горной горилле, очень мало. Многие необходимые сведения — взаимоотношения животного со средой, экология района обитания, природный рацион и разные стороны поведения — заведомо можно изучать только в полевых условиях, но в то же время есть множество данных, которые невозможно или чрезвычайно трудно собрать в экспедициях, зато их очень просто получить, изучая животных в неволе. До самых недавних пор зоопарки явно не отдавали себе отчета, какая

масса ценной информации им доступна и как важна эта информация, если тщательно ее фиксировать. Лишь в очень немногих зоопарках есть надежная многолетняя документация, но и там объем собранной информации скуден и не всегда она точна».

Мисс Джервис особо остановилась на принципах документации:

«Чтобы регистрируемая зоопарками информация была ценной, она должна быть куда обширнее, куда методичнее и далеко не такой случайной, какой является теперь. Здесь существенны два момента: хорошо налаженная документация и действенные приемы определения животного. Документация не обязана быть сложной, но тщательность и точность необходимы. Всем зоопаркам надо бы регистрировать основной минимум данных о своих представителях дикой фауны, лучше всего в виде картотеки, с перечнем каждой поддающейся определению особи, с указанием даты поступления, примерного возраста и веса по прибытии, места приобретения, признаков, по которым производилось определение пола, даты спаривания или родов, дат заболеваний и даты смерти или выбытия из зоопарка, а также причины смерти или выбытия».

После конференции мисс Джервис написала опубликованную Лондонским зоологическим обществом превосходную статью «Руководство по изучению диких животных в неволе». Судя по тому, что нам известно о принципах документации в большинстве зоопарков, та бесценная публикация не получила широкого распространения, которого она заслуживает.

И все же было отрадно сознавать, что через семь лет после того, как мы учредили свою картотеку, мисс Джервис рекомендовала другим зоопаркам те же принципы. Мы с удовольствием отмечали, что нами были учтены все те пункты, о которых шла речь в ее выступлении.

Чтобы остановить или хотя бы ослабить направленную на них струю критики, зоопаркам и другим коллекциям диких животных надобно гораздо ответственнее воспринимать свою роль научных учреждений. Нельзя без возмущения думать о том, что издавна тысячи животных держали — и по-прежнему держат — в неволе исключительно для развлечения публики и что мы ничему не научились — и не учимся — на этих узниках.

Значение разумно и научно (это не синонимы) организованных зоопарков с годами будет не убывать, а возрастать. Вероятно, они станут последним убежищем для огромного числа видов. А потому чрезвычайно важно, чтобы они эффективно содержали, размножали и *изучали* своих подопечных. Зоопарки можно назвать опекунами, хранителями видов, которые пытаются наряду с нами населять планету — в большинстве случаев без особого успеха.

Не будем забывать, что исторически мы еще недавно поклонялись животным (в некоторых уголках мира это поклонение сохранилось), что еще недавно люди верили в единорога, верили, что у жабы в голове схоронен драгоценный камень, что ласточки зиму проводят в иле на дне прудов. В своей блестящей книге «Фольклор о птицах» Эдвард Армстронг приводит пример совсем недавних в масштабах нашей истории «научных исследований»:

«Во второй половине восемнадцатого века Джон Обри писал: „Сэр Беннет Хоскинс, баронет, рассказал мне, что лесничий его парка в Морхемптоне, графство Херефордшир, в виде эксперимента забил железный гвоздь поперек входа в дупло с гнездом дятла, ибо есть поверье, что птица сумеет открыть вход при помощи некоего листа. У подножья дерева он расстелил чистое по-

лотно, и прошло не более полусуток, как гвоздь выскочил, и лесничий нашел его лежащим на полотне. Спрашивается, что это за лист, какого он вида? Говорят, будто для этого годится лист гроздовника. Описанный опыт без труда можно повторить“.

Таковы были представления деревенских джентльменов каких-нибудь двести лет назад. Эти просвещенные мужи были пытливы и охотно экспериментировали, однако к методике подходили недостаточно строго, а к результатам — излишне доверчиво. Джон Рэй замечает без обвиняков:

«Несомненно, перед нами небылица, однако же сей видный натуралист приписывал смерть своей дочери от желтухи тому, что ее лечили новомодными учеными снадобьями вместо старого средства: пива, сдобренного конским навозом».

Разумеется, с той поры накоплены громадные познания о поведении животных и экологии нашей планеты, но вот что следует помнить: при всей обширности наших знаний они ничтожны перед тем, что еще предстоит узнать. Если мы поймали сачком одну из звезд ночного неба, это отнюдь не значит, что нами постигнута вся вселенная.

И, наконец, скажу следующее: достоинства документации всецело определяются уровнем ее творцов, и те, в чьи руки она попала, обязаны пестовать ее, развивать, перестраивать и пополнять, а коли понадобится — уничтожить и начать все сначала. Наша система тем хороша, что все сотрудники, квалифицированные и неквалифицированные, вносят свои наблюдения; это относится и к служителям, которые работают повседневно с животными, что придает их наблюдениям особую ценность. Само собой, в такой коллекции мало проку от кабинетного ученого-белоручки, который видит животных раз в месяц и почти во всем полагается на наблюдения других. Вместе с тем нельзя уповать на то, что люди, поставляющие фактические данные, всеведущи. Всезнание — это прекрасно, однако его не дают ни опыт, ни религиозное воспитание, ни даже университетское образование.

Нам остается лишь исходить из принципа, что в стране слепых даже самая тонкая трость позволяет нащупать путь к познанию.

Глава 6 Пилюли, примочки и полумеры

О ласках говорят, будто они так искусны во врачевании, что если их детеныши почему-то погибают, родители могут их оживить, при условии, что будут с ними соединены.

Т. Г. Уайт. Книга о зверях

Вайолет заботливо связала некоторым рыбкам шерстяное платице, а Слингсби дал им опийные капли; благодаря такой отзывчивости они согрелись и крепко уснули.

Эдвард Лир

Герба сакра, «божественная трава», вербена аптечная, по словам древних римлян, исцеляла от укусов любых бешеных животных, оставляла действие яда, излечивала от чумы, обезвреживала колдовство и злые чары, укрощала врагов и так далее.

Крюэр. Словарь выражений и небылиц

Обнаружить, определить и затем лечить заболевание у животных — задача настолько трудная, что перед ней дрогнуло бы даже бравое сердце Флоренс Найтингейл <Флоренс Найтингейл (1820-1910) — английская сестра милосердия и общественный деятель. — Примеч. пер.>. Представьте себе пациента, который не только не может сказать вам, где у него болит, но во многих случаях всячески старается скрыть симптомы; пациента, который, решив, что вы задумали его отравить, наотрез отказывается принимать лекарства, как бы тщательно их ни прятали в мясе, бананах или в шоколаде; пациента, который (так как вы не можете объяснить ему смысл ваших действий) воспринимает все, от рентгена до уколов, как преднамеренное покушение на его жизнь, или достоинство, или то и другое вместе. Человек, собирающийся лечить больное животное, должен обладать терпением Иова, настойчивостью Сизифа, двоедушием Иуды, силой Самсона, врачебным тактом Соломона и дьявольским везением.

В зоологической экспедиции (где вы одновременно и плотник, и диетолог, и уборщик, и повар, и ветеринар) вам представляется хороший случай кое-что узнать о лечении животных. Когда на вашем попечении несколько сот особей, а вы находитесь в двухстах километрах от ближайшего селения (которое, скорее всего, не может похвастаться врачом, не говоря уже о ветеринаре), приходится разрабатывать собственные приемы. Причем они настолько далеки от утонченных манер лондонских эскулапов, что, попадись вы на глаза деятелям из Британского медицинского общества, вас задушили бы запретами.

В самом деле, кто из сих почтенных медиков стал бы засовывать голову яростно отбивающегося пациента (в данном случае мангуста) в старый тапок, чтобы сподручнее было поставить ему клизму с применением купленного (за неимением лучшего) на местном рынке пульверизатора? Кто из благородных эскулапов стал бы разоблачаться на глазах у сотни-другой восхищенных африканцев и колоть себя шприцем, чтобы убедить крайне подозрительного (и на редкость мускулистого) бабуина, что это самое увлекательное и модное занятие на свете? Кто из этих чистоплюев лег бы по зову профессии в одну постель с юным шимпанзе (страдающим бронхитом), который всю ночь норовит затеять возню, тычет вам пальцем в глаза и каждые полчаса с упоением обильно поливает вас мочой? Кто из прилизанных, холеных ординаторов наших ле-

чебных учреждений должен считаться с опасностью, что во время обработки сломанной руки пациент клюнет его в левую ноздрю? Так случилось со мной, когда я вправлял крыло выпи. Боль была адская, я перемазался в крови, и меня ничуть не утешало то, что птица промахнулась: ведь она метила в глаз.

Только не подумайте, что я неприязненно отношусь к медикам вообще, просто их практика — цветочки перед тем, с чем сталкивается человек, работающий с животными. Дайте мне любого практикующего терапевта, и я посмотрю — останется ли он верен клятве Гиппократа перед лицом тридцати семи обезьян с острым поносом, который вызван тем, что африканец-смотритель скормил им слабительное вместо сухих дрожжей, и все это за десять минут до погрузки на судно, чей капитан заведомо не выносит животных. Правда, как ни тяжело дается такого рода опыт, он служит хорошей подготовкой к тому, что вас ожидает впоследствии. И, добившись затем успеха в уходе за больным животным, вы, как правило, испытываете удивление и радость.

Методика лечения животных в каком-нибудь медвежьем углу и в хорошо оборудованном зоопарке сходна, но не тождественна. Много лет в наших кругах оживленно обсуждается вопрос о желательности лечебниц для животных. Тут можно назвать две точки зрения. Одни считают, что больное животное необходимо отделять, чтобы оно не заражало других, чтоб могло оправиться от недуга в гигиенической обстановке и чтобы лечащий ветеринар мог создать наиболее благоприятные, на его взгляд, условия. Вторая точка зрения сводится к тому, что лечебница, может быть, и нужна, поскольку обеспечивает гигиеничные условия для операции, вообще же психологическая травма для животного, которое из привычной обстановки попадает в малопривытное, странно пахнущее помещение и вместо знакомых людей оказывается на попечении совершенно чужого человека, куда пагубнее, чем быстрое возвращение в негигиеничную, зато свою, надежную обитель. Мне ближе вторая точка зрения. Серьезное заболевание само по себе травмирует психологию животного. Добавьте неизбежные страхи от приема лекарства или хирургического вмешательства, приложите ко всему этому отрыв от привычной, обжитой территории и привычных людей, и вероятность гибели животного от страха или от депрессии многократно возрастет.

Когда трест только еще зародился, спорный вопрос — заводить или не заводить лечебницу — для нас носил чисто теоретический характер. У нас попросту не было денег на такое учреждение, поэтому мы избрали третий путь, не учтенный двумя упомянутыми выше точками зрения. Поскольку средства на лечебницу отсутствовали, оставалось, елико возможно, исключить необходимость в таковой. Мы делали упор, так сказать, именно на профилактику, стараясь в пределах доступного нам закупать наиболее высококачественные корма и получше оборудовать помещения. Этот курс в большой мере оправдал себя. Учитывая размеры и состав нашей коллекции, заболеваемость у нас чрезвычайно низка. Это не значит, что она равна нулю. Бывают и в нашем зоопарке недуги и эпидемические заболевания, а также несчастные случаи, вызванные тем, что страховые компании (которым непременно подай конкретного виновника) приписывают «воле божьей».

Конечно, нехватка оборудования создает немало проблем для наших многострадальных ветеринаров. Серьезная операция брюшной полости в любых условиях чревата опасностями. Еще хуже, когда вы не можете обеспечить аб-

солютно стерильной обстановки. Если к тому же ваш пациент после операции также не содержится в идеальной чистоте, риск неудачи удваивается.

Первый раз мы столкнулись с этим, когда львица, которая вот-вот должна была родить, подцепила газообразующую бактерию. Естественно, когда начались схватки, она никак не могла разродиться. Как быть? Принимать анестетик с пищей львица отказывалась, а наша бедность в ту пору не позволяла нам приобрести специальный обездвиживающий пистолет. В довершение всего дело происходило в конце недели. Пришлось моему другу Оливеру Грэмму-Джонсу, тогдашнему главному ветеринару Лондонского зоопарка, оторваться от приятного общения с его любимыми премированными розами, брать свой пистолет и лететь на Джерси (поручить это дело кому-либо он не мог по настоянию полиции, так как лишь он лично имел разрешение на пользование этим оружием). При участии наших собственных ветеринаров львица была обездвижена, и мы приготовились делать кесарево сечение. Операция происходила в наружном отсеке клетки, при свете старых специальных ламп из зубоврачебного кабинета. Операционный стол отличался предельной простотой: мы положили на козлы старательно выскобленную старую дверь. О высокой квалификации нашей ветеринарной бригады говорит то, что после извлечения разлагающегося плода (три львенка) и стерилизации оперированной полости все обошлось без каких-либо осложнений. Ни пневмонии, ни перитонита, хотя роль послеоперационной палаты выполняла наша мастерская.

При всей негигиеничности этой операции следует подчеркнуть, что чрезмерный упор на гигиену тоже нежелателен. Если вы дважды в день драите клетку с применением дезинфицирующих средств, обеззараживаете корм, тщательно отгораживаете своего подопечного от публики и сами, входя к нему, надеваете маску и перчатки, он, возможно, будет чувствовать себя хорошо, но стоит какому-нибудь настырному, гадкому крохотному микробу просочиться через вашу линию обороны, и животное обречено, потому что у него не выработалась сопротивляемость.

Ярким примером может послужить случай с нашими двумя детенышами гориллы

— Ассумбо и Мамфе. Размножение горилл в неволе все еще остается достаточно редким и примечательным событием, так что мы крайне почтительно обращались с первым прибавлением этого семейства в нашей коллекции. В детской комнате гигиена соблюдалась образцовая, пеленки подвергались гигиенической обработке, пищу готовили гигиенически, все, кто обслуживал или навещал малышей, надевали маски; словом, от инфекции их оберегали так, будто речь шла о наследниках священной династии. Но вот настал день, когда детеныши выросли из аппаратов с микроклиматом, из постелек в корзинах, из манежиков и самой детской комнаты, и мы торжественно перевели их в дом млекопитающих, где была приготовлена особая клетка.

И сразу же Мамфе (он был чуть моложе) занемог. Поначалу это проявилось всего лишь в плохом аппетите, вялости и небольшой потере веса. Когда к этому добавился понос, мы поспешили вызвать местного педиатра, доктора Картера, который наблюдал обоих младенцев с самого их рождения. Вот что говорит его начальное заключение (оно хранится в нашей картотеке и опубликовано в одиннадцатом ежегодном отчете):

«Обследование подтвердило вялость и потерю аппетита: Мамфе избегал иг-

рать с Ассумбо: однако язык был чистым, хотя и несколько суховатый: горло чистое, в легких никаких отклонений. Никаких признаков лимфаденита, шейные, подмышечные и вилочковая железы в норме, паховые также не увеличены. Исследование ушей и горла не выявило признаков воспаления: лабораторный анализ мочи не дал указаний на какие-либо инфекции в мочевых путях. Проводилось паллиативное лечение ломотилом, 2,5 мл три раза в день (дифеноксилат солянокислый 2,5 мг, атропин сульф. 0,25 мг в 5 мл суспензии). Отмечены позывы к рвоте после приема ломотила, в качестве питания ему давали чистые жидкости — 5-процентный раствор глюкозы и разбавленное стерилизованное молоко».

Между тем понос не унимался, и лабораторный анализ кала обнаружил колибактерии, а такая инфекция может привести к смертельному исходу. Заодно лаборатория бодро доводила до нашего сведения, что сия бактерия восприимчива к хлорамфениколу, тетрациклину, стрептомицину, септрину и неомицину. Да только нам от этого не стало легче: дело было в субботу (почему животные непременно заболевают в конце недели?), попробуй раздобудь необходимые антибиотики. Мы стали давать Мамфе окситетрациклин, по 125 мг в сиропе каждые шесть часов. И с растущей тревогой отмечали, что понос не идет на убыль. В воскресенье врач нашел, что Мамфе очень плох, организм его сильно обезвожен. Продолжаю цитировать доктора Картера:

«Он был апатичен, на прикосновение человека почти не реагировал; глаза запали и потускнели; окружающее его не интересовало; временами он вообще не фокусировал взгляд. Глазные яблоки провалились в глазницы; картина была точно такая, как у ребенка при сильно обезвоженном организме. Язык сухой, кожа на животе дряблая: если оттянуть большим и указательным пальцами, складка разглаживалась не сразу. Было очевидно, что необходимы срочные меры, чтобы возможно скорее вдохнуть жизнь в детеныша. Физическое воздействие обнаруживало, что у него еще сохранился запас сил. Поскольку внутривенные вливания исключались, были применены три различных метода лечения:

1. Внутривентриальное вливание. Этот метод был описан и широко применен Картером (1953) в Африке для регидрации младенцев при сильно обезвоженном организме, и маленькие пациенты почти не сопротивлялись процедуре. Однако Мамфе реагировал очень бурно; из-за непрерывного крика внутривентриальное давление возросло до такой степени, что возникла опасность прокола иглой кишечника. Поэтому после введения 50 мл раствора Гартмана пришлось извлечь иглу и искать другие пути.

2. Подкожное вливание в бедро. Было отмечено, что у Мамфе в антеромедиальной части бедра очень дряблая кожа, а потому решили испытать названный метод, прежде широко применявшийся в педиатрической практике детских больниц. Разведя в 500 мл раствора Гартмана 150 единиц гиалуронидазы, удалось без труда ввести по 80 мл раствора в подкожные ткани в антеромедиальной части обоих бедер; жидкость всасывалась с поразительной быстротой, похоже было, что при необходимости можно ввести таким способом и вдвое большую дозу.

3. Кормление через трубку. Поскольку у Мамфе отсутствовала рвота, кроме случая сразу после приема ломотила, было решено испытать этот метод. Определили, что для примерного восстановления жидкостного баланса жи-

вотному требуется еще 180 мл жидкости. Мисс Дж. Роббинс, квалифицированная сестра со специальным образованием, которой по роду работы в больнице часто приходилось кормить недоношенных младенцев, ввела Мамфе трубку через рот так быстро и искусно, что он даже не успел подавиться. По трубке медленно ввели 180 мл чистого раствора Гартмана. Кроме того, в последующие несколько дней каждые шесть часов делалось внутримышечное вливание ампинокса (50 мг ампициллина и 25 мг клоксациллина). Мисс Роббинс обучила сотрудников зоопарка технике искусственного кормления, и вскоре они уже без труда вводили орогастрическую трубку. Последующее лечение Мамфе описано в другом месте, но обезвоживание организма было успешно преодолено и больше не повторялось».

До сих пор не могу забыть, как детеныш гориллы, такой упитанный и жизнерадостный, буквально на глазах вдруг совершенно высох. Доктор Картер объяснил мне, что такие случаи довольно часто происходят с недоношенными детьми, когда их после тщательного ухода в специальных условиях переносят в обычную обстановку: младенцы, почти лишенные сопротивляемости, легко становятся жертвой колибактерии.

Естественно, против инфекции надо принимать все разумные меры предосторожности. У нас заведено каждого новичка выдерживать в карантине и прodelывать все возможные исследования, прежде чем пускать его к другим животным. Такая процедура сводит к минимуму или вовсе исключает риск появления в коллекции больной особи. Если обнаружены признаки недомогания или же найдены наружные или внутренние паразиты, способные вызвать болезнь, животное лечат и оставляют в карантине до тех пор, пока не минует опасность инфекции. Словом, мы всячески боимся от приноса болезней новичками. Вот почему нам пришлось отказаться от лечения диких птиц, как просто больных, так и попавших в зону разлившейся нефти. Птицы проносили паразитные инфекции через все наши заслоны. Теперь мы их передаем в местное общество по борьбе с истязанием животных и сами, когда надо, даем советы и оказываем посильную помощь за пределами нашей территории.

Карантинный период и исследования — наша первая линия обороны, однако мы с сожалением вынуждены признать, что ее не назовешь неприступной. Возьмите аспергиллез, эту грозную болезнь, вызываемую ядовитым плесневым грибом, который поселяется в легочной полости птиц и против которого не найдено никаких средств. Досконально известно, что птица может годами быть носителем скрытой инфекции без каких-либо видимых симптомов. Но достаточно ей перенести встряску — скажем, при поимке для перевода в другой вольер или для отправки в другое место, — как болезнь может принять явную форму и быстро прикончить жертву. И так как до тех пор инфекция часто не диагностируется, внезапно погибает здоровая, казалось бы, птица. Лишь после вскрытия выявляется, что ее легкие буквально представляют собой сплошную колонию тлетворных грибков. Нетрудно понять, сколь велик риск занесения такой инфекции при новом поступлении. Я уже писал, как мы получили пораженного аспергиллезом белого ушастого фазана, который не прожил и суток. Нечто в этом роде случилось с фазанами, выведенными нами на Джерси. Мы отправили адресату совершенно здоровых по всем признакам птиц, а нам сообщили, что в первые же сутки они погибли от аспергиллеза.

Стало быть, фазаны были заражены еще до отправки, а мы об этом и не подозревали.

Еще более удручающий пример того, как сильное и здоровое на вид животное вдруг оказывается во власти смертельного недуга (случай с нашим калимантанским орангутаном Оскаром), Мы приобрели его совсем крошкой. В детстве у него были обычные простуды, но ничего серьезного. И вырос у нас один из самых великолепных орангутанов, каких я когда-либо видел. Посреди обрамленного столь характерным для этих обезьян валиком лица сверкали маленькие пронизательные глаза. Оскар был настоящий великан, вдвое сильнее любого человека, воплощение здоровья. Внезапно, без всяких видимых поводов, на него напала вялость. Через четыре дня могучий и, казалось бы, цветущий орангутан был мертв.

Началось с того, что у него пропал интерес к еде. Понятно, причины могли быть самые различные, от простуды до больного зуба, но у нас заведено в тех редких случаях, когда мы вообще замечаем какие-то симптомы, опасаться самого худшего. А потому мы, как обычно, когда дело касается наших человекообразных, вызвали и ветеринаров, и терапевта. Они прописали лечение, которое подсказывал их опыт, но скудные данные не позволяли поставить точный диагноз.

На второй день у Оскара обнаружился понос, после чего животное начало быстро хиреть. Все упиралось в то, что при столь стремительном развитии болезни мы не могли обездвигнуть его для обследования — слишком велик был риск смертельного исхода. И вот наступил последний день; привожу запись в картотеке.

Среда, 25 июля. 00.15. Особь издает звук, похожий на слабый кашель. 00.40. Рвота небольшим количеством жидкости. 01.30 — 03.15. Держится очень беспокойно, почти не спит, часто ворочается. Брюшные мышцы время от времени сокращаются, но отмечен только один случай рвоты. Глаза блестящие, состояние как будто бодрое.

03.55. Повернулся на бок, брюшные мышцы сокращаются, тяжелое дыхание. 04.10 — 05.40. Спит относительно крепко, временами ворочаясь. Частота дыхания — 21-22 в минуту. 05.40. Довольно бодр, садится, прислоняясь к стойкам платформы. От предложенного питья отказывается. 05.45. Лежа на спине, дремлет, покряхтывает. 05.55. Поворачивается на бок, потом на живот. Реагирует на ласковую речь. Тихо покряхтывает. Предложено питье. Как будто собирается пить, садится, но тут же снова лег. 06.00. Крепко спит. Сокращения брюшных мышц не наблюдается. 06.50. Проснулся. С великим трудом подошел к решетке. Сделал два глотка питья, содержащего кефлекс. Медленно сполз на пол. 07.05. Дрожит всем телом. 07.12. Дыхание 20. 07.50. Дыхание 24. 09.15. Лежа на спине, хрипло дышит открытым ртом. 09.20. Судороги, предсмертная рвота.

Вскрытие произвел по нашей просьбе руководитель Джерсийской патологической лаборатории доктор Джон Крегг. Выяснилось, что у Оскара был язвенный колит — довольно редкое заболевание у людей, еще более редкое у орангутанов. Недуг поражает слизистую толстой кишки: образующиеся язвы ведут к смертельному исходу. Поразительно, что мы не наблюдали никаких проявлений болезни, хотя она по всем признакам началась давно: ободочная кишка частично переродилась, то есть начиналось уже заживление, когда на-

ступила смерть.

Сознание того, что это скрытое заболевание при всем желании не могло быть определено по наблюдавшимся нами незначительным симптомам, нас ничуть не утешало. Как не утешало и то, что человека в таких случаях лечат кортизонными клизмами: этот метод требует сотрудничества с пациентом, но усыпленный Оскар не смог бы нам помочь, а бодрствующий — никак не пожелал бы.

Ветеринария на века отстала от медицины, обслуживающей человека. Нам-то посчастливилось: коллекцию треста пестуют умные и увлеченные специалисты; вообще же ветеринары, с которыми я встречался, меньше любой другой категории людей знали о диких животных, уступая в невежестве разве что служащим и директорам зоопарков да еще биологам. Поручите рядовому ветеринару лечить фенека (лисичка ростом меньше малого пуделя) и длинноногого верзилу гривистого волка — он будет действовать так, словно речь идет о щенках из одного помета. Систематически оба животных принадлежат к собачьим, но между ними огромная разница, и не только в росте, а в психологии, поведении, среде обитания. И чему тут, собственно, удивляться, если вспомнить, что ветеринары в ходе достаточно суровых практических занятий, как правило, общаются только с домашними животными. Мало кого манят неизведанные и опасные дали ветеринарии диких животных.

В этой области исследователя ждет непочатый край работы. В будущем, когда мы в отчаянной попытке прокормить хоть немного людей при разумном хозяйствовании, быть может, сумеем одомашнить таких своеобразных копытных, как канна, жираф, гарна или аноа, ветеринария экзотических животных сыграла бы огромную роль. О диких животных известно так мало, что любой шаг вперед — достижение. Взять искусственное осеменение, широко и в общем успешно используемое в разведении домашних животных. К диким животным этот метод только-только начинают применять, но и то уже видно, что он может стать могучим подспорьем в размножении исчезающих видов. В частности, Корнеллский университет добился успехов с искусственным осеменением соколов, причем снесенные в неволе яйца кладут потом в гнезда на природе (сами обитатели этих гнезд заражены инсектицидами, поэтому их яйца либо стерильны, либо из-за мягкой скорлупы часто дают увечных птенцов). Есть надежда, что удастся таким способом реинтродуцировать, скажем, сапсана в районы, где этот вид постигла судьба, предсказанная Рейчел Карсон в ее книге «Безмолвная весна».

Много работы предстоит и в разработке рационов, ибо без правильного знания пищевых потребностей диких животных содержать и разводить их трудновато. Может быть, для успеха размножения надо добавлять в корм грибы? Или мох? Или водоросли? А может быть, мы попросту перекармливаем животных?

Велико наше невежество. Так, нам очень мало известно о стрессовых факторах, а в их число может входить и недостаточный интервал между клеткой и публикой, и присутствие в соседней клетке особи другого вида. В нашем новом комплексе для мармозеток и тамаринов к стрессу приводит недостаточная вентиляция в проходе между спальными отсеками. Казалось бы, разве можно это считать причиной? А дело в том, что эти маленькие приматы метят свою территорию в клетках секретом пахучих желез, нанося его на сучья

или проволочную сетку. Если помещение плохо проветривается, животные, естественно, чувствуют запахи от меток соседних видов, воспринимают это как угрозу собственной территории и начинают усиленно метить ее, а толку чуть.

Может статься, что в будущем значительной части дикой фауны нашей планеты суждено уцелеть только в зоопарках. Тем важнее уже теперь решить — или хотя бы попытаться решить — возможно больше проблем такого рода. Ведь тогда на попечении зоопарков окажутся еще более редкие виды, и тут уж риска допускать нельзя. Этой областью ветеринарии надо заниматься так же активно, как мы занимаемся коровами, овцами, лошадьми. Кстати, им-то пока вымирание не грозит.

Глава 7 Ковчег на острове

Перед лицом столь грозной опасности следовало ожидать, что наш вид, выделяющийся среди животного царства своей способностью к логическому предвидению, разовьет бурную деятельность по охране природы. На самом же деле вы редко где услышите публичное выражение тревоги, еще реже увидите признаки активности... Речь идет не об экскурсии в область научной фантастики; в случае продолжения нынешних тенденций это, пожалуй, наиболее оптимистическая оценка человеческого будущего. Когда в природе наступает стадия роевания, массовая смертность неизбежна... Быть может, те, кому конец пути представляется таким, не правы, быть может, есть какой-то выход. Но если он есть, найти его можно только при каком-то невообразимом полном повороте всех наших научных усилий от эксплуатации ресурсов к их охране. Будем же надеяться, что измерившие глубины пессимизма не перестанут поощрять конструктивные попытки предотвратить то, что им представляется почти неизбежным.

Д-р С.Р. Эйр Популяция, производство и пессимизм

Пришлось тогда Четверым Путешественникам смириться с необходимостью продолжать свое странствие по суше, и, к счастью для них, в это время мимо проходил пожилой Носорог, чем они и воспользовались, и уселись все четверо на него верхом...

Таким образом, они еще до истечения восемнадцатой недели благополучно прибыли домой, где восхищенные родственники встретили их с радостью, которая умерялась долей осуждения, и они решили в конце концов отложить завершение намеченных странствий до более благоприятного случая.

...Что же до Носорога, то в знак своей искренней признательности они распорядились, чтобы его убили и сделали чучело, которое и поставили перед дверью отчего дома в роли Неодушевленного Привратника.

Эдвард Лир

Заливаясь безудержным смехом, Порываясь хоть слово сказать, Неприметно и тихо он сгинул, Ведь Ворчун был на деле Мычун.

Льюис Кэрролл

Надеюсь, мне удалось кое-чего добиться этой книгой. Прежде всего, если вы противник зоопарков, надеюсь, я сумел показать, что хорошо организованный зоопарк не вредит животным, а помогает им, более того, во многих случаях зоопарк станет последним убежищем многочисленных видов фауны в мире, кишащем людьми.

При всем том я обязан согласиться с вами (если вы противник зоопарков), что не все зоопарки безупречны. Из приблизительно полутысячи зоологических коллекций в мире считанные единицы заслуживают высшей оценки, кое-какие уступают им, а все остальные ужасны. Если исходить из того, что зоопарки могут и должны играть важную роль в научном исследовании, в просвещении и в охранных мероприятиях (принося тем самым пользу и нам, и другим живым существам), я глубоко убежден, что надо стараться их совершенствовать. Сколько раз приходилось мне слышать от ярых оппонентов, что они позакрывали бы все зоопарки на свете, но вот парадокс: эти же самые люди преспокойно мирятся с быстрым ростом числа сафари-парков, где уход за животными, как правило, куда хуже, чем в рядовой зоопарке. На обширной

площади животное может чувствовать себя так же скверно, как и на маленьком участке, но вид зеленых просторов и старых деревьев обезоруживает критиков, которые воображают, будто животным только это надо.

Странно, как утешает людские души зрелище животного среди поля в пять гектаров. Сафари-парки были придуманы исключительно ради чистогана. Никакие мысли о науке или охране фауны не омрачали заложенную в них идею. Они теперь, словно поганки, распространились по всему свету. С животными обычно в этих парках обращаются безобразно; несчастные случаи (тщательно скрываемые) потрясающи. На мотивах и квалификации создателей сафари-парков нет смысла долго задерживаться, этот вопрос и без того ясен, но один момент стоит подчеркнуть: обеспечить эти огромные предприятия сведущими и опытными работниками абсолютно невозможно по той простой причине, что такого количества сведущих и опытных работников нет на свете. Кому, как не мне, это знать — сам постоянно охочусь за этими раритетами.

Я не противник самой идеи сафари-парка. Я против того, как она сейчас осуществляется. В своем нынешнем виде сафари-парки губят и истощают дикие популяции больше любого зоопарка. При правильной организации и научной постановке дела сафари-парки могли бы сыграть огромную роль в сохранении таких животных, как антилопы, олени и крупные хищники. Но пока что они очень далеки от этого и больше всего напоминают скотобойни в лесистой местности. Словом, мое мнение таково: надо стремиться совершенствовать зоопарки и сафари-парки, а не кричать «долой»! Если бы Флоренс Найтингейл, натолкнувшись на ужасные условия в больницах прошлого века, принялась ратовать за их закрытие, вряд ли потом восхваляли бы ее проницательность и дальновидность.

А потому я предлагаю, чтобы все мы — и противники, и почитатели зоопарков — объединились в старании сделать их совершенными, добиваясь того, чтобы они помогали выжить представителям фауны, а не ложились дополнительным бременем на популяции, которым и без того слишком туго приходится в непосильной конкуренции с человеком. Для этого надо намного строже критиковать зоопарки и другие зоологические коллекции, чтобы их сотрудники более критически смотрели на самих себя, и даже те немногие из зоопарков, которые можно назвать хорошими, тоже стремились сделать лучше.

Подумать только: зоопарки были в Китае более двух тысяч лет назад; в Центральной Америке фантастические коллекции конкистадоры застали у ацтеков. Зверинцы в том или ином виде начали возникать с тех пор, как древний человек впервые запер в пещере мегатерия. Между тем законодательство почти совсем обходит своим вниманием зоопарки, В Великобритании, например, всякий может основать зоопарк, лишь бы не возражали местные власти. Обзаведясь коллекцией животных, владелец отвечает только перед санинспекцией (а санинспекторов больше волнуют кафе и общественные уборные, чем чистота клеток) и перед местным отделением Общества по защите животных от истязания. Это общество делает доброе дело, но когда нет явных признаков дурного обращения (болячек, торчащих из-за голодания ребер), то инспектор мало чем может помочь. Он ничего не знает о диких животных. Ему покажется вполне нормальным то, что животным воспринимается как чудовищная жестокость.

После Второй мировой войны вдруг, словно грибы, пошли плодиться дрянные зверинцы, наскоро организованные ничего не смыслящими в зоопарках людьми. Как-то раз мне позвонил, прося совета, директор одного такого «гриба». Ему понадобилось чем-то заполнить клетку размером 2х4 метра, а он, горемычный, не знал — ни кто есть кто в животном мире, ни какого роста бывают звери. Я должен был перевести ему наименования имеющихся в продаже животных (таких, как кугуар, гарна, гиена и так далее) и назвать их габариты, чтобы он мог решить, какой вид фауны подходит для его клетки.

Видит бог, для любой другой деятельности положено получить официальный патент! Почему же закон не требует минимума компетентности от человека, надумавшего открыть зоопарк? Любопытно, что такие порядки существуют в стране, народ которой не устает твердить себе самому и другим, как горячо он любит животных.

Некоторое время назад наиболее уважаемые зоопарки Великобритании организовали свою федерацию. Ее цели — путем инспекции и рекомендаций попытаться повысить уровень содержания животных, совершенствовать методику работы и планировку зоопарков. Мы вступили в эту федерацию, считая, что, коль скоро нет государственного контроля, следует хотя бы самим разработать и соблюдать какие-то нормы. Это и было проделано, так что федерация выполнила очень ценную работу в доступных ей рамках.

Следующим шагом федерации была попытка провести через парламент законопроект, обеспечивающий известный контроль над действующими зоопарками и устанавливающий стандарты для будущих учреждений этого рода. Тут-то и заварилась каша. В проекте весьма разумно предлагалось учредить беспристрастный государственный орган, чтобы он инспектировал и контролировал зоопарки и в какой-то мере влиял на контингент их создателей. В ряду прочих необходимых пунктов предусматривалось, чтобы все зоопарки вели учет своих приобретений, приплода и потерь, а упомянутый государственный орган мог знакомиться с этими данными. Как и следовало ожидать, большинство чисто коммерческих зоопарков ополчились против таких требований. Стремясь помешать принятию законопроекта, они оформили оппозицию в виде Ассоциации зоопарков, куда вошло большинство сафари-парков. Цель этого хода заключалась, разумеется, в том, чтобы превзойти федерацию числом членов и заявить правительству, что ассоциация — подлинный представитель зоопарков страны. А это, естественно, позволило бы ей либо вовсе похоронить законопроект, либо сделать его беззубым, превратить в освященное правительством ханжеское прикрытие, под защитой и с помощью которого члены ассоциации могли бы орудовать по-прежнему, используя авторитет закона, чтобы морочить голову критикам.

К счастью, федерация не поступилась своими принципами и продолжала отстаивать первоначальный вариант законопроекта, если не считать кое-каких мелких поправок. Лично я считаю, что проекту сильно недоставало строгости и полноты; все же как первый шаг он годился. Однако правительство перед лицом двух организаций, которые явно не могли прийти к единому мнению — каким должен быть закон и нужен ли он вообще, ответило с глубокомысленной миной: дескать, устраните сперва свои разногласия, решите, какого рода государственный контроль вам нужен, и приходите снова со своим законопроектом.

Теперь вроде бы предпринимаются усилия, чтобы подчинить зоопарки контролю местных органов власти. Что ж, это лучше, чем совсем никакого контроля, однако представьте себе, что вы, герцог Придурширский, крупнейший землевладелец в округе, надумали превратить свое поместье в сафари-парк, — много ли найдется на местах чиновников, которым хватит духу заметить вам, что вы дурно обращаетесь со своими животными, не говоря уже о том, чтобы как-то регламентировать вашу деятельность. Что там говорить, положение — хуже некуда.

Пока не введен государственный контроль, лучший способ содействовать совершенствованию зоопарков заключается в том, чтобы посетители задавали вопросы и проявляли мягкую настойчивость, добиваясь удовлетворительного ответа (если надо, прибегая к письмам и телефонным звонкам). Позвольте приблизительно наметить, на что следует обращать внимание и какие вопросы задавать. (Кстати, надеюсь, вы примените этот метод и к нам, если вам доведется посетить Джерси. Заверяю вас, что мы далеки от совершенства.) Нижеследующая шпаргалка годится для всех зоопарков и прочих коллекций экзотических животных в *любом* уголке земного шара. Итак: на что обращать внимание и какие вопросы задавать.

Присмотритесь к состоянию животного (о клетке пока не думайте). Налицо ли признаки хорошего состояния: плотное и блестящее оперение у птиц; гладкий, лоснящийся, плотный мех у млекопитающих; здоровый налет на покровах рептилий, амфибий и рыб. Самое главное — спокойное, безмятежное самочувствие, говорящее о полном благополучии; вы его сразу уловите, не ошибетесь.

(Помните, что у новичков, ветеранов и больных животных бывает ужасный вид.) Присмотритесь к клетке. Помните, что во многих случаях ее размеры не так уж важны (лишь бы не была совсем миниатюрной), так что пусть вас не вводят в заблуждение большая величина и архитектурные украшения. Годится ли она для данного вида? Есть ли нужное оборудование: ветки, колоды, качели, бочки и так далее? Есть ли животным где укрыться от публики? Могут ли они уединиться друг от друга?

(Помните, ощутив потребность рассердиться, что часто зоопарки вынуждены пользоваться допотопными клетками из-за отсутствия денег. Однако пусть не ускользнет от вашего внимания и то, что во многих зоопарках мастерят новые клетки, которые хуже допотопных.) Присмотритесь, как обстоит дело с водой. Достаточно ли воды, насколько она чистая?

(Помните при этом, что некоторые животные используют свои поилки, пруды или озера как уборную, а это сильно осложняет нам работу. Другие могут в воде свой корм или купаются в ней. И все же, приглядевшись, вы сумеете различить загрязненную свежую воду от грязной воды пятидневной давности.) Обратите внимание на чистоту. Не обязательно, чтобы клетка убиралась именно в этот день. Важно другое: производилась ли вообще когда-нибудь тщательная уборка?

(Под конец дня в вашей комнате заметны признаки пребывания человека, однако в основном она чистая; так и клетка должна производить впечатление жилой, но не запущенной обители. Она не должна выглядеть так, словно в ней помахали для виду метлой двести лет назад.) Теперь о том, какие вопросы задавать. Исследующие человеческую природу и изучающие склонность

гомо сапиенс к экивокам, приготовьтесь: вы можете получить здесь немалое удовольствие.

Начните с вопроса о том, какой цели служит данная коллекция животных.

(Цель может быть научной, охранной, просветительской или развлекательной. Желательно, разумеется, совмещение всех четырех целей, но, как правило, дело ограничивается последней.) Спросите, ведется ли научная работа. Если да, то публикуются ли результаты? Если публикуются, то где?

Спросите, есть ли картотека, насколько она сложна.

Спросите, от кого удалось получить приплод, когда это было, сколько животных размножаются ежегодно, получено ли второе, третье или четвертое поколение. Публикуются ли данные о размножении? Где публикуются?

(Один очень хороший и мудрый директор зоопарка сказал мне однажды: «При удаче каждый дурак может один раз добиться приплода от животного. О настоящем успехе можно говорить лишь в том случае, когда размножение происходит регулярно, получено и второе, и третье поколение».) Если в коллекции есть животные-одиночки, спросите, почему нет партнера. Спросите также, готова ли администрация одолжить свой единственный экземпляр другому зоопарку для размножения. Спросите, какова ежегодная смертность. Ведется ли ее учет, публикуются ли эти данные? Производится ли патолого-анатомическое исследование умерших животных?

Как администрация относится к охране фауны и что предпринимает, чтобы помочь этому делу?

Каких исчезающих животных разводят в данном зоопарке? Сколько их: одна пара или целая колония?

(Вряд ли вы вправе говорить о большом вкладе в охрану фауны, если у вас всего одна пара животных, приносящая раз в год потомство, которое вы тотчас сбываете.) Каковы успехи с размножением вымирающих видов?

В какой мере зоопарк обеспечивает сам себя приплодом от своих экземпляров как редких, так и распространенных видов?

(Конечной целью всякого уважаемого зоопарка должно быть такое положение вещей, когда он полностью обеспечен приплодом от своей коллекции и не играет роль источающего фактора для диких популяций.) Каковы дальнейшие планы в области охраны фауны?

Каковы планы в просветительской деятельности?

Каковы дальнейшие планы научной работы по содержащимся в зоопарке видам?

Какие намечаются исследования?

Я не ожидаю, что каждый зоопарк сумеет удовлетворительно ответить на все эти вопросы, и не рассчитываю, что каждый зоопарк будет соответствовать приведенным выше критериям. Мне только хочется, чтобы каждому зоопарку задавали эти вопросы, задавали все чаще и громче, пока они не очнутя от летаргии и не примутся совершенствовать свой уровень, пока не задумаются всерьез над своей ролью.

Но вернемся к нашей коллекции. На Джерси мы попытались создать зоопарк нового типа. По-моему, нам это удалось. Мы сделали немало ошибок и, наверное, сделаем еще больше, но ведь мы пока пребываем в стадии младенчества. До того как приступить к работе, я наслушался всякой всячины от множества людей, однако ни одно из их предсказаний не сбылось. Мне говорили,

что, сидя в таком глухом уголке, как Джерси, я не могу надеяться на поддержку. Когда пишутся эти слова, наш трест насчитывает 15 тысяч членов, разбросанных по всему свету. От Пекина до Претории, от Сиднея до Сиэтла. Число посетителей превысило 2090 тысяч в год и все время растет.

Мне говорили, что трудности, связанные с содержанием и размножением редких и исчезающих животных, неизбежны и огромны, а во многих случаях и неодолимы. Не стану утверждать, что получить приплод от диких животных просто, но добиться этого можно, доказательство — наши достижения, которые, учитывая размеры зоопарка, поразительны, причем с каждым годом мы идем вперед.

Мне говорили, что нельзя держать для показа много особей одного вида — публике это наскучит. Одна из наших главных экспозиций включает шесть вольеров только с белыми ушастыми фазанами. На этикетке подробно рассказано, почему мы занялись этими птицами и чего достигли. Мы убедились, что посетители увлеченно читают этот рассказ и приветствуют наши усилия. Пока еще никто не обнаруживал признаков скуки.

Мне говорили, что люди с высшим образованием никогда не согласятся на такой «лакейский» труд, как уход за животными. Я возражал, что этого не может быть: человек с дипломом не обязательно человек со спесью. Половина наших сотрудников, имея диплом о высшем образовании, охотно выполняет «лакейскую» работу ради близкого общения с животными, которое позволяет им проводить исследования, публикуемые в нашем ежегоднике и других научных изданиях.

Наконец — и это, пожалуй, самое важное, — мне говорили, что мои планы размножать животных в неволе, чтобы помочь спасению вымирающих видов, тщетны (жестоки, биологически несостоятельны). И вот теперь то, за что я ратую с шестнадцатилетнего возраста, воплощается в жизнь: по всему миру создаются питомники. Не всегда это делается на должном уровне, ну да ничего, главное — начать. Даже такая импозантная и весьма консервативная организация, как Международный союз охраны природы, признает, хотя и с некоторой сдержанностью, что размножение животных в неволе вполне может содействовать спасению определенных видов фауны.

Дальше мы собираемся преобразовать трест в своего рода мини-университет по содержанию и размножению диких животных. Подчеркиваю: это не будут курсы по подготовке смотрителей, организуемые некоторыми зоопарками. Такие курсы — дело очень нужное, но мы задумали нечто совсем другое, с куда более обширной и детализированной программой, отнюдь не ограничивающейся организацией и работой зоопарка.

Если мне будет позволено критиковать постановку охраны фауны (в частности, размножение животных в неволе), я хотел бы отметить нелепую и никому не нужную пропасть, разделяющую так называемых практиков и сотрудников со специальным образованием. Пропасть эта широка и приводит к нежелательным последствиям. Виноваты обе стороны: практики сторонятся специалистов с многоярусными научными знаниями, специалисты, в свою очередь, склонны смотреть на практика без диплома как на косноязычного неуча.

Как обычно, истина находится посередине между двумя крайностями. Я знаю практиков, которым не доверил бы дохлого чихуахуа, и знаю ученых

специалистов, которые, спустившись с рафинированных высот науки, способны опознать животное только в банке с формалином. Знаю мудрейших практиков, которые могут излагать свой ценный опыт лишь невнятным бормотанием, и знаю эрудитов, которые облачают ценную информацию в замысловатые гирлянды двенадцатисложных слов. Нечленораздельные звуки и многосложные предложения надо привести к общему знаменателю. Обоюдная подозрительность людей практики и людей науки влечет за собой разрыв, который, повторяю, может сильно повредить попыткам наладить размножение животных в неволе.

Сказанное можно подтвердить множеством примеров из различных томов «Красной книги», выпускаемой Международным союзом охраны природы. Эти превосходные издания с перечнем исчезающих млекопитающих, птиц и рептилий и сведениями об их прежнем и нынешнем распространении сообщают также, сколько особей данного вида содержится в неволе и каковы потенциальные возможности их размножения. Во многих случаях рубрика «репродуктивный потенциал» просто не заполнена, это говорит о научной добросовестности и готовности признать свое неведение, однако местами читаем: «неизвестен; вероятно, равен нулю» или «неизвестен; вероятно, очень мал». Наглядным примером может служить подвид сервала *Felis serval constantina*. О его репродуктивном потенциале в неволе сказано: «сервал, похоже, не очень хорошо размножается в неволе: мне известны два зарегистрированных случая». На самом деле многим зоологическим коллекциям удавалось получить приплод от сервала; у нас пока зарегистрировано тридцать пять случаев, причем одна самка котилась тринадцать раз и принесла двадцать девять детенышей.

Такая дезинформация вызвана тем, что ученый-специалист не спросил практиков. Внимательное исследование вопроса даст немало обратных примеров. И ведь это лишь один аспект. Вот другой, не менее тревожный: поскольку разведение животных в неволе становится все более популярным среди борцов за охрану природы, руководить этим делом все чаще будут ученые-специалисты, а это, как правило, люди совсем без практического опыта.

Теперь повсеместно царит гипноз ученого звания. Конечно, звание — это неплохо, но, если его носитель или носительница думают участвовать в разведении диких животных в неволе, необходимо сверх того уметь еще кое-что: выгребать навоз, носить воду и сено, не страшиться усталости и грязи, воочию узнать живых зверей, а они не совсем такие, часто даже совсем не такие, как в учебниках. Как я уже говорил, у половины наших сотрудников — высшее образование, и никто из них не гнушается тяжелого труда по уходу за животными, совмещая его с научными наблюдениями.

Нашим трестом задумано в дальнейшем расширить круг размножаемых животных (конечно, в пределах площади, которой мы располагаем). Ведь многие группы, входящие в сферу наших интересов, еще не представлены в коллекции. Так, у нас совсем нет неполнозубых (муравьеды, броненосцы и другие), нет и собачьих (собаки, лисы и т.п.). Вот мы и рассчитываем пополнить зоопарк размножающимися группами некоторых исчезающих видов. Тогда наша коллекция станет весьма представительной и будет служить двоякой цели: размножающиеся группы позволят увеличить в неволе исчезающие виды, нуждающиеся в срочной помощи, и они же явятся учебным пособием. С

помощью наших коллег в США мы уже организовали диетологическую лабораторию и ждем от нее ценнейшей информации. Еще одно весьма щедрое ассигнование позволило нам начать строительство ветеринарной лечебницы с научной базой; там будет и кабинет рентгеноскопии, и все необходимое для патолого-анатомических исследований, и хорошо оборудованное помещение для животных, проходящих серьезное лечение.

Упомянутая выше учебная программа потребует и других научных лабораторий для слушателей курсов и приезжающих к нам ученых; для них же понадобятся жилые помещения, лекционный зал, небольшая фото— и кинолаборатория, студия звукозаписи. Когда все это появится (только недостаток средств мешает нам осуществить эти планы немедленно), штаб-квартира треста станет, по сути дела, комплексной лабораторией охраны фауны, где будут создаваться размножающиеся группы исчезающих видов, будет всесторонне изучаться биология этих животных и, наконец, самое важное, будут готовиться специалисты по разведению в неволе диких животных в любой стране, где возникнет такая надобность.

Направляемые в штаб-квартиру треста слушатели пройдут на курсах основательную подготовку. Для начала, трудясь во всех секциях зоопарка по очереди, они получают прекрасную возможность овладеть методикой размножения самых различных видов — млекопитающих, птиц, рептилий. Затем они могут специализироваться на животных своих стран. Последовательно сдав устные и письменные экзамены, слушатели вернутся на родину, чтобы при постоянной помощи и консультации со стороны треста и его сотрудников помогать своим правительствам или организациям по охране фауны учреждать питомники в подходящих районах.

Как уже говорилось, суть программы составит не просто организация зоопарков, а та работа с дикими животными, на которой мы специализируемся, то есть создание размножающихся самопополняющихся групп разных видов фауны с прицелом на то, чтобы в будущем возвращать особи из этих колоний в исконные ареалы, возрождая исчезнувшие или пополняя хиреющие дикие популяции. Для такой работы необходимы люди трудолюбивые, настойчивые, а главное — преданные своему делу. Будем надеяться, что заинтересованные правительства или организации по охране природы пожелают выделить своих стипендиатов. И тогда трест сможет стать столь нужной сегодня школой, готовящей специалистов по разведению диких животных в неволе; получив должную подготовку, эти энтузиасты вернутся во всеоружии знаний в свои страны — и во всех уголках мира появятся охранные очаги.

Таковы наши замыслы. Я и мои товарищи по труду считаем эту задачу неотложной, важной и, главное, конструктивной. Мы надеемся, что вы, дочитав эту книгу, придете к такому же мнению. Если так, не хотите ли вы помочь нам, вступив в наш трест? Ежегодный взнос невелик, и мы сознательно его не повышаем, исходя из убеждения, что организация, насчитывающая 15 тысяч членов, которые платят скромные взносы, сильнее, чем организация с пятью тысячами членов, вносящих крупные суммы. От большинства других филантропических учреждений нас отличает то, что вы можете приехать и посмотреть, на что идут ваши деньги; нам и нашим животным всегда очень приятно с вами познакомиться. Итак, от имени множества обаятельных и эксцентричных, красочных и экзотических, восхитительных, сметливых, великолепных,

почтенных, потешных и обольстительных представителей меньшинства нашей планеты (которое не умеет ни читать, ни писать, ни голосовать, ни изобретать нервно-паралитические газы) зову вас присоединиться к нам. За подробностями обращайтесь ко мне по адресу:

Международный трест охраны диких животных Поместье Огр, Тринити, Джерси Нормандские острова

Сообщение от Фонда охраны дикой природы Джеральда Даррела

«Ковчег», основанный Джеральдом Дарреллом на острове Джерси, помогает спасать исчезающие виды животных по всему свету. Кампания за сохранение богатого разнообразия животного мира на нашей планете, ставшая делом всей его жизни, включает программы для самого редкого в мире голубя и соколка с острова Маврикий, уникального вида длиннохвостого попугая, черепахи, крылана, змеи, свиньи и нескольких редчайших обезьян. Эта кампания за сохранение исчезающих видов не закончилась со смертью Джеральда Даррелла в 1995 году. Его работа продолжается благодаря неустанным усилиям Фонда охраны дикой природы. В течение ряда лет многие читатели книг Джеральда Даррелла настолько вдохновлялись его впечатлениями и видением мира, что выражали желание продолжить историю, поддерживая деятельность его фонда. Мы надеемся, что вы тоже внесете определенный вклад, потому что своими книгами и всей своей жизнью Джеральд Даррелл ставит перед нами важную задачу. «Животные составляют бессловесное и лишенное права голоса большинство, — написал он, — которое может выжить лишь с нашей помощью». Пожалуйста, не теряйте интереса к охране природы, когда вы перевернете эту страницу. Напишите нам, и мы расскажем вам, как можно принять участие в нашей работе по спасению животных от вымирания. Чтобы получить более подробную информацию, обращайтесь по следующим адресам:

Durrell Wildlife Conservation Trust Les Augres Manor Jersey, English Channel Islands, JE3 5BP UK

Wildlife Trust PO Box 1000, 61 Route 9W Palisades, NY 10964-8000 USA

Wildlife Preservation Trust Canada 120 King Street Guelph, Ontario N1E 4P8 Canada